

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 3 · 2013

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

3-2013

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Издаётся с марта 1999 г. Периодичность 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнала «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам. гл. редактора); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф. (зам. гл. редактора); **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доцент; **Ждановский А.М.**, канд. ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доцент; **Кольба А.И.**, канд. полит. наук, доцент (зам. гл. редактора); **Курбатова Г.С.**, ответственный секретарь; **Лаврова Т.Г.**, канд. экон. наук, доцент; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доцент; **Мясникова Т.А.**, канд. экон. наук, доцент; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф.; **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (технический директор); **Савва Е.В.**, канд. философ. наук, доцент; **Филиппов Ю.В.**, канд. экон. наук, проф.; **Фоменко Г.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора).

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, профессор (Кубанский государственный университет); **Бодалев А.А.**, д-р психол. наук, проф., академик (Российская академия образования); **Дмитриев А.В.**, д-р философ. наук, проф., член-корр. РАН (Институт философии Российской академии наук); **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф. (Адыгейский государственный университет); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии Российской академии наук); **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф. (Кубанский государственный университет); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Университет прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (Российская академия образования); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии Российской академии наук); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (Южный федеральный университет); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский государственный университет); **Рябикина З.И.**, д-р психол. наук, проф. (Кубанский государственный университет); **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, проф. (Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук); **Сморгунов Л.В.**, д-р философ. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет); **Фадеева Л.А.**, д-р истор. наук, проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа Российской академии наук); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский педагогический университет, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 29.09.2013. Уч.-изд. л. 10,81. Усл. печ. л. 11,08. Тираж 1000 экз. Заказ №

3-2013

Содержание

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Рябкина З.И.* Перспективы исследований личности с теоретико-методологических позиций психологии субъекта. 6
- Гусейнов А.Ш.* Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности. 20
- Шлыкова Ю.Б.* Автобиографический текст как смысловое отражение бытия личности. 34

ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Куприянова А.И.* Феномен гендерной поляризации у детей дошкольного возраста. 43

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

- Ясько Б.А., Казарин Б.В.* Соотношение «идеального» и «реального» образа Я врача-руководителя: психологический анализ с позиций компетентностного подхода 54
- К 90-летию со дня рождения А.А. Бодалева. 65

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Мирошниченко И. В.* Сетевой подход в политических исследованиях: содержание и направления развития 68
- Баранов А. В.* Избирательные системы Российской Федерации и Украины: реформы в начале XXI в. и их политические эффекты 87
- Рассторгуев С. В.* Опыт бизнеса в политике: Миф или реальность? 100

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Баева Л. В.* Гражданское самосознание молодежи в современной России и проблема культурной безопасности 109

КАФЕДРА

- Ждановский А. М., Некрасов С. Д.* Личностные ориентиры студента, обучающегося по направлению «Государственное и муниципальное управление». 119

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 129

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 132

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Science Journal

3-2013

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editors:

Prof. **T.A. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), Deputy Editor-in-chief; Prof. **A. N. Demin**, Dr. Sci. (Psychology), Deputy Editor-in-chief; Assist. Prof. **V.V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Prof. **A.M. Zhdanovsky**, Cand. Sci. (History); Assist. Prof. **A. N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **A.I. Kolba**, Cand. Sci. (Political Science), Deputy Editor-in-chief; **G.S. Kourbatova**, Executive Editor; Assist. Prof. **T.G. Lavrova**, Cand. Sci. (Economics); Assist. Prof. **A.A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **T.A. Miasnikova**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **L.N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **A.A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **N.A. Riabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Technical Officer; Assist. Prof. **Ye.V. Savva**, Cand. Sci. (Philosophy); Prof. **Yu.V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **G.V. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **V.M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), Deputy Editor-in-chief.

Editor-in-chief:

Prof. **Yelena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy)

Editorial board:

Prof. **T.A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), Moscow State Institute of International Relations – University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Prof. **V.P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University; Prof. **A.A. Bodalev**, Dr. Sci. (Psychology), Member of Rus. Acad. of Education; Prof. **A.V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Member of Rus. Acad. Sci. (Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy); Prof. **Z.A. Jadé**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghee State University; Prof. **Yu.P. Zinchenko**, Dr. Sci., (Lomonosov Moscow State University); Prof. **V.V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology; Prof. **A.G. Ivanov**, Dr. Sci. (History), Kuban State University; Prof. **Dr. Jürgen Kessler**, Hochschule für Technik und Wirtschaft Berlin – University of Applied Sciences Berlin, Germany; Prof. **N.V. Kuzmina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education; Prof. **V.I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Mechnikov Odessa National University, Ukraine; Prof. **L.I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology; Prof. **S.P. Potzeluyev**, Dr. Sci. (Political Science), South Federal University; Prof. **A.P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University; Prof. **Z.I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University; Prof. **I.S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of International Economics and International Relations; Prof. **L.V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University; Prof. **L.A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State National Research University; Prof. **O.F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service under the President of the Russian Federation; Prof. **A.N. Shvetzov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute of Systemic Analysis; Prof. **O. L. Januškevičienė**, Dr. Sci. (Pedagogy), Dr. of Mathematics, Lietuvos edukologijos universitetas – Lithuanian University of Educational Sciences.

3-2013

CONTENTS

PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Ryabikina Z.I.* Prospects of investigating a personality from theoretical-methodological position of a subject psychology 6
- Huseynov A. S.* Specificity of escapism in the context of personal protest activity 20
- Shlykova Yu.B.* Autobiographical text as a notional reflection of a personality being. ... 34

PSYCHOLOGY OF AGE

- Kupriianova A. I.* Preschool children gender polarisation phenomenon. 43

LABOUR PSYCHOLOGY

- Yasko B. A., Kasarin B. V.* Correlation of ideal and real selves of a managing doctor: psychological analysis from the point of view of competence approach 54
- On A.A. Bodalev's 90th anniversary 65

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Miroshnichenko I. V.* Network approach in political studies: content and trends 68
- Baranov A.V.* Election systems of the Russian Federation and the Ukraine: reforms of early 21st century and their political impacts. 87
- Rastorguyev S. V.* A business experience in politics: myth or reality? 100

SECURITY PROBLEMS

- Baeva L.V.* Youth civil self-consciousness in the modern Russia and cultural security problem 109

CHAIR

- Zhdanovsky A.M., Nekrasov S.D.* Personal cues of a student studying public and municipal administration major 119

INFORMATION FOR AUTHORS 129

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS 132

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛИЧНОСТИ С ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА

.....

З. И. Рябикина¹

В статье анализируется влияние субъектного подхода на представления о личности и особенностях ее функционирования. Особое внимание уделено взглядам А. В. Брушлинского, чье 80-летие отмечается в 2013 г. Характеризуются достижения психологов Кубанского государственного университета и рассматриваются перспективные направления исследований личности с позиции субъектно-бытийного подхода.

Ключевые слова: субъектно-бытийный подход, личность, субъект, бытие, со-бытие, личностная идентичность, делегированная субъектность, виртуализация бытия.

Ryabikina Z. I. Prospects of investigating a personality from theoretical-methodological position of a subject psychology

The paper analyzes the impact of the subject approach to the representation of the identity and characteristics of its functioning. Particular attention is given to the views of A. Bruslinskii, whose 80th anniversary is celebrated in 2013. Characterized by the achievement of the Kuban State University psychologists and discusses promising areas of research from the perspective of the individual subject-existential approach.

Key words: subjective-existential approach, the personality, the subject being, co-existence, personal identity, subjectivity delegated, virtualization being.

В 2013 г. научное сообщество отмечает 80-летие со дня рождения выдающегося отечественного психолога Андрея Владимировича Брушлинского. Заложенные в идеях А. В. Брушлинского концептуальные послы реализовались в развитии многих эвристичных направлений психологической науки: субъектно-деятельностного, системно-субъектного, субъектно-средового, субъектно-бытийного подходов, онтопсихологии и др. Это показывает, что психология субъекта способна порождать новые ветви психологического знания [8; 10 и др.]. Подобное происходит, когда концептуальный потенциал теории обладает возможностями развития и содержит предпосылки для ее естественного «ветвления».

¹ Рябикина Зинаида Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: ryabikina@manag.kubsu.ru

Проблема субъекта остается одной из краеугольных в гуманитарных науках. Рассуждения об «исчезающем субъекте» только усиливают фундаментальность научных дискуссий о человеке с точки зрения его субъектности, поскольку сама острота прений по вопросу «субъект — не субъект» демонстрирует важность этой проблемы [27]. Психологи Кубанского государственного университета последние два десятилетия активно развивают идеи субъектного подхода, конкретизировав это направление в положениях *субъектно-бытийного подхода к личности*. Субъектный подход к рассмотрению психологических феноменов и к личности как интегратору этой феноменологии — один из мощных теоретических трендов, сложившихся в отечественной психологии. Развернутый во времени научный дискурс, обращенный к проблеме личности как субъекта бытия, имеет свое прошлое, настоящее и с определенными перспективами уходит в будущее. История становления взглядов на проблему субъекта в отечественной психологии связана со многими известными именами (С. А. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова, В. В. Знаков, Е. А. Сергиенко и др.), обусловлена развитием смежных тем и той общей идеологией научного анализа, которая соответствует своеобразию каждого культурно-исторического этапа научного сознания с его идеологемами, мифологемами, метафорами и пр. Настоящее этого дискурса, в частности, предстает в текстах, предложенных авторами научных сборников, изданных в Кубанском государственном университете — организаторе многих всероссийских конференций, посвященных проблемам личности как субъекта бытия [15-17; 21; 30 и др.]. Тексты обнаруживают продолжающуюся дискуссию о месте категории «субъект» в категориально-понятийном аппарате психологической науки и об отношениях этой категории с другими, базовыми для психологического научного дискурса понятиями. Деконструкция научных понятий показывает, что в зависимости от различающихся контекстов научных интересов исследователей, от категориально-понятийных моделей, в которые включено понятие, акцентируются его различные аспекты. Это в полной мере касается и категории «субъект», содержание которой обусловлено разными научными подходами (субъектно-деятельностным, системно-субъектным, субъектно-средовым, субъектно-бытийным и др.) и той внутренней историей «работы с понятиями», которая происходила (и происходит) в процессе оформления названных подходов. Острой темой остаются отношения категории «субъект» с категорией «личность». И в этой дискуссии авторы позиционируют себя по-разному. Например, анализ этой проблемы Е. А. Сергиенко показал возможность выделения двух подходов (акмеологического и эволюционного) в рассмотрении отношений субъекта и личности [28; 29].

Развиваемый нами *субъектно-бытийный подход к личности* призван подчеркнуть направленность человека на переустройство бытия в соответствии со структурой сложившихся личностных смыслов, т.е. на преобразование реальности внешнего мира таким образом, что мир становится следствием объек-

тивирования субъективного и продолжением личности, следствием ее экспансии. Как западные, так и отечественные психологи еще в XX столетии пришли к осознанию необходимости научного поиска, обращенного к проблемам человека, являющегося *субъектом преобразований бытия*. Порождающий характер психики и субъектная (преобразующая) направленность человека стали основными направлениями в переосмыслении предмета психологической науки и феноменологии личности.

Не претендуя на аналитику всего наследия А. В. Брушлинского (колоссально по эвристичности, фундаментального по своей значимости для науки), при обращении к его текстам, конечно, мы действуем *пристрастно* и опираемся в его работах на то, что можем *продолжить*, на то, что может послужить фундаментом в развитии субъектно-бытийной трактовки личности. В категориальном аппарате психологии субъекта А. В. Брушлинского категория «личность» предстает вторичной и интерпретируется менее развернуто [5]. Но основные идеи, раскрывающие суть категории «субъект», очерчивающие содержание субъектного подхода в психологии, не могут не влиять на интерпретацию личности, а также тех феноменов и процессов, которые традиционно включаются исследователями в поле личностной проблематики. Полагаем, что, утверждая приоритет в системе научных понятий категории «субъект» над категорией «личность», А. В. Брушлинский прежде всего стремился утвердить во взглядах на человека изначально, природно присущую ему (человеку) интенцию направленности на преобразовательную активность, на изменение, подчинение среды обитания его (человека) запросам. В этой связи само становление личности есть следствие субъектной позиции, которую занимает человек по отношению к миру и к самому себе. Эта интенция в ее содержательной трактовке близка понятию *самоактуализации*, которое было оформлено в текстах К. Гольдштейна, А. Маслоу, К. Роджерса и др. именно с целью отразить изначально присущую человеку направленность активности на полное самоосуществление.

Категория «субъект» акцентирует внимание на *качестве* активности человека. Ее привлечение в научный анализ призвано подчеркнуть в человеке действенность, творческоеначалю, активность, направленную на преобразование бытия в соответствии с внутренним содержанием личности, т.е. определение внешнего через внутреннее [22]. Именно категория «субъект» преодолевает дефицитарность детерминистского подхода к интерпретации психики и личности. Фундаментальная проблема детерминизма в контексте континуально-генетического метода А. В. Брушлинского обрела решение в следующей трактовке: «Не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» [5]. Бытие выступает в качестве объекта для человека и может существовать только во взаимодействии с ним как субъектом. Эта связь реализуется не только в характере *понимания* бытия как объективной сущности или его различающейся *интерпретации*, вследствие различающей-

ся субъективности интерпретаторов, каждый из которых наделен собственным уникальным опытом прожитой жизни, но в *творении* бытия, его преобразовании субъектом и его *постижении* в этих актах творения [10]. Одновременно происходят и изменения личности как субъекта в актах творения бытия.

Сформулированные А.В. Брушлинским положения о субъекте создают возможность постнеклассической интерпретации личности как саморазвивающейся системы с акцентами на особой ценности субъективного опыта и свойственной человеку направленности на конструирование мира [12; 28 и др.]. Субъектный подход фокусирует внимание на поиске и рассмотрении источников, причин активности в самом человеке, на *изначально* активной роли социализируемого индивида (А.В. Брушлинский), а также на взаимной имплицитности бытия и человека (С.Л. Рубинштейн), на свойственной человеку как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное. Характеризуя тренды общественного развития, Брушлинский отмечал, что общественные движущие силы все более перемещаются на личностный и социально-психологический уровень деятельности, сознания и поведения реальных людей как субъектов [2].

Развивая субъектно-бытийный подход к личности, мы подчеркиваем, что личность может быть понята, только если в поле анализируемых проблем включены *«пространства ее реализаций»* или *бытийные пространства*, так как личность не замкнута во внутреннем, не ограничена психическим, а включает в себя внешние по отношению к психике объективные пространства явлений, реорганизуемых ею в соответствии со структурой ее смыслов [23]. Как отмечают А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко, преобразующее отношение субъекта к внешнему и внутреннему миру побуждает к введению понятий «психологическое», «социально-психологическое пространство» (вместо понятий «среда», «условия», «действительность») [7]. Личностное бытие конкретного человека, являясь следствием его активности, воплощает в объективной реальности структуру и содержание его внутреннего, субъективного мира. И в этом смысле оно (личностное бытие) всегда *субъективно* (т.е. принадлежит субъекту, является результатом того отношения, в которое вступает с объективной сущностью бытия конкретный человек). *Субъективна* та связь элементов реальности в целое, которая позволяет говорить о *целостности индивидуального бытия*, субъективно вычленение тех объективных характеристик объектов/предметов бытия, которые создают основания для переживания субъектом своего бытия как тотальности (целостности). *Бытие личности — это неповторимая целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное)* [24]. Оно представлено многими *бытийными пространствами*, в которых личность с различающейся степенью успешности реализует себя.

Важно подчеркнуть, что в отличие от экзистенциальной психологии, для которой лейтмотивом в анализе отношения «личность — бытие» служит субъективизация объективного, в контексте субъектно-бытийного подхода лейтмотивом в анализе этого отношения является *объективация субъективного*, что обуславливает необходимость *изучать то, как человек опредмечивает замысел, как он создает реальность своего бытия, как он сам изменяется в этом процессе объективации, сталкиваясь с сопротивлением бытия Других (бытие всегда есть со-бытие), воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий, в тоже время, что и он* [24].

К неоспоримым достижениям А. В. Брушлинского относят расширение им представлений об активности. Его разработки в данной области «переросли» субъектно-деятельностный подход. В его построениях, по словам В. В. Знакова, целостность субъекта означает единство, интегративность не только деятельности, но и вообще *всех* видов человеческой активности, т.е. в психологии субъекта уделяется значительное внимание и другим проявлениям человеческой активности: общению, созерцанию, бессознательной психической жизни [9]. Ранее мы отмечали, что в этой связи представляется более близким к объему затрагиваемой А. В. Брушлинским в теоретическом осмыслении феноменологии использование понятия «бытие» [24]. Таким образом, в работах А. В. Брушлинского представлена *идеология преодоления бессубъектности в рассмотрении бытия*. Продолжение себя в мир, переструктурирование личностью пространств своего бытия в соответствии с личностными смыслами и достижение таким образом аутентичного бытия — все эти темы отражают свойственную работам А. В. Брушлинского и субъектно-бытийному подходу *гуманистическую идеологию в психологической интерпретации человека*.

Особое место в перечне предметных интересов субъектно-бытийного подхода к личности занимает тема ее *со-бытия* с другим человеком, тема возникающих и разрешаемых личностью *противоречий* в пространствах со-бытия [25]. Как уже говорилось, *в процессе конструирования своего мира, в процессе объективации субъективного личность сталкивается с сопротивлением бытия Других (бытие всегда есть со-бытие), воплощающих иные смыслы, создающих свое личное бытие в пространстве тех же предметов и событий, в тоже время, что и она*. Одним из важных признаков субъекта (критерием этого состояния человека) А. В. Брушлинский назвал «взаимосвязь с другими людьми как субъектами» [4]. Характеризуя субъекта, он отмечал противоречивость отношений человека с другими людьми: он всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен [3].

Развивая субъектно-бытийный подход к личности, психологи Кубанского государственного университета *создали структурно-динамическую теорию гендерной идентичности* (Л. Н. Ожигова [20]), *концепцию личности как субъекта бытия в экстремальных условиях* (Г. Ю. Фоменко [36]), разра-

ботали *теоретико-феноменологическую модель со-бытия личности в браке* (А. Р. Тиводар [34]), *модель субъектной активности личности в контексте ее обусловленности ориентацией на поддержку своей личностной идентичности* (Г. Г. Танасов [31]).

В исследованиях Г. Г. Танасова акцентирована тема *процессуальности* личности в ее повседневной бытийности. В его работах показано, что устойчивость, цельность, сохранность «личностного процесса» во времени и изменяющихся системах отношений с другими людьми обеспечивается ориентированной на это субъектной активностью [26; 32; 33]. Личностная идентичность — это мейнстрим, т.е. процесс, *направляющий интеграцию личности* и в этом качестве выполняющий системообразующую регуляторную, смыслообразующую функции, реализуемые в субъектной активности.

Достигнутые результаты убедительно показывают, что субъектно-бытийный подход к личности открывает перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает субъектом.

Перспективные направления исследований

Выявленные в исследованиях личности закономерности, созданные и доказавшие свою эвристичность теоретико-феноменологические модели обеспечили развитие и конкретизацию субъектно-бытийного подхода. Накопленный в исследованиях материал может служить предпосылкой для создания общей (интегративной) модели личности как субъекта бытия. При этом каждое из названных направлений субъектно-бытийного подхода открыло возможности для рассмотрения и психологического анализа разнообразной феноменологии и имеет собственные перспективы.

В частности, представляется очень перспективным продолжение разработки темы *личностной идентичности в со-бытии с Другим*. Личность как субъект, разрешая противоречия между определенным образом устроенным внутренним миром и внешней реальностью, подчиняя внешнюю реальность закономерностям своего внутреннего мира и таким образом «продолжая» себя во внешний мир через осуществление актов персонализации, развивается, расширяя свою бытийность [25]. Среда и отношения, в которые вступает человек с другими людьми, могут благоприятствовать или препятствовать этому процессу. В последнем случае принято говорить о «социальных прессах». Бытие с Другим, или со-бытие, следует отнести к таким средовым обстоятельствам, в которых человек доступными ему способами пытается «состояться во всей полноте своего потенциала» (А. Маслоу). В обстоятельствах со-бытия с Другим он селектирует возможные виды активности и пытается объективировать свой субъективный мир, претворив его в предметно-пространственной среде, в организации времени и прочих бытийных пространствах.

Субъектность личности в условиях со-бытия с другим человеком может быть дуальной либо привести к асубъектности Другого. Во втором случае невозможность личности реализовать себя как субъекта, отсутствие возможности «продлить» себя во внешний мир (таким внешним миром выступает и внутренний мир другого человека, партнера по со-бытию) переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие [31; 34].

В условиях современной социальной реальности, характеризующей масштабными преобразованиями, неустойчивостью социальных систем, частой сменой социальных статусов личности, внимание к теме связи *личностной идентичности* и *со-бытийности* – важный теоретический тренд в научном дискурсе. Субъектно-бытийный подход к личности, интерпретации ее бытия и со-бытия, обоснованный *методологический дрейф от принципа единства сознания и деятельности к принципу единства личности и ее бытия*, уже проведенные исследования со-бытия личности в приватном пространстве и в пространстве деловых отношений подготовили основания для создания соответствующей теоретической модели.

Реализуя субъектно-бытийном подходе взгляд на личность как субъекта-процесса бытия, который необходимо поддерживать определенным образом ориентированной субъектной активностью, исследователи рассматривают личность как согласованное единение психических процессов [32]. Ее целостность (согласованность субъективного и объективных пространств бытия) и непрерывность во времени переживаются человеком как *чувство идентичности* или *самотождественности*.

Другой человек выступает важной частью бытия личности, актором, способным подтвердить ее идентичность и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором личность видит (самопонимает) себя, или прервать ее бытийность в этом качестве [31].

Конструкт *личностной идентичности* в теоретико-феноменологической модели субъектной активности, направленной на поддержку аутентичного бытия, обладает доказанным в исследованиях объяснительным потенциалом (Л. Н. Ожигова, А. Р. Тиводар, Г. Г. Танасов, Ю. Э. Макаревская, М. И. Дубенцов и др.). Разработка *темы личностной идентичности в со-бытии с Другим* представляется очень перспективной и в дальнейшем. В общественном сознании, в обыденной рефлексии, в художественных произведениях эта проблема присутствует постоянно. Характер ее осмысления свидетельствует об остроте переживаний личности, находящейся «на жизненном переломе» и о безусловной связности этих феноменов — «личностная идентичность» и «со-бытие с Другими».

Остановимся на ярких литературных примерах, иллюстрирующих значимость связи личностной идентичности героя с направленностью его субъектной активности в со-бытии. Культовая книга Дж. Керуака «На дороге» (провозвестник молодежной субкультуры *хипстеров*, появившейся в США в 1940-е гг.

и довольно новой, но уже очень распространенной в современной России) и ее герои — это выражение растерянности, непонимания направленности движения, отсутствия у человека нагруженной ясным содержанием *личностной идентичности*, когда активность по самоопределению исчерпывается подражанием внешним признакам группы, а предметом культа становятся вещи, аксессуары, модные тренды, что приводит к лишенной принципов, ограниченной во времени, поверхностной, мимоletной *со-бытийности*, как повстречавшиеся на дороге случайные путники [11].

Тема переезда, транзита, оторванности личности, *диффузии ее идентичности и случайности со-бытийных сообществ* актуализируется в сложные, переходные исторические периоды. Еще один пример, впечатляющий по образности и потрясающий по глубине художественной аналитичности феномена нарушенной *со-бытийности* личности, — произведения Г.И. Газданова [6], представляющего младшее литературное поколение первой волны российской эмиграции XX столетия. Формирование личности в обстановке эмигрантского существования, *внутри чужой, доминирующей культуры* — порождает ментальность особого качества, экзистенциальное чувство трагического бытия, некомфортного, зачастую представляющегося абсурдным *со-бытия* с чуждыми людьми [18]. «Молодые» эмигранты, активно ассимилируя новый опыт, оказались чужды старшему поколению эмигрантов, трагически переживавших потерю распадающегося мира и посвятивших себя, свое творчество поддержке образа ускользающей культурной модели, обеспечившей им *чувство личностной идентичности* и ясные принципы *со-бытийности* в определенном образом организованной социокультурной реальности. Но «молодые» эмигранты также (вероятно, еще больше) были чужды «инокультурному» окружению своего нового бытия, в котором неимоверно сложно занять субъектную позицию в выстраивании *со-бытия*, что необходимо личности для обретения и поддержки *личностной идентичности* [32]. Герои Газданова переживают «превращения», сопровождаемые сменой чувства идентичности, но не оставляющие впечатления устойчивости, значимости, окончательности. Отсутствие стабильности, потеря критериев, позволяющих различать значительное и несущественное, постоянное и преходящее и пр., ведут к утрате способности целостно воспринимать мир и свое место в нем. Мир становится «текучим, фрагментарным, утратившим внутреннюю связь» [13].

К подобным литературным примерам следует отнести и произведение, в котором повествуется о более близких нам событиях. Это книга известного отечественного автора Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» (удостоена премии «Русский букер»). Юная героиня Татьяна «выпадает» из благополучия устроенной жизни и в растерянности дрейфует по ночной Москве с ее странными и совсем не безопасными персонажами. Жизненный разлом, вдруг потерянное чувство *личностной идентичности* приводят к разрушению *со-бытийности* с близкими, еще вчера столь дорогими людьми [35].

Любопытную перспективу развития субъектно-бытийного подхода создает *проблема онтологических оснований человеческой жизни*, пространственно-временной развертки бытия, включая проблемы предметности бытийных и со-бытийных пространств личности. Пока не хватает понятий, описывающих процесс «инкарнации» (М. Бахтин) вещей в человека, а человека в мир, хотя с каждым днем все глубже в наше сознание проникает мысль о том, что границы между человеком и миром весьма условны (В. Е. Клочко). В практике повседневного бытия это происходит посредством организации предметов и пространства близкими нам людьми, создающими предметно-пространственную среду совместной жизни. Деконструкция «предметного мира», т.е. неязыковых атрибутов культуры, раскрывает смыслы *субъективно-объективных пространств со-бытия*. Любой предмет, соотносимый с субъектностью другого человека, предстает перед нами как знак, информирующий о характеристиках, намерениях, отношении к нам этого субъекта.

Творение своего бытия личностью предполагает возможность применения различных инструментов, в том числе и обращение к другому человеку, который в силу своей профессиональной подготовки лучше владеет способами превращения идеального (замысел) в материальное, субъективного в объективное. Подобная «делегированная субъектность», или обращение к другому человеку с просьбой «сделай так, как я хочу», — распространенный и естественный факт нашей жизни (обращение к стилистам, дизайнерам, разнообразным помощникам по дому, привлечение к воспитанию ребенка в семье нянь и гувернеров и т.д.).

Особое значение обретает эта обращенность в тех случаях, когда мы считываем на то, что другой человек создаст *приватное* пространство нашей жизни. И хотя приватное пространство человека описывается в психологии среды в терминах объективной реальности, выступает в качестве материальной субстанции, этим его суть не исчерпывается. Личность, трактуемая в контексте психологического феноменологизма, — это *субстанция, процессуально претворяющая свое бытие в психических явлениях*. Личность, рассматриваемая в контексте субъектно-бытийного подхода есть *субстанция, претворяющая себя в актах творения бытия*. Бытие личности — это *субъективно-объективная реальность, «неповторимая целостность»* взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективизировал субъективное)» [24, с. 56].

Приватное пространство личности — это то пространство, с которым личность чувствует наибольшую слитность. Действенный (субъектный) аспект приватности проявляется в возможности действовать в этом пространстве, поддерживая процессы и реализуя активность в тех видах деятельности, которые сохраняют и укрепляют целостность личности и поддерживают чувство

личностной идентичности. Это пространство, наиболее защищенное от возможных дисперсивных влияний других субъектов.

Рассматривая личность как субъект, объединяющий все стороны своего бытия в единство, нельзя не подчеркнуть, что «делегирующее субъектности», т.е. привлечение другого человека для создания своего приватного пространства всегда содержит угрозу нарушения целостности личностного бытия и возможность ослабления чувства личностной идентичности.

Еще одно актуальное направление исследований личности связано с проблемами «новой реальности», в которой строит свое бытие современный человек (проблема более подробно рассмотрена в статье, подготовленной в соавторстве с Е.И. Богомоловой «Возможные изменения субъектной позиции личности в связи с нарастающей виртуализацией ее бытия» [27]). Речь идет о «гиперреальности» (Ж. Бодрийяр), о «киберпространстве» (У. Гибсон), о «виртуализации» современного общества (Ю.П. Зинченко). Проблема субъекта в этом ракурсе предстает амбивалентной. С одной стороны, субъектность личности возрастает, так как упрощается доступ к «глобальным воплощениям» своего ментального продукта. Благодаря технологиям виртуальной реальности ментальная конструкция отдельного человека потенциально более субъектна, отдельный человек — потенциально более активный агент воздействия на структурирование событий. С другой стороны, виртуализация отношений личности таит опасность симуляции ее субъектности или искажения субъектной ориентированности из-за отсутствия истинного диалога с Другим.

Как подчеркивалось ранее, другой человек всегда важен для личности как актер, способный подтвердить ее идентичность и таким образом продолжить ее бытийность в том качестве, в котором личность видит (самопонимает) себя, или «прервать» ее бытийность в этом качестве [31]. Один из наиболее привлекательных аспектов бытия личности в виртуальной реальности — возможность создания о себе любого впечатления, самораскрытия и конструирования образа по своему выбору [1; 14 и др.]. В виртуальных отношениях социальных сетей расширяется псевдокультурное поле общения, диалог в котором осуществляется по принципу совпадающих или почти совпадающих смысловых структур. Происходит снятие естественных в общении с другим человеком *противоречий*, которые через *диалог с иным* обеспечивают развитие смысловой сферы личности, ее личностный рост [25]. В.В. Миронов называет это общением личности со своим зеркальным отображением, «царством мертвой тождественности» [19].

В данной статье мы остановились на нескольких направлениях исследований личности с позиций субъектного подхода, полагая их перспективными и заслуживающими исследовательского внимания.

В целом методологическое значение *субъектного подхода* состоит в осмыслении проблем, возникающих в связи с реализацией человеком главной функции — быть субъектом тех многообразных бытийных пространств, в ре-

организации которых он утверждает себя как личность. В этом заключается социальная релевантность современной психологической науки.

Ведущие идеи А. В. Брушлинского о субъекте как человеке на высшем уровне своей активности, целостности, системности, автономности находят свое дальнейшее развитие в теоретико-методологических работах и в эмпирических исследованиях, выполненных в рамках субъектно-бытийного подхода, что представляется эвристичным и многообещающим как для осмысления фундаментальных проблем психологической науки, так и для решения острых социальных проблем современности.

Библиографический список

1. *Асмолов А. Г., Асмолов Г. А.* От Мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. №3.
2. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта: некоторые итоги и перспективы // Известия Российской академии образования. 1999. № 2.
3. *Брушлинский А. В.* Деятельность субъекта как единство теории и практики // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 6.
4. *Брушлинский А. В.* О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002.
5. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
6. *Газданов Г.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Согласие, 1996.
7. *Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Социально-психологическое пространство личности. М.: Институт психологии РАН, 2012.
8. *Знаков В. В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2.
9. *Знаков В. В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005.
10. *Знаков В. В.* Психология субъекта А. В. Брушлинского, герменевтика субъекта М. Фуко и психология человеческого бытия // Личность и бытие: субъектный подход. М.: Институт психологии РАН, 2008.
11. *Керуак Дж.* Избранная проза: в 2 т. Т. 1: В дороге. М.: AirLand, 1995.
12. *Клочко Ю. В.* Человек в закрытой среде: проблемы смыслообразования, переосмысления и смыслоутраты // Идеи О. К. Тихомирова и А. В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): материалы Всерос. науч. конф. (с иностранным участием). Москва, 30 мая — 1 июня 2013 г. М.: МГУ, 2013.
13. *Красавченко Т. Г.* Газданов: философия жизни // Российский литературоведческий журнал. 1993. №3.
14. *Кузнецова Ю. М.* Картина мира и современные технологии: «легкость бытия» в Интернете // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М: Изд-во МГУ, 2011.
15. Личность и бытие: теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.

16. Личность и бытие: субъектный подход: материалы II Всерос. науч.-практ. конф.; в 3 кн. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
17. Личность и бытие: субъектный подход. М.: Институт психологии РАН, 2008.
18. Матвеева Ю. О «мистической атмосфере» в творчестве Г. Газданова // Дарьял. 1996. №2.
19. Миронов В.В. Глобальное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры // Человек как субъект и объект медиапсихологии. М: Изд-во МГУ, 2011.
20. Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
21. Психология личности и ее бытия. Теория, исследования, практика. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
22. Рубинштейн С.А. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
23. Рябикина З.И. Личность и ее бытие в быстро меняющемся мире // Личность и бытие: теория и методология: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.
24. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005.
25. Рябикина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал, 2008. №2.
26. Рябикина З.И., Танасов Г.Г. Субъектно-бытийный подход к личности и анализу ее со-бытия с Другими (конструктивная версия постмодернистских настроений) // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 2.
27. Рябикина З.И., Богомолова Е.И. Возможные изменения субъектной позиции личностей связи с нарастающей виртуализацией ее бытия // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 2.
28. Сергиенко Е.А. Развитие идей А.В. Брушлинского на современном постнеклассическом этапе психологии // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения): материалы Всерос. науч. конф. (с иностранным участием). Москва, 30 мая — 1 июня 2013 г. М.: Изд-во МГУ, 2013.
29. Сергиенко Е.А. Теоретико-экспериментальное обоснование гипотезы о соотношении субъекта и личности // Личность и бытие: субъектный подход (к 80-летию со дня рождения А.В. Брушлинского): материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. (с иностранным участием). Краснодар; М.: Кубанский гос. ун-т, 2013.
30. Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Институт психологии РАН, 2005.
31. Танасов Г.Г. Личность в переговорах: субъектно-бытийный подход: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2012.
32. Танасов Г.Г. Проблема общения в отечественной психологии и в исследованиях психологов Кубанского государственного университета // Человек. Сообщество. Управление. 2011. № 1.

33. *Танасов Г.Г.* Фактор пола в обусловливании переживаемых состояний и поведения субъекта деловых переговоров // *Человек. Сообщество. Управление.* 2011. № 2.
34. *Тиводар А.Р.* Личность как субъект со-бытия в брачных отношениях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2008.
35. *Улицкая Л.* Казус Кукоцкого. М.: Эксмо, 2000.
36. *Фоменко Г.Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.

Bibliography

1. *Asmolov A. G., Asmolov G.A.* Ot My-media k Ja-media: transformacija identichnosti v virtual'nom mire // *Voprosy psihologii.* 2009. №3.
2. *Brushlinskij A. V.* Psihologija subjekta: nekotorye itogi i perspektivy // *Izvestija Rossijskoj akademii obrazovanija.* 1999. № 2.
3. *Brushlinskij A. V.* Dejatel'nost' subjekta kak edinstvo teori i ipraktiki // *Psihologicheskij zhurnal.* 2000. T. 21, № 6.
4. *Brushlinskij A. V.* O kriterijah subjekta // *Psihologija individual'nogo i gruppovogo subjekta.* M.: PER SJe, 2002.
5. *Brushlinskij A. V.* Psihologija subjekta SPb.: Aletejja, 2003.
6. *Gazdanov G.* Sobranie sochinenij: v 3 t. M.: Soglasie, 1996.
7. *Zhuravlev A.L., Kuprejchenko A.B.* Social'no-psihologicheskoe prostranstvo lichnosti. M.: Institut psihologii RAN, 2012.
8. *Znakov V. V.* Psihologija subjekta kak metodologija ponimaniya chelovecheskogo bytija // *Psihologicheskij zhurnal.* 2003. T. 24, № 2.
9. *Znakov V. V.* Psihologija subjekta i psihologija chelovecheskogo bytija // *Subjekt, lichnost» i psihologija chelovecheskogo bytija.* M.: Institut psihologii RAN, 2005.
10. *Znakov V. V.* Psihologija subjekta A.V. Brushlinskogo, germenevtika subjekta M. Fuko i psihologija chelovecheskogo bytija // *Lichnost' i bytie: subjektnyj podhod.* M.: Institut psihologii RAN, 2008.
11. *Kerouac J.* Izbrannaja proza: v 2 t. T. 1: V doroge. M.: AirLand, 1995.
12. *Klochko Ju. V.* Chelovek v zakrytoj srede: problemy smysloobrazovanija, pereosmyslenija i smysloutraty // *Idei O. K. Tihomirova i A. V. Brushlinskogo i fundamental'nye problemy psihologii (k 80-letiju so dnja rozhdenija): materialy Vseros. nauch. konf. (s inostrannym uchastiem).* Moskva, 30 maja — 1 ijunja 2013 g. M.: MGU, 2013.
13. *Krasavchenko T. G.* Gazdanov: filosofija zhizni // *Rossijskij literaturovedcheskij zhurnal.* 1993. №3.
14. *Kuznecova Ju. M.* Kartina mira i sovremennye tehnologii: "legkost' bytija" v Internetе // *Chelovek kak subjekt i objekt mediapsihologii.* M: Izd-vo MGU, 2011.
15. *Lichnost' i bytie: teorija i metodologija: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2003.
16. *Lichnost' i bytie: subjektnyj podhod: materialy II Vseros. nauch.-prakt. konf.; v 3 kn.* Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2004.
17. *Lichnost' i bytie: subjektnyj podhod.* M.: Institut psihologii RAN, 2008.
18. *Matveeva Ju.* O "misticheskoy atmosfere" v tvorchestve G. Gazdanova // *Dar'jal.* 1996. №2.

19. *Mironov V.V.* Global'noe kommunikacionnoe prostranstvo kak faktor transformacii kul'tury // *Chelovek kak subjekt i objekt mediapsihologii*. M: Izd-vo MGU, 2011.
20. *Ozhigova L.N.* Gendernaja identichnost' lichnosti i smyslovye mehanizmy ee realizacii: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Krasnodar, 2006.
21. *Psihologija lichnosti i ee bytija. Teorija, issledovanija, praktika*. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2005.
22. *Rubinshtejn S.L.* Bytie i soznanie. *Chelovek i mir*. SPb.: Piter, 2003.
23. *Ryabikina Z.I.* Lichnost' i ee bytie v bystromenajushhemsja mire // *Lichnost' i bytie: teorija i metodologija: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2003.
24. *Ryabikina Z.I.* Lichnost' kak subjekt formirovanija bytijnyh prostranstv // *Subjekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija*. M.: Institut psihologii RAN, 2005.
25. *Ryabikina Z.I.* Subjektно-bytijnyj podhod k izucheniju razvivajushhih lichnost' protivorechij // *Psihologicheski jzhurnal*, 2008. №2.
26. *Ryabikina Z.I., Tanasov G.G.* Subjektно-bytijnyj podhod k lichnosti i analizu ee so-bytija s Drugimi (konstruktivnaja versija postmodernistskih nastroenij) // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2010. № 2.
27. *Ryabikina Z.I., Bogomolova E.I.* Vozmozhnye izmenenija subjektноj pozicii lichnosti v svjazi s narastajushhej virtualizaciej ee bytija // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2013. № 2.
28. *Sergienko E.A.* Razvitie idej A. V. Brushlinskogo na sovremennom postneklassicheskomj etape psihologii // *Idei O.K. Tihomirova i A.V. Brushlinskogo i fundamental'nye problemy psihologii (k 80-letiju so dnjarozhdenija): materialy Vseros. nauch. konf. (s inostrannym uchastiem)*. Moskva, 30 maja — 1 ijunya 2013 g. M.: Izd-vo MGU, 2013.
29. *Sergienko E.A.* Teoretiko-jeksperimental'noe obosnovanie gipotezy o sootnoshenii subjekta i lichnosti // *Lichnost' i bytie: subjektnyj podhod (k 80-letiju so dnja rozhdenija A. V. Brushlinskogo): materialy VI Vseros. nauch.-prakt. konf. (s inostrannym uchastiem)*. Krasnodar; M.: Kubanskij gos. un-t, 2013.
30. *Subjekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija*. M.: Institut psihologii RAN, 2005.
31. *Tanasov G.G.* Lichnost' v peregovorah: subjektно-bytijnyj podhod: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Krasnodar, 2012.
32. *Tanasov G.G.* Problema obshhenija v otechestvennoj psihologii i v issledovanijah psihologov Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2011. № 1.
33. *Tanasov G.G.* Faktor pola v obuslovlivanii perezhivaemyh sostojanij i povedenija subjekta delovyh peregovorov // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*. 2011. № 2.
34. *Tivodar A.R.* Lichnost' kak subjekt so-bytija v brachnyh otnoshenijah: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Krasnodar, 2008.
35. *Ullickaja L.* *KazusKukockogo*. M.: Jeksmo, 2000.
36. *Fomenko G.Ju.* Lichnost' kak subjekt bytija v jekstremal'nyh uslovijah: avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Krasnodar, 2006.

СПЕЦИФИКА ЭСКАПИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

.....

А. Ш. Гусейнов¹

В статье с позиций междисциплинарного подхода обсуждается специфика эскапизма в контексте протестной активности, отмечается его противоречивость и многоплановость. Особое внимание уделяется пониманию психологических механизмов эскапизма как средоточия внутриличностного, интересубъектного и макросоциального конфликта, направленного не на разрушение, а на деконструкцию бытийного пространства.

Ключевые слова: протест, эскапизм, конфликт, самореализация, субъектность.

Huseynov S. Specificity of escapism in the context of personal protest activity

It is discussed in the article within the limits of interdisciplinary approach specifics of escapism in the context of protest activity; its contradictoriness and diversity are noted. Particular attention is paid to understanding the psychological mechanisms of escapism as a centre of the intrapersonal, intersubject and macrosocial conflict aimed not at destruction, but at deconstruction of existential space.

Key words: protest, escapism, conflict, self-actualization, subjectness.

Продолжающаяся глобализация подвергает интенсивной трансформации все сферы жизни человеческого общества: духовную, социально-экономическую, политическую. Новый этап глобализации вызывает качественно новые явления, например, феномен виртуализации, способствующий дегуманизации экономики, нарушающий онтологические законы и деформирующий личность современного человека и социум. В связи с этим в междисциплинарном дискурсе продолжают острейшие дискуссии о вероятностных эффектах технизации общества, все меньше места оставляющих контролю над реальностью [1; 8; 11], а также о способах существования и месте человека в стремительно изменяющемся мире [6; 18].

Одной из форм протестного реагирования на интенсивные социокультурные изменения, показательным симптомом системного неблагополучия во взаимодействии личности с социумом, личности с государством является эскапизм. Несмотря на то что эскапизм встроен в ткань современной куль-

¹ Гусейнов Александр Шамильевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Краснодарского государственного университета физической культуры, сервиса и туризма. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

туры, как психологический конструкт он недостаточно исследован, нет однозначного понятийного толкования сущности эскапизма, ощущается дефицит эмпирических исследований феномена. Внутренние и внешние противоречия, вынуждающие человека делать выбор в пользу эскапизма, также до конца не изучены. Парадоксально, что эскапистские формы поведения свойственны преимущественно молодому поколению, от которого общество ждет творческой активности в области культуры, в решении глобальных проблем цивилизации.

Обращение к содержанию слова «эскапизм» обнаружило неоднозначность трактовок. Большой российский энциклопедический словарь эскапизм, эскейпизм (от англ. *escape* — бежать, спастись) трактует как стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазии в ситуации кризиса, бессилия, отчуждения [3, с. 1851].

Идеографический словарь дает два толкования «*escape*»: 1) избавление, спасение; 2) средство забыться, уйти от действительности [22, с. 176]. Интересна интерпретация термина как «ускользнуть от внимания», «невозможность вспомнить» [22, с. 58], где прослеживается, на наш взгляд, действие защитных механизмов (вытеснение). Встречается и иная трактовка слова, акцентирующая внимание на политической пассивности, при этом эскапизм рассматривается как социальное явление, для которого характерно стремление индивида или части социальной группы уйти от общепринятых стандартов общественной жизни [2].

Проведённый нами теоретический анализ показал, что допустимо применительно к психологической феноменологии использовать понятия «эскапизм», «бегство» и «уход» как синонимы, поскольку в смысловом отношении они тесно связаны с понятиями отчуждения, отстраненности, смыслоутратой, неприятием.

С. А. Рубинштейн считал, что на высших уровнях организации правомерно говорить не о движении, а о способе существования. Исходя из этого тезиса, эскапизм целесообразно рассматривать как специфический способ существования, во многом обусловленный протестной активностью личности. Понятие способа существования, согласно его взглядам, дает возможность соединить сущность с ее бытием, существованием. Реализуя онтологический подход, С. А. Рубинштейн отмечает специфику человеческого способа существования, выраженную в двух его формах: 1) поглощенность непосредственными связями, дискретность в отношении к жизни; 2) осмысленная и ответственная позиция, связанная с появлением рефлексии, позволяющая выйти за пределы ситуации [6, с. 351-352].

Г. Ю. Фоменко, опираясь на данное положение С. А. Рубинштейна, уточняет, что предпочитаемый личностью способ существования определяется особенностями процесса и характера разрешения ею системы внутритипологических

противоречий, противоречий в личностных бытийных пространствах, а также экзистенциальных [19].

Обращение к историческому экскурсу эскапизма убеждает нас в том, что феномен существовал и раньше, изменяя в историческом времени свою форму, но не протестную сущность. В период античности философы, демонстрируя разные формы ухода от действительности, выражали протест против невежества сограждан и аморальности нравов, несправедливости законов и порядков. Гераклит Эфесский в знак протеста против изгнания его друга Гермодора отказался от участия в общественной жизни города, отрекся от титула царя и стал отшельником. Диоген, несогласный с нравами, выбрал экзотический способ проживания, а Менедем в ответ на клевету и несправедливое обвинение лишил себя жизни в семидневной голодовке. Сократ, демонстрируя стойкую верность своим убеждениям и протестуя против нелепых обвинений, отказался заменить смерть изгнанием. Аристотель, протестуя против политики Александра Македонского, лишил себя жизни. М. Ганди успешно использовал в борьбе за независимость Индии кампании гражданского неповиновения, часто сопровождавшиеся драматическими массовыми голодовками со смертельными исходами. Философы понимали, что только кардинальными способами можно вызвать общественный резонанс и трансформировать социальную среду. В последнее время такие способы вновь возрождаются, о чем свидетельствует поступок французского писателя Д. Веннера, застрелившегося в кафедральном соборе Нотр-Дам-де-Пари на глазах у верующих. Протестуя против принятия закона, легализующего усыновление детей гомосексуалистами, и усиления исламистского влияния во Франции, писатель специально выбрал символичное место у алтаря: смерть писателя символизирует протест *против «смерти» традиционных ценностей*.

Остановимся на ярких литературных примерах. В повести Г. Уэллса «Мистер Блетсуорси на острове Рэмполь» главный герой после сильного потрясения уходит в мир грез, полагая, что живет на острове среди дикарей. Другой сильный стресс возвращает его в реальность, однако он не чувствует радости, поскольку мир охвачен войной. Уэллс рисует внутреннее сопротивление главного героя, нежелание отвечать на вызовы и ужасы цивилизации. И он делает выбор: остров Рэмполь в его представлении так и остается самым реальным местом, проступавшим сквозь мир его иллюзий. Можно утверждать, что Г. Уэллс посредством художественной формы впервые попытался раскрыть сущность эскапизма, одна из причин которого — неприятие техногенных антигуманных ценностей реального мира, протест против аморальности общества. Вместе с тем в других произведениях Г. Уэллса («Остров доктора Моро», «Человек-невидимка») прослеживается еще одна важная для нас линия, связанная с *уходом от реальности в искусственную техногенную среду*.

Применительно к «вариантам жизни» В.Н. Дружинина эскапизм с его отказом от творческой активности аналогичен варианту «жизнь-сон», с его ощущением иллюзорности происходящего и в то же время с признанием реальности и желанности внутренней жизни [7]. Данный способ существования, отмеченный исчезновением сознания и отсутствием внутренней активности, существенно отличается от творческого способа существования, поскольку у человека отсутствует потребность к созданию чего-то нового, еще не проявившегося в мире. С.А. Рубинштейн указывает на последствия такого ухода: дематериализация бытия выражается в обособлении сущности от существования, превращении их в идеи, в образы, в представления, которые затем обращаются против бытия как бытия сущего. Бытие сущего с обособлением от него его сущности превращается в весьма проблематичное голое существование. Снятие бытия — это в самой своей глубокой основе уход, мысленное отрицание, снятие существования объективной реальности как коррелята жизни, ее потребностей, влечений, действия и в связи с этим процесс превращения «сущности» в «образы». С.А. Рубинштейн дифференцирует два пути: один путь — в глубокой форме — это путь Будды к нирване, другой — в поверхностной форме — декларационный путь Шопенгауэра [14].

Однако эскапизм как уход от социума в другое бытийное пространство может быть следствием напряженной внутренней работы, связанной с духовным поиском веры, смыслов и ценностей. Не случайно у Ф.М. Достоевского, опасавшегося «вирусного» распространения нигилистических ценностей, ключевой фигурой в «Братьях Карамазовых» становится оптинский старец Зосима, духовность которого по-особому проявляет события романа и поступки героев. Отшельничество указывает не только на неприятие ценностей и реальности «нового мира», этот способ существования косвенно свидетельствует о желании сохранить уклад старой, патриархальной среды.

А.Н. Толстой, проявлявший неподдельный интерес к странничеству и отшельничеству, в произведениях «Отец Сергей», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» раскрыл психологические причины выбора отшельничества. Известно, что сам писатель в конце жизни отказался от всяческих привилегий, собственности и тайно покинул Ясную Поляну. Попытка объяснить бегство писателя как импульсивный акт, как результат семейного кризиса представляется неверной. Полагаем, что такие писатели, как А.Н. Толстой, аккумулируют в личностно-смысловой сфере нравственные проблемы целой эпохи. Этот уход — выстраданный и подготовленный всей жизнью волевой протестный акт, вызов социуму, обосновывающий себя и целостным мировоззрением личности. Когда волевой акт исходит от человека и направляется им, такое действие, считает С.А. Рубинштейн, «становится в подлинном смысле слова поступком, в котором человек себя выявляет и которым он устанавливает свое отношение к другим» [5, с. 186]. Этот поступок можно рассматривать как зре-

лую форму протеста личности, осознанный выбор между целями, смыслами и ценностями, самодвижение к целостности личности. Сущность протестной активности и внезапность протеста можно объяснить, исходя из методологического принципа субъекта. Характеризуя субъекта как высшую целостность, А. В. Брушлинский указывает, что на качественно новом этапе его развития видоизменяется вся основная система его психических процессов и свойств, эти изменения могут происходить постепенно или немедленно [4, с. 31].

В наших работах показано, что протест проявляется в разных видах — от примитивных архаичных форм до высоких трансцендентных выражений, что свидетельствует о наличии в структуре личности латентных компонентов. Согласно структурно-эволюционной модели личности, склонной к протестной активности во взаимодействии с социумом, виды протеста, включая эскапизм, можно определять посредством анализа уровней — прото-Я, эндо-Я, Я, экзо-Я и транс-Я [5]. В представленных примерах уход определяется смысловым образованием, системой ценностей и мировоззрением в целом, а также неутрачивающей протестной активностью, протекающей на уровне транс-Я. Высший, надличностный экзистенциальный компонент транс-Я направлен на защиту, сохранение и приумножение общечеловеческих гуманистических ценностей, включая ценности культуры. Протест на уровне транс-Я выражает интенсивное стремление к самотрансценденции, выходу за собственные пределы. Обнаруженная в теоретическом анализе парадоксальная взаимосвязь протестной активности на уровне транс-Я с эскапизмом представляется гармоничной, *поскольку эскапизм соответствует определенной жизненной ситуации и выступает адекватной внешней формой, которая поддерживает протестную активность на высшем уровне и позволяет разрешить внешние и внутренние противоречия личности, сохранив аутентичность бытия.*

На наш взгляд, протестная сущность эскапизма обосновывается теоретическими положениями, раскрывающими проблему отчуждения человека от жизни. В философской концепции культуры А. Швейцера причины и механизмы бегства от реальности рассматриваются в свете отчуждения человека от культуры, в рамках враждебных культуре обстоятельств, таких как вынужденная смена профессии, места жительства, отчуждение от природы, изнурительный труд. Изматывающая сверхзанятость приводит к умиранию в человеке духовного начала, причем этот патогенный процесс начинается в детстве. В результате постоянного перенапряжения формируется потребность во внешнем отвлечении, когда единственно привлекательными становятся разнообразные способы отвлечения от реальности, не требующие духовного напряжения [23]. А. Швейцер заключает, что с понижением культурного уровня миллионов людей снижается уровень всех общественных институтов, призванных просвещать, но вынужденных поставлять свою продукцию в предельно доступной форме. Атрофия нравственных критериев вызывает непредсказуемые по сво-

им масштабам последствия. По К.Г. Юнгу, «неожиданным следствием духовного течения является то, что мир приобретает такой уродливый облик, что любить его становится невозможным. Человек не способен уже любить даже самого себя, поэтому во внешней реальности не остается больше ничего, что могло бы выманить нас из нашей собственной души» [24, с. 309].

К вопросам отчуждения обращается в своих работах Э. Фромм, который рассматривал эскапизм в рамках конфликта между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью современного человека, между стремлением быть независимым, сильным и чувством своей незначительности и бессилия. Современный человек, считает Фромм, должен сам придать смысл своей жизни, однако испытывает страх перед жизнью, свободой, независимостью. Выбирая разные виды отчуждения, позволяющие «обратить свою личность в ничто и не сознавать себя больше самостоятельным индивидом», он временно избавляется от мучительного конфликта [20, с. 131]. *Однако, сделав выбор в пользу бегства от себя и собственной творческой спонтанности, человек, хотя и преодолевает чувство своей ничтожности по сравнению с подавляюще мощным внешним миром, но отказывается от собственной целостности* [20, с. 131].

В концепции С. Мадди различные формы отчуждения связаны с экзистенциальным неврозом, утратой смысла существования. Специфичность эскапизма применительно к протестной активности раскрывается также в одной из форм «экзистенциального заболевания» — авантюризме или крусадерстве. Авантюризм — это уход от бессмысленности существования посредством выбора и участия в экстремальных видах деятельности, связанных с бессодержательным риском, опасных для жизни [26]. Этот феномен Джеймс Пайк назвал «ложным центрированием» жизни.

Крусадерство (*crusade* — крестовый поход) — идеологический авантюризм, при котором индивиды используют любой повод для того, чтобы выступить с протестом, независимо от его содержания. Участие в протестных акциях, связанное с желанием забыться, уйти от переживаний бессмысленности существования, обусловлено внутренней конфликтностью.

И. Ялом разводит мотивационную направленность протеста и крусадерства. Протест и энтузиазм по отношению к социальным переменам, по мнению автора, неправомерно рассматривать как защитный механизм, поскольку участие в протестных акциях требует много времени и сил, а в случае гражданского неповиновения, при «ответе» властей весьма опасно для жизни. В отличие от неугомонных «крестоносцев», ищущих все время новые способы применения своей активности, протестные личности, достигнув целей и удовлетворившись результатом, обычно возвращаются к повседневным делам [25]. *Протест в этом измерении — стремление к аутентичности, к подлинному бытию.*

Аналогичное утверждение мы встречаем у К. Хорни: подобная жажда деятельности служит показателем отчуждения от себя и свидетельствует об экзистенциальном вакууме. Отсюда берут начало погоня за приключениями, лихачество за рулем, интриги, сексуальные похождения. К. Хорни отмечает, что субъекты подобной активности считают «силой» своих чувств возбужденное участие в них. Но «потребность пощекотать себе нервы, возбудиться безошибочно указывает на болезненную внутреннюю пустоту. Только острые необычные стимулы могут пробудить хоть какой-то ответ у их неподвижных, инертных чувств» [21, с. 148].

Г.Ю. Фоменко, дифференцируя объектную и субъектную позиции по отношению к жизни, полагает, что в основе навязчивого увлечения экстримом часто лежит неразрешенность внутриличностных противоречий, что приводит к притуплению инстинкта самосохранения и видимости субъектной активности, т.е. характеризует условное существование [18, с. 15]. Анализируя отчуждение от жизни в терминах духовного заболевания, автор противопоставляет ему неотчужденную активность, характерную спонтанным проявлениям субъектных характеристик в соотношении с минимальной ценой [18, с. 143].

В свете концепции симулякра Ж. Бодрийяра, который обозначил современную эпоху как эру гиперреальности и симуляции, человек отчужден от самой реальности, которая подменяется ее знаками. В гиперреальности уже невозможно различить реальное и воображаемое, в ней размыты границы ранее противоположных полюсов во всех сферах жизни [1]. Для нас важен существенный нюанс: *в случае утраты чувства реальности эскапизм как уход в гиперреальность (в искусственную среду) становится типичным и повседневным способом существования.*

К этим же вопросам обращается Г.М. Маклюэн, указывающий на стремительное приближение к финальной стадии внешних расширений человека, «стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества» [11, с.]. Опасность, по Г.М. Маклюэну, представляет не расширение человека и мира до уровня информационных систем, а то, что технологии требуют одинаковости — «полной покорности и созерцательного спокойствия» [11, с. 70]. Гомогенизированный мир лишен прежней дифференцированности индивидов и их способности к «эмоциональному смешению» [11, с. 61]. Расширенная чувственная жизнь приводит к безразличию и одиночеству. Более поздние исследования подтверждают эти положения: *погружение в виртуальную реальность наносит непоправимый вред личности, кардинально меняет структуру идентичности и трансформирует процессы идентификации, вплоть до переживаний утраты самотождественности* [8].

Еще один аспект данной проблемы связан со специфическими проявлениями эскапизма — побегами из дому и бродяжничеством, которые принято рас-

смаатривать в рамках девиантного или делинквентного поведения [9; 10; 12]. Е. В. Змановская делает важное уточнение, полагая, что девиантное поведение — это нарушение *не любых, а лишь наиболее важных для данного общества в данное время социальных норм*. Автор предлагает считать психологическим маркером девиантности страдание, переживаемое самим человеком или окружающими людьми [9]. С этой точки зрения бегство — не только протестная реакция и вызов социуму, но и выраженное отклонение от нормы, поскольку сопровождается появлением психологических «шрамов» у беглеца и вызывает сильнейший негативный эмоциональный отклик у микро- и макросоциума.

Актуализация побегов из дома приходится на подростковый возраст, а их причины, считает Г. Ниссен, связаны с кризисом авторитета — «протестом против отца». Неопределенная роль отца или его отсутствие в неполных семьях ведет к распространению этой формы протеста на все авторитеты мира взрослых [10]. В то же время исследования А. Е. Личко продемонстрировали, что побеги из дома, представляя особую форму нарушения поведения, необязательно связаны с делинквентностью. Первые побеги часто начинаются еще в детстве, до начала пубертатного периода. Их источником становится страх наказания или протест против чрезмерных требований. Иногда побеги вызваны попустительским воспитанием или склонностью ребенка к фантазированию. Автор приводит пример массовых (около миллиона беглецов) побегов детей и подростков в США в 1972 г., причинами которых явились безнадзорность, конфликты с родителями, протест против школьных и семейных порядков, всего образа жизни, распад традиционной семьи, включающей бабушек и дедушек, бесконтрольный просмотр телепередач, заменивший межличностные контакты, нивелирующий эмоциональную привязанность к родителям [10].

Иногда бегство обусловлено эмансипационными тенденциями — потребностью в освобождении от контроля и покровительства взрослых, стремлением к свободе, самостоятельности. Но из-за личностной незрелости, нехватки жизненного опыта, противоречивости личностной сферы подросток просто не знает, как обрести свободу и что делать с приобретенной свободой.

Предиктором эскапизма может стать непопулярность в среде сверстников и отверженность, вплоть до издевательств с их стороны. Негативное самоотношение, внутренняя конфликтность и незрелость Я обуславливают различные формы психологической защиты — регрессию, примитивную изоляцию (защитное фантазирование), диссоциацию, отрицание, вытеснение и др. К. Хорни механизм ухода от людей считает одним из способов защиты от тревоги [21]. Согласно нашей модели, в протесте Я может не всегда успешно справляться с данной ролью регулятора и координатора, поскольку перегружено проблемами внутренних конфликтов и внешних ограничений, включая депривацию потребностей [5].

Исследования А.Г. Самохваловой подтверждают эти размышления: эмо-подростки, испытывающие трудности, связанные с негативными установками на другого человека, склонны к пассивно-протестному поведению и общению в виртуальном пространстве. Эскапистское поведение эмо ярко проявляется в ситуациях коммуникативных трудностей, когда они отстраняются от сверстников, замыкаются в себе, игнорируют любые просьбы и предложения, демонстрируют «поведенческий уход» от травмирующей ситуации, что свидетельствует об использовании целого комплекса примитивных и низкоуровневых защитных реакций (имитации, регрессии, компенсации, отрицания) [17, с. 256].

Полагаем, что частые неудачи в ситуациях взаимодействия с другими людьми формируют у подростка протест и желание хотя бы виртуально обрести желанный статус. Сверхценные идеи наряду с протестной активностью формируют страстное желание быть героем-победителем. Виртуальное пространство подросток считает подходящим полем для демонстрации своих способностей и протестного самовыражения. В этом случае согласно нашей модели актуализируется компонент экзо-Я, отвечающий за влияние, масштаб и самореализацию личности, структурный компонент Я, направленный на достижение жизненных благ и личностных свобод, а также эндо-Я (получение выгоды). Хакерство — это способ протестного реагирования, который придает подростку временное ощущение всемогущества и возвращает самоуважение. Эта агрессивно-скрытная форма эскапизма (с изначальным отказом от авторства) обнаруживает некоторую близость с вандализмом и граффити. Хакерство, несмотря на анонимность, всегда ориентировано на социум. Однако этот вид протеста разрушителен и бесплоден по самой своей нетворческой природе, поскольку вызывает хаос; он также наносит непоправимый вред самой личности хакера. Ложные цели при стремлении к целостности — это имманентные признаки деструктивного протеста с эскапистским уклоном, показывающие остроту и принципиальную неразрешимость внутриличностных противоречий при данном способе существования. Г. Олпорт утверждает, что «человеку, который собственную целостность видит только в противостоянии другим людям, который чувствует себя в безопасности, только подрывая безопасность других, вряд ли можно приписать значительную цель или целостность личности» [13, с. 130]. При исключаящем стиле жизни, по его мнению, невозможно сохранить самоуважение, так как личная целостность тесно связана с широким кругом аффилиации.

В результате теоретического обобщения мы пришли к выводу, что эскапизм обусловлен внутренними и внешними противоречиями, с которыми сталкивается личность в различных пространствах ее бытия. Эскапизм основывается на протестной активности, проявляющейся на уровнях экзо-Я, эндо-Я, Я и транс-Я, и связан с желанием обрести свободу и аутентичный способ суще-

ствования, позволяющий достичь полной самореализации или самоисполненности (по Ш. Бюлер). Однако это желание при обособлении или противодействии обществу, уклонении от индивидуальной ответственности обречено на фиаско. Слабый контроль собственных аффектов, психическая раздробленность и безответственность с новой силой обостряют личностно-смысловые противоречия, делают несбыточной мечтой трансформацию внешней свободы во внутреннюю и приводят к деструктивной самореализации.

Теоретическое исследование специфики эскапизма в контексте протестной активности привело нас к необходимости его эмпирического анализа. *Цель исследования* — выявить многоуровневые детерминанты, обуславливающие эскапизм, его специфику, относительно протестной активности.

Гипотеза: эскапизм как специфическая форма протестной активности представляет собой сложное многоуровневое образование, затрагивающее личностный, интересубъектный, социально-психологический и ценностный уровни.

Для достижения основной цели работы были сформированы две группы испытуемых — в возрасте от 12 до 20 лет и в возрасте от 21 до 35 лет. *Выборочная совокупность исследования* составила 900 чел. разного пола.

Методический инструментарий. Диагностические батареи, раскрывающие различные аспекты протестной активности, в том числе эскапизм, включали четыре блока: блок, раскрывающий личностную ресурсность, регуляторные умения, способы совладания с жизненными трудностями; ценностно-смысловой блок, раскрывающий смысложизненные ориентации и преобладающие ценности личности; блок, включающий методики изучения особенностей личности; блок, диагностирующий социально-психологические характеристики.

Обработка результатов проводилась с помощью регрессионного и корреляционного анализа. Использование этих видов анализа позволило в ходе эмпирического исследования выявить связь шкалы эскапизма — одной из шкал авторской методики ППА (Протестное поведение личности) с различными шкалами 20 методик; в целом использовано 228 переменных.

В результате МРА шкалы эскапизм, выступавшей как зависимая переменная с 228 предикторами, получено несколько состоятельных моделей множественной регрессии. Каждая регрессионная модель имеет достоверные уровни значимости (для показателя F) и достоверно значимые стандартные коэффициенты регрессии β предикторов по t -критерию. В каждое уравнение регрессии включено ограниченное значимостью количество предикторов. Коэффициенты детерминации рассмотренных нами регрессионных моделей R^2 , определяющие совокупное влияние независимых переменных, колеблются

от 0,40 до 0,849, т.е. общий вклад предикторов в зависимости от модели составил от 40 до 84,5%.

Достоверно значимые результаты корреляционного и регрессионного анализа свидетельствуют о том, что эскапизм проявляется в разноуровневых противоречивых тенденциях. Наряду с самостоятельностью, желанием идти собственным путем, не ориентируясь на группу и не вовлекаясь в ее дела, эскапистской личности свойственны развитое чувство долга и ответственности, доброта, стремление к хорошим поступкам и добрым делам. *Сочетанное действие данных факторов обуславливает эмоциональную нестабильность и внутреннюю напряженность, формируя эскапизм как способ протеста.* Эскапизм означает демонстративный уход от проблем, которые субъект хочет решать самостоятельно, но не способен решить сам. В результате неприятия других, несогласия с ними, нежеланием сотрудничать и принимать помощь формируется агрессия, а затем обида. Иными словами, *у лиц с высоким уровнем эскапизма внешний конфликт (конфликт с группой) сочетается с внутриличностными противоречиями, поскольку эти личностные особенности не способствуют успеху реализации благих начинаний.* Об этих внутренних противоречиях свидетельствуют личностные особенности — чувство долга наряду с непрактичностью, мечтательностью, склонностью к идеальному, эмоциональной нестабильности. Тревога, вызванная внутриличностным конфликтом, вытесняется, но лишь частично, конфликт прорывается в сознание в виде неприятия себя.

Если же внутренний конфликт не вытесняется (согласно 5-й регрессионной модели), а осознается, то он проявляется вовне, и тогда появляется неудовлетворенность отношениями, чувство чрезмерной загруженности на работе, осознание трудностей, препятствующих повышению собственного статуса и возможности сделать карьеру. На фоне высокой оценки своих деловых качеств, собственного авторитета в группе актуализируется недовольство иерархией отношений. Непрактичность и склонность к идеализму заставляют обращать внимание на то, как много на работе застолийных мероприятий с алкоголем и т.п., что подрывает доверие к группе, к межличностным отношениям, вызывает агрессию и приводит к эскапизму.

Следовательно, эскапизм проявляется как реакция на двойной конфликт — внешний (межличностный) и внутриличностный (вспомним сентенции Фауста: «Две души, увы, живут в моей груди! И одна хочет оторваться от другой»).

При поверхностном рассмотрении эскапизм выглядит как один из самых непродуктивных, неконструктивных способов разрешения проблем. Возможно, эскапизм — это реакция, указывающая на исходно низкие адаптивные возможности человека, не умеющего приспособиться к среде и одновременно разрешать свои внутренние противоречия. Тогда эскапизм следует отнести к числу таких неадаптивных действий, как реакции капитуляции, бес-

помощность и т.п. Вместе с тем эскапизм обнаруживает определенные черты сходства с нарциссизмом, но наблюдаются различия в направленности их активности: нарцисстическая личность не способна заботиться о других, а эскапист о себе. Эскапист демонстрацией ухода и неучастия «наказывает» среду, а «нарцисс» при уходе демонстративно принимает только себя. Но возможна ли другая цель эскапизма? Вероятно, это попытка разорвать порочный круг двойного конфликта — внешнего и внутреннего. Если из внешнего конфликта выйти легко, поменяв среду, то внутренний конфликт гораздо сложнее разрешить. Полагаем, что именно в этих противоречиях заложены основы механизмов динамики эскапизма. В целом эскапизм отличается многоплановостью проявлений, от примитивного бегства-избегания (уровень «страусиной» позиции) до социально значимого поступка. Для реализации эскапизма надо уйти, и это не просто выход из ситуации, а уход из среды, из бытийного пространства. Поэтому факт выхода субъекта из среды как социальной системы, как правило, приводит к смене среды и изменению самого субъекта (даже в случае недостаточной осознанности причин бегства, изменение «подстегивается» уходом, самим поступком). Полагаем, что в результате ухода происходит своеобразная деконструкция бытия, а затем «перезагрузка» как среды, так и самого субъекта. Мы не случайно использовали термин «деконструкция» Ж. Деррида, согласно которому демонтаж структуры не означает регресс к простому элементу, это «идея сбора судьбы бытия, единства его назначения или отправления» [6, с. 56]. Таким образом, в отличие от нигилизма, эскапистский акт не разрушает, а подвергает реконструкции бытийное пространство.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет. 2000.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2009.
3. Большой российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2003.
4. Брушлинский А. В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Гусейнов А. Ш. Феномен протестного поведения // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 2.
6. Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4.
7. Дружинин В. Н. Варианты жизни. Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
8. Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Технологии и идентичность: Трансформация процессов идентификации под влиянием технического прогресса. URL: <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/9/emelin.pdf>.
9. Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М.: Академия, 2004.
10. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.

11. *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека. Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003.
12. *Менделевич В.Д.* Психология девиантного поведения: учеб. пособие. М.: МЕДпресс, 2001.
13. *Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2002.
14. *Рубинштейн С.А.* Бытие и сознание. Человек и мир. М.: Питер, 2003.
15. *Рубинштейн С.А.* Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т.2.
16. *Рубинштейн С.А.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
17. *Самохвалова А.Г.* Защитное поведение подростков в ситуациях затрудненного общения (на примере эмо-подростков) // На пороге взросления. М.: МГППУ. 2011.
18. *Фоменко Г.Ю.* Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия. Краснодар: КубГУ, 2006.
19. *Фоменко Г.Ю.* Парадоксы субъектности при различных модусах бытия личности// Личность и бытие: субъектный подход (к 75-летию А.В. Брушлинского). М.: ИПРАН. 2009.
20. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1989.
21. *Хорни К.* Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. СПб.: ВЕИП и БСК. 1997.
22. *Шаталова Т.И.* Англо-русский идеографический словарь. М.: Русский язык, 1994.
23. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью: сб. работ. М.: Прогресс, 1992.
24. *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, Универс, 1994.
25. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.
26. *Maddi S.R.* Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998.

Bibliography

1. *Baudrillard J.* Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Dobrosvet. 2000.
2. Bol'shaja aktual'naja politicheskaja jenciklopedija. M.: Jeksmo, 2009.
3. Bol'shoj rossijskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 2003.
4. *Brushlinskij A. V.* Psihologija sub#ekta. SPb.: Aletejja, 2003.
5. Gusejnov A. Sh. Fenomen protestnogo povedenija // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2012. № 2.
6. *Derrida J.* Pis'mo k japonskomu drugu // Voprosy filosofii. 1992. № 4.
7. *Druzhinin V.N.* Varianty zhizni. Oчерki jekzistencial'noj psihologii. M.: PER SJe; SPb.: IMATON-M, 2000.
8. *Emelin V.A., Rasskazova E.I., Thostov A.Sh.* Tehnologii i identichnost': Transformacija processov identifikacii pod vlijaniem tehničeskogo progressa. URL: <http://sisp.nkras.ru/eru/issues/2012/9/emelin.pdf>.
9. *Zmanovskaja E. V.* Deviantologija: psihologija otklonjajushhegosja povedenija. M.: Akademija, 2004.
10. *Lichko A. E.* Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. L.: Medicina, 1983.

11. *McLuhan H.M.* Ponimanie media: Vneshnie rasshirenija cheloveka. Zhukovskij: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2003.
12. *Mendelevich V.D.* Psihologija deviantnogo povedenija: ucheb. posobie. M.: MEDpress, 2001.
13. *Allpor G.* Stanovlenie lichnosti: izbrannye trudy. M.: Smysl, 2002.
14. *Rubinshtejn S.L.* Bytie i soznanie. Chelovek i mir. M.: Piter, 2003.
15. *Rubinshtejn S.L.* Osnovy obshhej psihologii: v 2 t. M.: Pedagogika, 1989. T.2.
16. *Rubinshtejn S.L.* Problemy obshhej psihologii. M.: Pedagogika, 1976.
17. *Samohvalova A.G.* Zashhitnoe povedenie podrostkov v situacijah zatrudnennogo obshhenija (na primere jemo-podrostkov) // Na poroge vzroslenija. M.: MGPPU. 2011.
18. *Fomenko G.Ju.* Lichnost' v jekstremal'nyh uslovijah: Dva modusa bytija. Krasnodar: KubGU, 2006.
19. *Fomenko G.Ju.* Paradoksy sub#ektnosti pri razlichnyh modusah bytija lichnosti// Lichnost' i bytie: sub'ektnyj podhod (k 75-letiju A. V. Brushlinskogo). M.: IPRAN. 2009.
20. *Fromm E.* Begstvo ot svobody. M.: Progress, 1989.
21. *Horney K.* Nevroz i lichnostnyj rost. Bor'ba za samorealizaciju. SPb.: VEIP i BSK. 1997.
22. *Shatalova T.I.* Anglo-russkij ideograficheskij slovar'. M.: Russkij jazyk, 1994.
23. *Schweitzer A.* Blagogovenie pered zhizn'ju: sb. rabot. M.: Progress, 1992.
24. *Jung K. G.* Problemy dushi nashego vremeni. M.: Progress, Univers, 1994.
25. *Yalom I.* Jekzistencial'naja psihoterapija. M.: Klass, 1999.
26. *Maddi S.R.* Creating Meaning Through Making Decisions // The Human Search for Meaning. Mahwah: Lawrence Erlbaum, 1998.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК СМЫСЛОВОЕ ОТРАЖЕНИЕ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ

.....

Ю. Б. Шлыкова¹

В статье представлен теоретический анализ феномена автобиографического текста. Описаны особенности и ресурсы изучения автобиографии как текста. Проанализированы смежные понятия: автобиографическая память, воспоминание, история жизни, событие. Представлены основные факторы, определяющие организацию автобиографии как текста в сознании личности.

Ключевые слова: автобиография, текст, воспоминания, событие.

Shlykova Yu. B. Autobiographical text as a notional reflection of a personality being

The article presents theoretical analysis of term «autobiographical text». Described features and resources of researching an autobiography as a text. Analyzed related terms: autobiographical memory, memories, life story, event. Presented main factors which organize an autobiography as a text in personal consciousness.

Key words: autobiography, text, memories, event.

Автобиографические тексты все чаще становятся предметом психологического исследования. Автобиографические воспоминания личности можно считать одним из способов ее взаимодействия с окружающим миром; механизмом освоения внешнего мира, переживания его как части самого себя, собственного жизненного опыта [9; 11; 12; 14].

Изучение автобиографических воспоминаний — один из способов познания как внутреннего мира личности, индивидуальной системы ценностей и смыслов, так и объективных обстоятельств развития человека. Автобиография демонстрирует те формы взаимодействия личности с миром, которые для нее актуальны и значимы. В том, какие воспоминания включаются в автобиографию как в историю собственной жизни, проявляется смысловая система личности. Те события, через которые человек описывает свою прожитую жизнь, свою роль в ней во многом отражают главные ценности личности, определяют зону ближайшего развития. Проблема автобиографических воспоминаний тесно связана с такими проблемами, как Я-концепция и Образ-Я, идентич-

¹ Шлыкова Юлия Борисовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: magnoly@mail.ru

ность, самоактуализация, самоопределение, удовлетворенность жизнью и др. [1; 5; 12; 14].

К важнейшим задачам данной проблемной области психологии относится определение механизмов организации и функционирования системы автобиографических воспоминаний как отражения бытия личности. На наш взгляд, наиболее полно эти механизмы проявляются при рассмотрении автобиографии человека как текста. В философии, лингвистике, социологии, психологии, психотерапии на данный момент накоплено большое количество знаний, описывающих структурные и содержательные особенности текста. Рассмотрим эти особенности в контексте конструирования автобиографического текста.

М. М. Бахтин, посвятивший множество работ исследованию текстов, считает текст первичной данностью всех гуманитарно-философских дисциплин. По его мнению, текст является непосредственной действительностью (мысли и переживания), из которой исходят все эти дисциплины. Ученый понимает текст широко — как всякий связный знаковый комплекс. Специфику гуманитарной мысли он видит в том, что она направлена на чужие мысли, смыслы, значения, которые могут реализоваться и предстать исследователю только в виде текста [2].

Н. А. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдер под текстом понимают языковое выражение, способное выполнять знаковую и коммуникационную функцию. Авторы рассматривают образ как изначальное значение текста, которое автор стремится выразить словесно. Они считают, что образ в сознании потенциально вербален, обращение к этому образу способствует возникновению внутренней речи [8].

А. Ю. Агафонов определяет текст как структурированное смысловое содержание, совокупность смыслов, объединенных в текст синонимом сознания [1].

Мы видим, что максимально широкая трактовка текста выводит нас на понимание его как формы организации сознания человека, всей его смысловой сферы. Работая с автобиографическим текстом, мы имеем дело непосредственно со смысловой структурой, в которой отражаются особенности личности как носителя смысла и сознания.

А. Ю. Агафонов распространяет понятие текста как носителя знаковой информации и на Другого. По его мнению, Другой всегда выступает в виде иной знаковой системы, следовательно, является текстом [1].

Е. С. Жорняк тоже широко трактует понятие текста. Под текстом в нарративной терапии понимается вся жизнь человека [3].

Важным является понимание того, что Другой вносит изменения в структуру и содержание собственного текста личности. Личность проявляет себя в форме организованных знаков, т. е. в тексте. Более того, представления о себе, Я-концепция организуются человеком в виде текста.

Таким образом, человек в силу своих индивидуальных особенностей способен выразить в слове собственное Я. Вербализация Я — потребность человека, связанная с процессом социализации. Знаковая организация Я свидетельствует об осознанном, осмысленном самоотношении личности, характерном для взрослого человека.

Автобиография как текст обязательно имеет культурно-историческую природу [9; 12]. Текст всегда вербален, следовательно, культурно обозначен. Признавая огромное влияние неосознаваемых механизмов на формирование автобиографии и понимая инструментальную ограниченность изучения этих механизмов, мы ставим акцент на вербальных, осознанных социокультурных механизмах.

По мнению Е. С. Жорняк, люди предпочитают те знаково-смысловые формы самовыражения, которые разделяются их сообществом. Вербализация опыта имеет тесную связь с культурным контекстом, наполнена заданными в культуре знаками и практиками [3]. Многие авторы отмечают принципиальную связь осмысления человеком действительности с социальным опытом конкретного общества [7; 9; 12; 14].

На наш взгляд, нельзя познать личность как целостную и уникальную без учета ее речевых особенностей, способов общения с миром, форм вербального самовыражения. Личность развивается в социуме, и понимание личности вне связи с социумом (или даже в противопоставлении социуму) невозможно. Мы считаем, что неспособность рассказать о себе другому человеку есть особенность личности.

Связь речевой деятельности и культурного контекста заметна не только на примере одного человека. Культурно-историческая ситуация определяет и основную форму речевой деятельности. Нетрудно заметить, что отечественное речевое воспитание в большей степени направлено на процесс воспроизведения, т. е. чтения [6; 7; 12]. Процессу творческого создания собственных текстов, самовыражения в тексте практически нет места даже в современной системе обучения.

А. М. Лобок использует понятие «авторский текст», под которым подразумевает мир внутренних переживаний, мир индивидуально-авторского отношения к действительности [6].

Особенно ярко авторство личности отражается в письменном тексте.

Г. Уэллс основной функцией письма считал в опосредование размышления. Главная роль письма в развитии мышления состоит в том, что оно превращает сами мысли в значимый объект размышления [13].

А. Р. Лурия писал о том, что сама структура письменной речи особенна тем, что ее мотив и замысел полностью определяются субъектом, не зависят от другого человека, так как не предполагают собеседника, процесс контроля над

речью остается в пределах деятельности самого пишущего, без коррекции со стороны слушателя [7].

По мнению А.М. Лобока, письменная речь — «уникальное рефлексивное зеркало, позволяющее человеку затормозить и ощупать взглядом свою собственную мысль» [6]. Письменная речь выступает как возможность рефлексии, осознания. Автобиографический текст, представленный в письменном виде, дает возможность более объективного анализа. Но главным является создание с помощью письменного текста условий смыслоосознания и смыслостроительства [5]. Работая с устной автобиографией, человек стремится быть понятным. Письменный текст в большей степени приближен к бессознательным процессам, к их проявлению в сознании.

А.М. Лобок заметил, что для человека способность фиксации переживаемого опыта в письменной форме — это средство обретения истории самого себя, возможность видения себя со стороны и построения отношения к себе прошлому [6].

Таким образом, письменная речь служит мощным средством развития рефлексии и достижения Эго-идентичности. Г. Уэллс утверждал, что «письмо в большей мере захватывает индивида, чем чтение, ибо ставит перед ним требования большей креативности — в той мере, в какой описываемый предмет является значимым для пишущего, а следовательно, предстает для него как мотивирующее и вознаграждающее начало» [13]. Автобиографический текст максимально значим для человека, а значит, работа с автобиографией для личности значима. Очевидна роль письменной речи в конструировании и поддержании целостного Я человека, в достижении Эго-идентичности, в формировании смысловой системы личности.

Определение автобиографии как текста проистекает из убеждения, что истории жизни, жизненный опыт представлены в сознании личности как текст, в форме рассказа. Мы не используем в определении слова «рассказ», «история», так как данные понятия предполагают наличие определенной структуры (как и понятие «нарратив»). Автобиография не всегда имеет завершенную структуру рассказа, понятие автобиографии как текста расширяет возможности его использования.

Текст изначально несет в себе возможность рефлексивного анализа, текст — это результат работы мышления, смысловой сферы личности. Но важен момент, о котором говорил В.А. Петровский при анализе надситуативной, неадаптивной активности: конструирование одного текста как результата ведет к потребности проделать новую работу по его осмыслению, создать новый текст [10]. То есть текст — результат, но он может стать и процессом, и мотивом.

Если вернуться к нарративной терапии, где текст есть жизнь человека, то обнаружим большие возможности автобиографического текста как средства изучения и развития личности.

Автобиографический текст может выступать в трех ипостасях:

- как результат, максимально подходящий для изучения;
- как процесс, который предполагает совершение внутренней работы по структурированию, осознанию и созданию личного опыта;
- как мотив, движущая сила, порождающая потребность в создании нового текста, нового смысла.

Если субъективное значение чего-либо есть смысл [5], то автобиография есть система смыслов, представленная значимыми событиями. Если под единицей анализа личности понимать смысл, то автобиография является результатом и процессом работы смысловой системы личности. Личность в исследуемом контексте представляется нам как интегративная система, объединяющая события по их субъективной значимости и конструирующая автобиографию человека, а автобиография — как средство самовыражения, самореализации, самоактуализации личности.

Таким образом, можно определить автобиографический текст как структурированное смысловое содержание, отражающее процессы самовыражения, самореализации и самоактуализации личности, через описание личностно значимых событий.

Кроме понятия автобиографии нами используется понятие истории жизни. История жизни отличается от автобиографии по трём параметрам.

1. История жизни предполагает большую степень структурированности, осмысленности личного опыта. Это некоторый итог размышлений, результат. Автобиография в момент своего создания не имеет представлений о конечном результате. Автобиография есть момент непосредственного выхода бессознательного в текст.

2. Автобиография в большей степени зависит от актуального состояния, от мотивации личности. Автобиография тесно связана с тем, что человек хочет рассказать о себе, кем он хочет быть в данный момент, в данной ситуации. История жизни предполагает выделение общей, центральной стратегии. История жизни начинается с определения центральной линии повествования, а автобиография, как правило, подобным осознанием заканчивается.

3. История жизни более привязана к объективным событиям, более устойчива, ближе к понятию стратегии, жизненного сценария, Я-концепции. Автобиография более подвижна, спонтанна, теснее связана с бессознательным, чем история жизни, ближе к понятию Образ-Я. Автобиография представляет собой некоторое актуальное переживание моей истории в данный момент времени в данной ситуации.

Подвижность автобиографии является относительной, как и подвижность Я-концепции. Понятно, что другу и начальнику человек будет рассказывать разные события жизни, включая их в автобиографию. Это ситуативные компоненты автобиографии, они сильнее всего зависят от внешних условий. Есть и более устойчивые компоненты, которые в той или иной форме проявляются в разных автобиографических рассказах. Эти устойчивые компоненты проводят личность через все сферы ее жизнедеятельности, через все роли.

Как в любой структуре, в автобиографическом воспоминании имеется единица анализа — событие [9, с. 110].

Воспоминание можно определить как процесс воспроизведения (актуализации) элемента прошлого опыта, обусловленный наличным состоянием личности и направленный на работу с данным состоянием (усиление или ослабление, интеграция, анализ и др.). Мы вспоминаем нечто для того, чтобы что-то изменить в настоящем. Здесь четко прослеживается связь прошлого, настоящего и будущего. Мы извлекаем прошлый опыт, знания, которые релевантны настоящему, наличной ситуации и, на наш взгляд, будут полезны для будущего поведения, действия [14].

Автобиографическое воспоминание актуализирует те элементы прошлого опыта, которые необходимы для сохранения целостности Я, личности.

Мы можем определить автобиографическое воспоминание как процесс извлечения элементов прошлого опыта, обусловленный актуальным состоянием личности и направленный на будущее действие, обеспечивающее динамику личности.

Воспоминание, как и текст, может быть представлено как результат, процесс и побуждение к действию. Автобиографическое воспоминание — это всегда воспоминание о событии. В контексте теоретического анализа исследуемой проблемы мы оставляем за собой право использовать оба термина как относящиеся к единому феномену, однако при выделении единицы анализа автобиографического текста мы принципиально используем понятие «автобиографическое событие», поскольку акцент ставим не на когнитивной составляющей данного процесса, а на смысловой.

А. Н. Кимберг под событием понимает «определенным образом завершенную ситуацию». Событие вытекает из ситуации как ее реализация, как один из исходов ситуации, оказавшийся в плане личностной истории значимым для субъекта [4].

Большинство авторов понимают событие как новое для субъекта бытие, некий сдвиг бытийности, порождающий и сдвиг сознания этой бытийности [4; 11; 14].

Большинство авторов говорят об автобиографическом событии как о приводящем к изменениям, существенным в контексте всей жизни личности [9; 12; 13].

Таким образом, можно выделить основные свойства автобиографического события:

- значимость для личности;
- связь с изменениями в жизнедеятельности личности;
- включенность в сложную систему субъективной картины жизненного пути;
- представленность в воспоминании осознанных и неосознаваемых компонентов опыта;
- осмысленность в контексте всей жизни личности.

Автобиографическое событие как единица анализа текста представлена двумя основными элементами: описанием ситуации и осмыслением роли данной ситуации в контексте жизненного пути личности. Именно осмысление роли ситуации делает ее событием для личности. Кроме того, рассуждения о связи прошлого события с настоящим и будущим, представленные в автобиографическом тексте, есть главное отличие автобиографического события от события вообще.

Приведенные положения позволяют заключить, что автобиография как текст конструируется на основе:

- социокультурного контекста, в который включена личность;
- актуального состояния личности, целей и мотивов (каким я хочу быть для тех, кому рассказываю);
- особенностей внешней ситуации;
- личностных особенностей;
- особенностей выполняемой деятельности.

Осознание, осмысление жизненного опыта личности служат условием ее саморазвития. Эти механизмы осуществляются в процессе направленной рефлексии субъектом своих отношений с миром. Процесс написания автобиографического текста, как и процессы его чтения и интерпретации, включают и невербализованные смыслы. Во многих случаях мы непосредственно имеем дело с процессом осознания смыслов человеком при конструировании автобиографии.

Автобиография отражает смысловую сферу личности, интенция смысла направляет автобиографию на будущее поведение, намерения. Работа по конструированию автобиографического текста позволяет увидеть уже сложившиеся отношения и непосредственно определить место события в жизни лично-

сти. Создание автобиографии есть и результат решения задачи на смысл, и ее процесс.

Автобиография как совокупность событий, объединенных общим замыслом, позволяет исследователю увидеть смысл описываемых событий, а поскольку описываются события жизненного пути, то можно говорить о смысле жизненного пути личности. Актуальная Я-концепция определяет выделение отдельных событий как значимых в данный момент. В то же время части жизненного пути, выделяемые личностью в автобиографии как значимые, отражают его актуальную Я-концепцию.

Автобиографический текст есть одна из форм проявления смыслов в бытии. Изучение автобиографических текстов позволяет выделить особенности личности, ее становления и развития, значимые сферы и пространства жизнедеятельности личности, социальное окружение, систему смыслов.

Библиографический список

1. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. СПб.: Речь, 2003.
2. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
3. Жорняк Е. С. Нарративная терапия: от дебатов к диалогу // Журнал практической психологии и психоанализа. 2001. №4.
4. Кимберг А. Н. Субъект в мире контекста // Школьные технологии. 2007. №6.
5. Леонтьев Д. А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
6. Лобок А. М. Диалог с Л. С. Выготским по поводу письменной речи // Вопросы психологии. 1996. № 6.
7. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов н/Д: Феникс, 1998.
8. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии. 1997. № 3.
9. Нуркова В. В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: УРАО, 2000.
10. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: ТОО «Горбунок», 1992.
11. Рябикина З. И., Ожигова Л. Н. Общество и человек: объективное в субъективном пространстве личности // Человек. Сообщество. Управление. 1999. №4.
12. Сапогова Е. Е. «Римейки жизни»: конструирование автобиографического нарратива // Известия ТулГУ. Сер. Психология. 2002. Вып. 5, ч. 1.
13. Уэллс Г. Осмысление текста: опосредствующая роль письменной речи в деятельности // Вопросы психологии. 1996. № 6.
14. Шлыкова Ю. Б. Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста: дис.... канд. психол. наук. Краснодар, 2006.

Bibliography

1. *Agafonov A. Yu.* Osnovy smyslovoj teorii soznaniya. SPb.: Rech', 2003.
2. *Bahtin M. M.* Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukakh // Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1986.
3. *Zhornjak E. S.* Narrativnaya terapiya: ot debatov k dialogu // Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza. 2001. №4.
4. *Kimberg A. N.* Subyekt v mire konteksta // Shkol'nye tehnologii. 2007. №6.
5. *Leontyev D. A.* Psihologiya smysla. M.: Smysl, 1999.
6. *Lobok A. M.* Dialog s L. S. Vygotskim po povodu pis'mennoj rechi // Voprosy psihologii. 1996. № 6.
7. *Luriya A. R.* Yazyk i soznanie. Rostov n/D.: Feniks, 1998.
8. *Mushelishwili N. L., Shreyder Yu. A.* Znachenie teksta kak vnutrennij obraz // Voprosy psihologii. 1997. № 3.
9. *Nurkova V. V.* Svershennoe prodolzhaetsya: Psihologiya avtobiograficheskoy pamjati lichnosti. M.: URAO, 2000.
10. *Petrovsky V. A.* Psihologiya neadaptivnoj aktivnosti. M.: TOO "Gorbunok", 1992.
11. *Ryabikina Z. I., Ozhigova L. N.* Obshhestvo i chelovek: obyektivnoe v subyektivnom prostranstve lichnosti // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 1999. №4.
12. *Sapogova E. E.* "Rimeyki zhizni": konstruirovaniye avtobiograficheskogo narrativa // Izvestiya TulGU. Ser. "Psihologiya". Vyp. 5. Ch. 1. 2002.
13. *Wells H.* Osmyslenie teksta: oposredstvuyushhaya rol' pis'mennoj rechi v dejatel'nosti // Voprosy psihologii. 1996. № 6.
14. *Shlykova Yu. B.* Perezhivaniye lichnost'ju smysla bytiya i tip avtobiograficheskogo teksta: dis.... kand. psihol. nauk. Krasnodar, 2006.

ФЕНОМЕН ГЕНДЕРНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

.....

А. И. Куприянова¹

В статье рассматриваются понятие гендерной поляризации, значение гендерной поляризации и степень изученности данного феномена в различные возрастные группы. Приведены результаты пилотажного исследования, целью которого было выяснение существования феномена гендерной поляризации у детей дошкольного возраста.

Ключевые слова: гендерная поляризация, гендерная схема, гуманистическая оценка поляризации, феминистическая оценка поляризации.

Kupriianova A. I. Preschool children gender polarization phenomenon

The article presents the analyses of the concept of gender polarization, the importance of the gender polarization and degree of knowledge of this phenomenon in different age groups. Are the results of a pilot research, the aim of which was to find out the existence of the phenomenon of gender polarization in preschool children.

Key words: gender polarization, gender scheme humanistic assessment of polarization, feminism assessment of polarization.

Сандра Бем под гендерной поляризацией подразумевала «фактор, организующий общественную жизнь вокруг мужских и женских различий, формирующий культурную связь между полом и практически любым другим аспектом человеческого опыта, включая манеру одеваться, социальные роли и даже способы выражения эмоций и переживания сексуального желания» [2, с. 262].

Она выделила две оценки гендерной поляризации: гуманистическую и феминистическую [8, с. 176-196]. В гуманистической оценке С. Бем склонялась к тому, что гендерная поляризация мешает развиваться человеческому потенциалу мужчин и женщин, а в феминистической — приводит к андроцентризму. С позиции гуманистической оценки сужение человеческого потенциала происходит по трем направлениям:

— гендерная поляризация по своей сути не раскрывает разницу между мужчинами и женщинами, она предьявляет обществу способ выделения произвольно очерченных характеристик, таких как пол, раса, каста;

¹ Куприянова Анастасия Игоревна — аспирантка кафедры возрастной и педагогической психологии Калужского государственного университета. Эл. почта: siriys24@rambler.ru

— гендерная поляризация разделяет не только людей, но и способы их связи с миром на маскулинный и феминный;

— гендерная поляризация способствует усилению значения быть мужчиной и женщиной, в итоге мы получаем культурную концепцию «настоящего мужчины» и «настоящей женщины» в противовес биологического понятия мужчины и женщины.

С позиции феминистической оценки гендерная поляризация проявляется на трех уровнях — институциональном, психологическом и идеологическом.

Институциональный уровень гендерной поляризации помогает закреплению превосходства за мужчинами с помощью разделения социального мира на маскулинное (оплачиваемая работа) и феминное (домохозяйство и уход за детьми).

Психологический уровень гендерной поляризации — закрепление превосходства мужчин происходит на личностном уровне, выделяя маскулинность и феминность как концепции власти и безвластия.

Идеологический уровень гендерной поляризации помогает закрепить превосходство мужчин с помощью религии, науки, закона, СМИ и т.д., дать рациональное объяснение полового статус-кво как биологически естественного.

Также С. Бем выделяет моральный аргумент против гендерной поляризации, суть которого состоит в том, что разделение на маскулинный и феминный типы человеческих ценностей и человеческого опыта приводит к превосходству мужских представлений и мужской системы ценностей. А все это несет угрозу существованию всего человечества и планеты в целом, так как под влиянием поляризованных маскулинных ценностей мы выбираем войну, а не мир, риск, а не заботу, покорение природы, а не гармонию с ней.

Из сказанного следует, что гендерная поляризация, преподнося обществу различия между мужским и женским, выполняет скрытую подмену: все, что приобретает человек с опытом, неразрывно связано с половыми особенностями. Это касается почти всего: моды, социальных ролей, способов выражения чувств или даже способов общения с детьми. Гендерная поляризация, разделяя весь мир на маскулинный или феминный, не позволяет выделять андрогинный тип людей и андрогинный способ отношения с миром, который часто схватывает самую суть человеческого существования.

Гендерная поляризация является одной из гендерных схем, которая упоминается в теории гендерной схемы С. Бем. Она функционирует как предвосхищающая структура, предназначенная для самопроизвольной сортировки полученной информации извне на категории «мужское — женское». С помощью схемы происходит передача гендерной информации от взрослых к детям, в то же время данная схема работает и в отношении самих детей, которые выбира-

ют только те характеристики и качества, которые навязывает им культура как приемлемые для их собственного пола.

Проанализировав литературу гендерной поляризации, мы столкнулись с тем, что она изучалась преимущественно на материале подросткового возраста, а также в период взрослости.

Вместе с тем для понимания сущности феномена гендерной поляризации, построения теоретической модели этого явления необходимо изучение становления гендерной поляризации в более ранние возрастные этапы.

Для понимания какого-либо сложившегося в онтогенезе феномена мы обращаемся к изучению его истоков, в виде которых могут выступать исследования развития гендерных стереотипов в различных возрастах. Так, эти исследования проводились на подростках [1; 4; 5], взрослых [2; 9; 13], на школьниках [7; 10-12] и дошкольниках [3; 6; 14].

Нами было проведено пилотажное исследование, цель которого — выяснить, существует ли гендерная поляризация у детей-дошкольников. Исследование проходило на базе МБДОУ «ЦРР «Росиянка», в структурном подразделении «Антошка». В данном исследовании приняли участие 20 детей, из них 9 девочек и 11 мальчиков в возрасте 6-7 лет. Все испытуемые проходили тестирование индивидуально по методике «Лестница: мальчики-девочки», модифицированной В. А. Перегудиной [6]. Суть этой методики заключается в следующем: испытуемым предлагаются картинки с изображениями 15 лесенок, расположенных между 15 полярными характеристиками: «смелые — трусливые», «хорошие — плохие», «красивые — некрасивые», «сильные — слабые», «умные — глупые», «командуют другими — ими все командуют», «послушные — непослушные», «трудолюбивые — ленивые», «аккуратные — неряшливые», «уверенные в себе — стеснительные», «ничего не жалко — жадные», «ласковые — грубые», «спокойные — непоседливые», «никогда не плачут — плаксивые», «дружелюбные — задиристые». Испытуемые по данным характеристикам оценивали сначала себя, потом всех девочек и всех мальчиков. Нами была проведена оценка Т-критерия Вилкоксона образа себя и образа представителей противоположного пола, образа себя и образа представителей своего пола, образа всех девочек и образа всех мальчиков у девочек и у мальчиков.

В ходе исследования были получены следующие данные.

Свой образ девочки оценивали выше, чем образ всех мальчиков по следующим шкалам: «красивые — не красивые», «умные — глупые», «командуют другими — ими все командуют», «послушные — непослушные», «трудолюбивые — ленивые», «аккуратные — неряшливые», «уверенные в себе — стеснительные», «ничего не жалко — жадные», «ласковые — грубые». Образ всех мальчиков оценили выше своего образа по шкале «спокойные — непоседливые». Все зна-

Таблица 1

Сравнительный анализ данных оценки девочками Образа Я и образа всех мальчиков

Шкала	Значение Т-критерия	p-уровень значи- мости различий
Красивые – некрасивые	3,0	≤0,05
Умные – глупые	3,0	≤0,05
Командуют другими – ими все командуют	1,0	≤0,01
Послушные – непослушные	1,0	≤0,01
Трудолюбивые – ленивые	3,0	≤0,05
Аккуратные – неряшливые	1,0	≤0,01
Уверенные в себе – стеснительные	1,0	≤0,01
Ничего не жалко – жадные	1,0	≤0,01
Ласковые – грубые	1,0	≤0,01
Спокойные – непоседливые	1,0	≤0,01

чения критерия Вилкоксона, которые были статистически значимы, приведены в табл. 1.

Свой образ девочки оценивали выше, чем образ всех девочек, по следующим шкалам: «хорошие — плохие», «красивые — некрасивые», «сильные — слабые», «умные — глупые», «послушные — непослушные», «аккуратные — неряшливые», «уверенные в себе — стеснительные», «ничего не жалко — жадные», «никогда не плачут — плаксивые». Образ всех девочек они оценили выше своего образа по следующим шкалам: «дружелюбные — задиристые», «ласковые — грубые», «спокойные — непоседливые» (табл. 2).

Образ всех девочек оценен выше образа всех мальчиков у девочек по следующим шкалам: «командуют другими — ими все командуют», «послушные — непослушные», «ничего не жалко — жадные», а образ всех мальчиков — выше образа всех девочек по шкале «спокойные — непоседливые» (табл. 3).

Свой образ мальчики оценили выше, чем образ всех девочек, по следующим шкалам: «смелые — трусливые», «хорошие — плохие», «сильные — слабые», «умные — глупые», «командуют другими — ими все командуют», «послушные — непослушные», «трудолюбивые — ленивые», «аккуратные — неряшливые», «уверенные в себе — стеснительные», «ничего не жалко — жадные», «никогда не плачут — плаксивые». Образ всех девочек они оценили выше своего образа по шкале «дружелюбные — задиристые» (табл. 4).

Свой образ мальчики оценивали выше, чем образ всех мальчиков, по следующим шкалам: «смелые — трусливые», «хорошие — плохие», «красивые — некрасивые», «сильные — слабые», «умные — глупые», «послушные — непослушные», «трудолюбивые — ленивые», «ничего не жалко — жадные», «никогда не

Таблица 2

Сравнительный анализ данных оценки девочками Образа Я и образа всех девочек

Шкала	Значение Т-критерия	p-уровень значи- мости различий
Хорошие – плохие	6,0	≤0,05
Красивые – некрасивые	6,0	≤0,05
Сильные – слабые	6,0	≤0,05
Умные – глупые	6,0	≤0,05
Дружелюбные – задиристые	6,0	≤0,05
Послушные – непослушные	6,5	≤0,05
Аккуратные – неряшливые	5,5	≤0,05
Уверенные в себе – стеснительные	5,5	≤0,05
Ничего не жалко – жадные	6,0	≤0,05
Ласковые – грубые	5,5	≤0,05
Спокойные – непоседливые	5,5	≤0,05
Никогда не плачут – плаксивые	5,5	≤0,05

Таблица 3

Сравнительный анализ данных оценки девочками образа всех мальчиков и образа всех девочек

Шкала	Значение Т-критерия	p-уровень значи- мости различий
Командуют другими – ими все командуют	7,0	≤0,05
Послушные – непослушные	7,0	≤0,05
Ничего не жалко – жадные	5,0	≤0,05
Спокойные – непоседливые	7,0	≤0,05

плачут — плаксивые». Образ девочек они оценили выше своего по шкале «дружелюбные — задиристые» (табл. 5).

При сравнении образа всех мальчиков и всех девочек у мальчиков различий не обнаружено.

Обсуждение результатов

Известно, что в дошкольном возрасте самооценка, как правило, немного завышена. В этом возрасте ребенок начинает относиться к самому себе через сравнение себя с другими, при этом он не пытается обнаружить общности, а противопоставляет себя и другого. На основании этих данных можно предположить, что оценка образа себя выше образа других не относится к гендерной поляризации, это особенность самосознания данного возраста.

Таблица 4

Сравнительный анализ данных оценки мальчиками Образа Я и образа всех девочек

Шкала	Значение Т-критерия	p-уровень значимости различий
Смелые – трусливые	12,0	≤0,05
Хорошие – плохие	6,5	≤0,01
Сильные – слабые	7,0	≤0,05
Умные – глупые	3,5	≤0,01
Дружелюбные – задиристые	4,0	≤0,01
Командуют другими – ими все командуют	8,0	≤0,05
Послушные – непослушные	10,5	≤0,05
Трудолюбивые – ленивые	3,5	≤0,01
Аккуратные – неряшливые	3,5	≤0,01
Уверенные в себе – стеснительные	7,0	≤0,05
Ничего не жалко – жадные	3,5	≤0,01
Никогда не плачут – плаксивые	7,0	≤0,05

Таблица 5

Сравнительный анализ данных оценки мальчиками Образа Я и образа всех мальчиков

Шкала	Значение Т-критерия	p-уровень значимости различий
Смелые – трусливые	7,0	≤0,05
Хорошие – плохие	6,5	≤0,01
Красивые – некрасивые	7,5	≤0,05
Сильные – слабые	6,0	≤0,01
Умные – глупые	6,5	≤0,01
Дружелюбные – задиристые	6,0	≤0,01
Послушные – непослушные	10,5	≤0,05
Трудолюбивые – ленивые	12,0	≤0,05
Ничего не жалко – жадные	7,5	≤0,05
Никогда не плачут – плаксивые	6,0	≤0,01

Но если взглянуть на результаты внимательно, то можно увидеть, что мальчики и девочки используют для оценки себя и представителей другого пола разные шкалы. Девочки в основном видели различия между собой и мальчиками по следующимшкалам: «красивые — некрасивые», «умные — глупые», «командуют другими — ими все командуют», «послушные — непослушные», «трудолюбивые — ленивые», «аккуратные — неряшливые», «уверенные в

себе — стеснительные», «ничего не жалко — жадные», «ласковые — грубые», «спокойные — непоседливые». При этом они не видели различий по шкалам: «смелые — трусливые», «хорошие — плохие», «сильные — слабые», «дружелюбные — задиристые», «никогда не плачут — плаксивые». Мальчики выделяли различия по следующим шкалам: «смелые — трусливые», «хорошие — плохие», «сильные — слабые», «умные — глупые», «командуют другими — ими все командуют», «послушные — непослушные», «трудолюбивые — ленивые», «аккуратные — неряшливые», «уверенные в себе — стеснительные», «ничего не жалко — жадные», «никогда не плачут — плаксивые», «дружелюбные — задиристые». При этом они не видели разницы по шкалам: «красивые — некрасивые», «ласковые — грубые», «спокойные — непоседливые». То есть для девочек неважны для оценки своего образа такие характеристики, как смелость, сила, дружелюбность и плаксивость; для мальчиков — красота, ласка, спокойствие. В этом есть признаки гендерной поляризации, так как от девочки мы не ждем смелости, силы, дружелюбности и не заостряем внимание на плаксивости, от мальчика не требуем красоты, спокойствия и ласки. Из этого следуют, что дети данного возраста активно используют гендерную схему, которая предписывает и диктует стандарт поведения.

Анализируя полученные результаты, можно выделить следующее: оценки девочек и мальчиков не совпадают, т.е. по одной и той же шкале девочки оценивали себя выше, чем всех мальчиков, а мальчики оценивали себя выше, чем всех девочек («умные — глупые», «командуют другими — ими все командуют», «послушные — непослушные», «трудолюбивые — ленивые», «аккуратные — неряшливые», «уверенные в себе — стеснительные», «ничего не жалко — жадные»). Девочки тоже оценивали себя выше, чем всех мальчиков, а мальчики не видели разницы по следующим шкалам: «красивая — некрасивая», «ласковая — грубая», а мальчики оценивали себя выше, чем всех девочек, при этом девочки не видели разницы по следующим шкалам: «смелые — трусливые», «хорошие — плохие», «сильные — слабые», «никогда не плачут — плаксивые». Девочки оценивали образ мальчиков выше своего, а мальчики не видели различий по шкале «спокойные — непоседливые». В то же время мальчики оценивали образ всех девочек выше своего, а девочки не видели различий по шкале «дружелюбные — задиристые». Из этих данных видно, что даже используя одну и ту же шкалу для оценки своего образа, мальчики и девочки оценивали свой образ по-разному: где-то шло, образно говоря, «перетягивание каната», т.е. мальчики оценивали по данным шкалам образ себя выше, а девочки считали, что их образ выше, где-то девочки находили различия, а мальчики их не замечали, а где-то мальчики видели различия, а девочки их не замечали. Это еще раз доказывает, имеет место не просто составляющая самосознания, а проявление гендерной поляризации.

При оценке своего образа девочки по шкале «хорошие — плохие» образ себя ставят выше, чем образ всех девочек, но не выше образа всех мальчиков; по шкале «красивые — некрасивые» Образ Я выше, чем образы всех девочек и всех мальчиков; по шкале «сильные — слабые» образ себя ставят выше, чем образ всех девочек, но не выше образа всех мальчиков; по шкале «умные — глупые» Образ Я выше, чем образы всех девочек и всех мальчиков; по шкале «дружелюбные — задиристые» образ себя ниже, чем образ всех девочек, но на равных с образом всех мальчиков; по шкале «командуют другими — ими все командуют» образ себя выше, чем образ всех мальчиков, но не выше, чем образ всех девочек; по шкале «послушные — непослушные» образ себя выше, чем образы всех мальчиков и девочек, при этом образ всех девочек выше образа всех мальчиков; по шкале «трудолюбивые — ленивые» образ себя выше, чем образ всех мальчиков, но не выше образа всех девочек; по шкале «аккуратные — неряшливые» образ себя выше, чем образы всех мальчиков и девочек; по шкале «уверенные в себе — стеснительные» образ себя выше, чем образы всех мальчиков и девочек; по шкале «ничего не жалко — жадные» образ себя выше, чем образы всех мальчиков и девочек, при этом образ всех девочек выше образа всех мальчиков; по шкале «ласковые — грубые» образ себя выше, чем образ всех мальчиков, но ниже образа всех девочек; по шкале «спокойные — непоседливые» образ себя ниже образов всех девочек и всех мальчиков, но при этом образ всех мальчиков выше образа всех девочек; по шкале «никогда не плачут — плаксивые» образ себя выше образа всех девочек, но не выше образа всех мальчиков.

При оценке своего образа у мальчиков можно выделить следующее: по шкале «смелые — трусливые» образ я выше, чем образы всех девочек и всех мальчиков; по шкале «хорошие — плохие» образ я выше, чем образы всех девочек и всех мальчиков; по шкале «красивые — не красивые» образ я выше, чем образ всех мальчиков, но не выше образа всех девочек; по шкале «сильные — слабые» образ себя ставят выше, чем образы всех девочек и всех мальчиков; по шкале «умные — глупые» образ я выше, чем образы всех девочек и всех мальчиков; по шкале «дружелюбные — задиристые» образ себя ниже, чем образ всех девочек, и на уровне тенденции ниже образа всех мальчиков; по шкале «командуют другими — ими все командуют» образ себя выше, чем образ всех девочек, но не выше, чем образ всех мальчиков; по шкале «послушные — непослушные» образ себя выше, чем образы всех мальчиков и девочек; по шкале «трудолюбивые — ленивые» образ себя выше, чем образы всех мальчиков и всех девочек; по шкале «аккуратные — неряшливые» образ себя выше, чем образы всех девочек, но не выше чем образ всех мальчиков; по шкале «уверенные в себе — стеснительные» образ себя выше, чем образы всех девочек, но не выше чем образ всех мальчиков; по шкале «ничего не жалко — жадные» образ себя выше, чем образы всех мальчиков и девочек; по шкале «никогда не плачут — плаксивые» образ себя выше образов всех девочек и всех мальчиков. Эти данные доказы-

вают, что при оценке своего образа идет не просто противопоставление себя другому, а еще и разделение других по полу. То есть испытуемые относят себя к определенному полу и оценивают себя как представителей этого пола. То есть дети данного возраста делят всю поступающую к ним информацию на мужское и женское, что служит признаком гендерной поляризации.

В теории гендерной схемы С. Бем изучала процесс гендерной схематизации, под которым она понимала «усвоение личностью гендерной поляризации, существующей в культуре» [2, с. 178]. Но сам процесс гендерной схематизации происходит путем разделения явлений по половому признаку в социальной практике, согласно чему можно предположить, что мерой усвоения гендерной поляризации будет показатель разброса оценок по шкалам. Чем ниже разброс оценок в гендерной группе, тем выше уровень усвоения поляризации, т.е. данная гендерная группа более уверена в использовании гендерной схемы. В нашем исследовании оценки мальчиков были более дифференцированы, чем оценки девочек.

Специфика же гендерной поляризации в данном возрасте заключается в том, что:

- дети используют разные шкалы для оценки своего образа и образа противоположного пола;
- при использовании одной и той же шкалы свой образ оценивается более положительно, чем образ противоположного пола;
- образ себя оценивается ближе к образу всех представителей своего пола, чем к образу противоположного пола;
- девочки дошкольного возраста раньше мальчиков усваивают гендерную поляризацию, поэтому их оценки не дифференцированы.

Из приведенных данных видно, что у детей дошкольного возраста обнаруживается феномен гендерной поляризации. Для них образ, соответствующий их полу, более положительный, чем противоположный. Дошкольники проводят четкие различия между полами, используя психологические категории и приписывая своему полу положительные характеристики, а отрицательные — противоположному полу, в чем и проявляется поляризация.

Данное исследование имеет определенное приложение в практике гендерного воспитания. Изучив, как схема гендерной поляризации формируется в этом возрасте, можно разработать программу для ее коррекции, которая станет условием развития андрогинной личности, обладающей более разнообразными стратегиями решения жизненных проблем.

Библиографический список

1. Арканцева Т.А., Дубровская Е.М. Полоролевые представления современных подростков как действенный фактор их самооценки // Мир психологии. 1999. № 3.

2. *Бем С.* Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН, 2004.
3. *Каган В.Е.* Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3-7 лет // Вопросы психологии. 2000. №2.
4. *Клецина И.С.* Самореализация личности и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Питер, 1998. Вып. 2.
5. *Кон И.С.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в меняющемся мире // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ, 2001.
6. *Перегудина В.А.* Особенности гендерной социализации в детских возрастах // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2008. Вып. 1.
7. *Юфтеева Т.И.* Особенности формирования психологического пола у подростков, воспитывающихся в семье и в интернате // Возрастные особенности психического развития детей. М.: Просвещение, 1982.
8. *Bem S.* The Lenses of Gender. New Haven, CT: Yale University Press, 1984.
9. *Condry J., Condry S.* Sex differences: A study of eye of the beholder // Child Development. 1976. Vol. 47.
10. *Martin C.L.* Attitudes and expectations about children with non-traditional gender roles // Sex Roles. 1990. Vol. 22.
11. *McAninch C. B. et al.* Impression formation in children: Influence of gender and expectancy // Child Development. 1993. Vol. 64, № 5.
12. *Serbin L.A., Powlishta R.R., Gulro J.* The development of sex typing in middle childhood // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1993. Vol. 58.
13. *Rubin J.Z., Provenzano F.J., Luria Z.* The eye of the beholder: Parents' views on sex of newborns // American Journal of Orthopsychiatry. 1974. Vol. 44, № 4.
14. *Smith K., Barclay L.K.* Kindergarten children's descriptive sex-stereotyping of infants // American Journal of Orthopsychiatry. 1979. Vol. 49.

Bibliography

1. *Arkanceva T.A., Dubrovskaja E.M.* Polorolevye predstavlenija sovremennyh podrostkov kak dejstvennyj faktor ih samoocenki // Mir psihologii. 1999. № 3.
2. *Bem S.* Linzy genдера. Transformacija vzgljadov na problemu neravenstva polov. M.: ROSSPJeN, 2004.
3. *Kagan V.E.* Kognitivnye i jemocional'nye aspekty gendernyh ustanovok u detej 3-7 let // Voprosy psihologii. 2000. №2.
4. *Klecina I.S.* Samorealizacija lichnosti i gendernye stereotipy // Psihologicheskie problemy samorealizacii lichnosti. SPb.: Piter, 1998. Vyp. 2.
5. *Kon I.S.* Muzhskie issledovanija: menjajushhiesja muzhchiny v menjajushhemsja mire // Vvedenie v gendernye issledovanija. Har'kov: HCGI, 2001.
6. *Peregudina V.A.* Osobennosti gendernoj socializacii v detskih vozrastah // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. 2008. Vyp. 1.
7. *Jufteeva T.I.* Osobennosti formirovanija psihologicheskogo pola u podrostkov, vospityvajushhihsja v sem'e i v internate // Vozrastnye osobennosti psihicheskogo razvitija detej. M.: Prosveshhenie, 1982.

8. *Bem S.* The Lenses of Gender. New Haven, CT: Yale University Press, 1984.
9. *Condry J., Condry S.* Sex differences: A study of eye of the beholder // *Child Development*. 1976. Vol. 47.
10. *Martin C.L.* Attitudes and expectations about children with non-traditional gender roles // *Sex Roles*. 1990. Vol. 22.
11. *McAninch C. B. et al.* Impression formation in children: Influence of gender and expectancy // *Child Development*. 1993. Vol. 64, № 5.
12. *Serbin L.A., Powlisha R.R., Gulro J.* The development of sex typing in middle childhood // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1993. Vol. 58.
13. *Rubin J.Z., Provenzano F.J., Luria Z.* The eye of the beholder: Parents' views on sex of newborns // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1974. Vol. 44, № 4.
14. *Smith K., Barclay L.K.* Kindergarten children's descriptive sex-stereotyping of infants // *American Journal of Orthopsychiatry*. 1979. Vol. 49.

СООТНОШЕНИЕ ИДЕАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ОБРАЗА Я ВРАЧА-РУКОВОДИТЕЛЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ С ПОЗИЦИЙ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Б. А. Ясько, Б. В. Казарин¹

С позиций компетентностного подхода анализируются эмпирические данные, полученные на выборке врачей-руководителей. Вскрыты расхождения в самооценках идеального и реального образов Я. Содержательным выражением Я-идеального рассматривается обобщенный образ субъекта управленческого труда, сформированный в самосознании врача-руководителя как отражение профессиональных (должностных) задач, решаемых в процессе управленческого труда. Реальный образ Я трактуется как сложившийся в самооценках врача-руководителя образ собственной управленческой компетентности, который имеет своеобразные точки совпадения и расхождения с идеальным образом.

Ключевые слова: управленческие компетенции; базовые компетенции; образ субъекта труда; идеальный образ Я; реальный образ Я.

Yasko B. A., Kasarin B. V. Correlation of Ideal and Real Selves of a managing doctor: psychological analysis from the point of view of competence approach

The empirical data obtained from a selection of manager doctors are analyzed in this article. The divergence is discovered between self-estimation of «Ideal» and «Real» images of the Self of a manager doctor. «Ideal-Self» is a common image formed within the self-consciousness of a manager doctor. This image is a reflection of professional tasks solved in process of management. Real-Self is an image of a doctor's actual managing competence, which has its similarities and divergence from the «Ideal-Self».

Key words: management competence, basic competence, image of subject of labor, Ideal-Self, Real-Self.

В условиях новых экономических отношений одним из основополагающих факторов успешной деятельности медицинского учреждения является эффективность управления, которая в немалой степени определяется психологическим фактором — личностью врача-руководителя. Поиск путей опти-

¹ Ясько Бэла Аслановна — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: shabela@yandex.ru.

Казарин Борис Викторович — кандидат медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения факультета повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов Кубанского государственного медицинского университета. Эл. почта: borisvk2002@yandex.ru.

мизации данного фактора лежит в предметном контексте организационной психологии, исследующей переживания и поведение человека в организации [2, с. 12], где базовым организационным процессом выступает власть [3, с. 627]. Организационная власть в системе основных понятий организационной психологии рассматривается как процесс, обеспечивающий устойчивую приоритетность общей цели над индивидуальными целями работников и использующий для этого широкий набор средств. Иными словами, ключевая роль организационной власти состоит в том, что она способна превратить индивидуальные цели работников в общую цель организации [3, с. 7]. В связи с этим особую значимость приобретает проблема психологии субъекта организационной власти. Профессиональные и личностные характеристики руководителя в совокупности должны соответствовать системе компетенций, определенных для данной сферы деятельности.

В отечественной и зарубежной психологии давно обсуждается проблема личностных детерминант эффективного менеджмента [3; 13 и др.]. Применительно к организаторам здравоохранения в последние годы обсуждается широкий круг вопросов, касающихся до- и последипломного образования. Но среди психологических исследований имеются лишь единичные работы, в которых исследуется феноменология власти и ее субъекта в организациях здравоохранения [8; 11].

Рассматривая проблему формулирования системы управленческих компетенций в аспекте требований, предъявляемых содержанием деятельности к личности субъекта власти в организации, необходимо определить собственно ключевые понятия — «компетенции» и «компетентность». Считается, что впервые понятие «компетентность» было использовано в 1982 г. Р. Бояцисом, который определял её как способность человека таким образом управлять своим поведением, чтобы адекватно отвечать требованиям конкретной организационной среды с целью достижения желаемых результатов [16]. В управлении персоналом организации компетенции интерпретируются как единство знаний, профессионального опыта, способностей действовать и навыков поведения индивида, определяемых целью, заданностью ситуации и должностью [10, с. 134]. Если принять за основу содержания понятия «компетенции» круг задач, выполняемых работником, набор основных обязанностей, которые имеет право и должен осуществлять субъект труда на конкретном трудовом посту (должности) в организации, то видим, что компетенции можно назвать продуктом организационного проектирования. При этом профессиональные задачи могут быть конкретно-специфичными или инвариантно-типичными для профессии и специальности как ее разновидности. Компетентность в данном контексте может рассматриваться как характеристика субъекта труда, обозначающая его умение и готовность справляться с профессиональными задачами (компетенциями).

Анализ работ, посвященных исследованию проблемы компетентностного подхода в оценке готовности субъекта к решению профессиональных задач, свидетельствует о том, что наиболее интенсивно изучаются разнообразные аспекты данной проблемы в контексте становления современной концепции общего и профессионального образования [4; 12 и др.]. Исследования эффективности труда опытного медицинского работника, его готовности к изменяющимся трудовым постам и условиям профессиональной деятельности с позиций компетентностного подхода малочисленны, при том что актуальность изучения этого важного организационно-психологического ресурса повышения эффективности оказания медицинской помощи не вызывает сомнения. В этой связи особое значение имеет понимание работодателем и субъектом управленческого труда специфики инвариантов базовых управленческих компетенций. Как отмечается в ряде исследований в области организационной психологии [4; 9 и др.], пробуждение в работниках инициативы, стремления к успеху, способность привлекать в организацию профессионалов и удерживать их, работать на уровне высоких стандартов — безусловные составляющие эффективного менеджмента, являющиеся одновременно и базовыми компетенциями управленческих кадров [9, с. 27]. Базовые, или общие, компетенции — это компетенции, определяющие организационные требования к профессионалам, работающим в условиях определенного трудового поста, в данном случае таковым является менеджмент, соответствующий должности руководителя линейного или высшего уровня. При этом профессиональные знания и опыт составляют так называемую *пороговую* компетентность, специфичную для конкретных профессиональных сфер, каковыми в нашем исследовании являются медицина, а также система общественного здоровья и здравоохранения.

Установлено, что инвариантное ядро базовых компетенций составляют качества, предъявляемые к руководителю независимо от того, какому уровню менеджмента соответствует занимаемая им должность. Это, в частности, коммуникативные качества, способность к руководству (лидерство), самостоятельность (независимость), гибкость, общий, социальный и эмоциональный интеллект, получившие в специфическом их проявлении определение «управленческий интеллект» [7; 15, с. 251-252].

Выделяется подход, в котором к базовым управленческим компетенциям, в значительной степени определяющим профессиональную успешность руководителя, относят совокупность профессиональных знаний и умений, опыта, социально-психологических качеств [6]. Выглядят они следующим образом.

1. Уровень квалификации, знание своей работы (наличие высшего образования, соответствующего основному направлению работы), достаточный для успешного выполнения управленческих функций профессиональный опыт (в том числе и опыт руководящей работы); хорошая ориентация в смежных областях, важных для успешного руководства (финансы, маркетинг, логистика и

др.); владение методами, способными обеспечить успех возглавляемого подразделения.

2. Оптимизация процесса управления людьми: способность к правильной расстановке кадров; постановка целей и определение приоритетов; определение полномочий и ответственности; планирование работы подчиненных и др.

3. Ориентация на результат: решительность в реализации намеченного; упорство при решении возникающих проблем; способность пойти на разумный (обоснованный) риск в работе; поддержка инициатив подчиненных и собственная способность к проявлению инициативы в решении управленческих задач.

4. Формирование сплоченной команды: подбор членов команды; создание условий для ее успешной работы; поддержание на высоком уровне собственного авторитета в глазах членов команды; формирование у членов команды приверженности своей команде.

5. Анализ проблем и принятие решений: сбор информации и анализ информации, выделение существенной информации и группировка информации по категориям; анализ проблем и затруднений, снижающих эффективность работы; выработка альтернативных решений; разработка критериев оценки альтернатив и выбор оптимального решения.

6. Обмен информацией с подчиненными: подготовка письменных распоряжений и отчетов; проведение совещаний; умение выступать перед аудиторией; личное общение.

7. Поддержание исполнительской дисциплины на высоком уровне: четкая постановка целей и задач; четкость в определении требований к работе (к будущим результатам); обеспечение необходимыми ресурсами; контроль исполнения.

8. Мотивация труда подчиненных: способность выявить индивидуальные предпочтения подчиненных в отношении материальных и моральных стимулов; способность воодушевить подчиненных на достижение поставленных целей; умение использовать средства материального и морального стимулирования; способность добиться от подчиненных высокого уровня сотрудничества.

9. Помощь подчиненным: индивидуальный подход к подчиненным; учет затруднений, с которыми сталкивается подчиненный в своей работе; готовность оказать подчиненному необходимую помощь, если тот ее запрашивает; формирование климата сотрудничества с подчиненными.

10. Эффективное использование руководителем собственного потенциала: планирование личной карьеры; постоянная работа по собственному профессиональному развитию; планирование времени и умение хорошо организовать свою работу; умение поддерживать на высоком уровне собственную работоспособность.

Если вникнуть в содержание перечисленного ряда, то можно увидеть, что в них фактически идет речь о специальных способностях, которые могут иметь различные уровни развития. Г. Б. Морозова предлагает использовать для эффективного управления компетенциями конкретной должности трехуровневую модель оценки. *Базовый* уровень (специалист демонстрирует ожидаемый результат деятельности); *высокий* уровень (специалист не только демонстрирует ожидаемый результат деятельности, но и может объяснить другим людям, как он достиг этого результата, почему он действовал именно так, а не иначе); *высший* уровень (специалист демонстрирует не только ожидаемые результаты, не только способен объяснить то, как он их получил, но и может научить других людей действовать столь же эффективно). При этом не рассматривается ситуация, когда та или иная профессиональная компетенция не выражена. Считается, что человек уже достиг определенного уровня профессионализма, позволяющего ему заниматься управленческой деятельностью [9, с. 218-219]. По сути, можно говорить о важном организационно-психологическом выводе: должность руководителя — это трудовой пост, занимать который может специалист, обладающий высоким профессионализмом.

Определение компетенций через категорию способностей позволило М. Вундкоку и Д. Френсису выделить в составе базовых управленческих компетенций (УК) 11 групп [1, с. 20-21]. Это определенный ряд способностей, умений, знаний:

- 1) управлять собой и своим временем;
- 2) прояснять свои личные ценности;
- 3) четко определять как цели выполняемой работы, так и собственные жизненные цели;
- 4) поддерживать постоянный профессиональный и личностный рост и развитие;
- 5) решать проблемы быстро и эффективно;
- 6) гибко реагировать на изменение ситуации, креативность;
- 7) влиять на окружающих, не прибегая к прямым приказам;
- 8) освоить новые современные приемы и технологии в управлении человеческими ресурсами;
- 9) планировать работу организации (подразделения) и добиваться результатов от работы сотрудников;
- 10) оказывать помощь и поддержку другим людям в достижении наилучших результатов труда и развития потенциальных возможностей;
- 11) создавать и развивать рабочие группы с целью повышения их эффективности.

Проводя исследование специфики личностно-психологических аспектов менеджмента в медицине, мы исходили из следующих предположений:

1) будучи базовыми, названные компетенции тем не менее имеют свою собственную конфигурацию в управлении медицинским учреждением;

2) врачебная профессиональная деятельность, в системе которой формируется личность менеджера здравоохранения, обуславливает наличие специфических личностных качеств субъекта, отраженных моделью личности врача-клинициста [14].

Эта специфика проецируется и на формирование управленческих компетенций субъекта менеджмента, что, в свою очередь, обуславливает необходимость выявления точек максимального несоответствия профилей УК и управленческих способностей врача-руководителя.

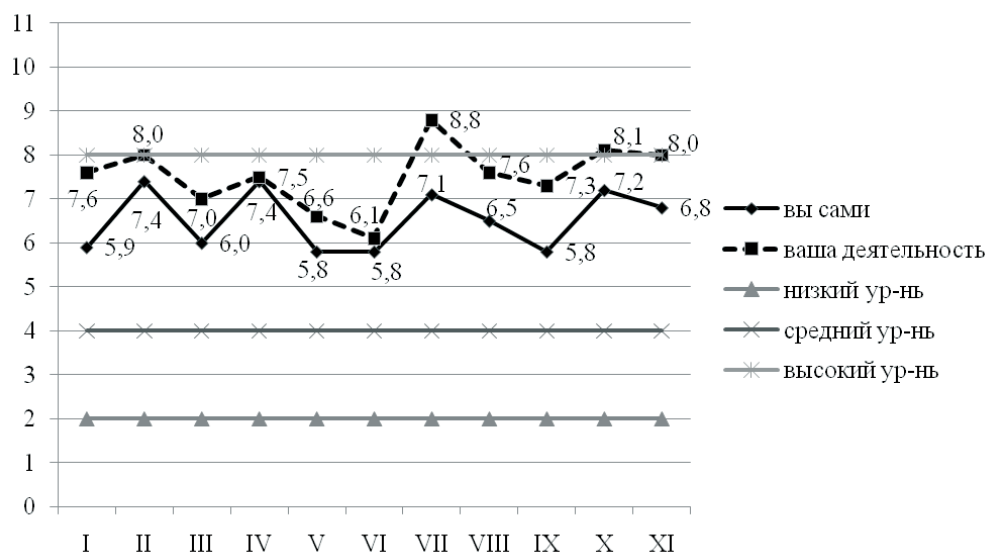
В эмпирическом исследовании применен метод диагностики УК с использованием тестов «Ваша работа» и «Вы сами» [1]. Первый из названных тестов позволяет увидеть профиль базовых компетенций врача-руководителя, требуемых в управленческой деятельности. Второй тест методом самодиагностики помогает выявить профиль управленческих способностей руководителя. Процедура анализа состояла в расчете среднегрупповых показателей по обоим тестам и выполнении смещенных профилей УК для проверки эмпирических гипотез. Учитывая, что максимальный показатель по шкалам обоих тестов равен одиннадцати, мы определили четыре уровня выраженности УК:

- 1) низкий — 0-2 балла;
- 2) средний — 3-4 балла
- 3) высокий — 5-8 баллов;
- 4) очень высокий — 9-11 баллов.

Исследование проведено на базе кафедры общественного здоровья и здравоохранения ФПК и ППС Кубанского государственного медицинского университета. Выборку испытуемых составили представители топ-менеджмента медицинских учреждений (директора, главные врачи, заместители главных врачей ЛПУ) в период прохождения циклов повышения квалификации в системе непрерывного медицинского образования. Всего в исследовании приняли участие 68 респондентов. Группа уравновешена по полу (32 женщины; 36 мужчин) и продолжительности управленческого стажа: опыт управленческой деятельности врачей, включенных в обследование, составил от 5 до 10 лет.

Результаты и их обсуждение

Установлено, что профессиональные задачи, решаемые руководителем лечебного учреждения, требуют высшего уровня развития двух из 11 УК: умения влиять на окружающих и умения обучать (см. рисунок). Остальные способно-

Профили управленческих компетенций врача-руководителя (n = 68 чел.):

I – способность управлять собой; II – разумные личные ценности; III – четкие личные цели; IV – упор на постоянный личный рост; V – навык решать проблемы; VI – способность к инновациям; VII – способность влиять на окружающих; VIII – знание современных управленческих подходов; IX – способность руководить; X – умение обучать и развивать подчиненных; XI – умение наладить групповую работу.

сти востребованы на высоком уровне, что в целом свидетельствует о многофункциональности топ-менеджмента в медицине.

Самооценка управленческих способностей показала, что по всем измеряемым параметрам респонденты определяют собственный управленческий профессионализм как высокий (среднегрупповые оценки находятся в диапазоне от 5,9 до 7,4 балла), что свидетельствует о высоком организационно-психологическом ресурсе власти в учреждениях здравоохранения.

Результаты тестирования по опроснику «Ваша работа» показали, что деятельность врача-руководителя требует наивысшего уровня развития четырех групп способностей: влиять на окружающих ($M = 8,78$); обучать подчиненных ($M = 8,06$); формировать и развивать эффективные рабочие группы (умение наладить групповую работу, $M = 8,0$); обладать разумными личными ценностями ($M = 8,0$).

Ранжирование полученных среднегрупповых оценок, проведенное в соответствии с методикой М. Вундкока и Д. Френсиса, предполагает выделение первых пяти рангов, которые соответствуют наиболее значимым компетенциям. По результатам обоих тестов в это число попадают компетенции: разумные

Результаты ранжирования управленческих компетенций врача-руководителя

Управленческие компетенции (УК)	Самооценки УК (тест «Вы сами»)		Востребованные УК (тест «Ваша профессиональная деятельность»)	
	М	Ранг	М	Ранг
I. Способность управлять собой	5,9	8	7,6	5,5
II. Разумные личные ценности	7,4	1,5	8,0	3,5
III. Четкие личные цели	6,0	7	7,0	9
IV. Упор на постоянный личный рост	7,4	1,5	7,5	7
V. Навык решать проблемы	5,8	10	6,6	10
VI. Способность к инновациям	5,8	10	6,1	11
VII. Способность влиять на окружающих	7,1	4	8,8	1
VIII. Знание современных управленческих подходов	6,5	6	7,6	5,5
IX. Способность руководить	5,8	10	7,3	8
X. Умение обучать и развивать подчиненных	7,2	3	8,1	2
XI. Умение наладить групповую работу	6,8	5	8,0	3,5

личные ценности; способность влиять на окружающих; умение обучать и развивать подчиненных; умение наладить групповую работу (см. таблицу).

Однако соотношение даже первых ранговых мест различно. В самооценках УК наиболее выраженными оказались умения определять разумные личные ценности и стремление к постоянному личному росту. Уровень развития этих компетенций соответствует границе высоких и очень высоких показателей (М = 7,4). В реальных компетенциях занимаемых руководящих должностей первостепенное значение имеет способность влиять на окружающих, которая должна быть выражена на очень высоком уровне (М = 8,8). Второе место занимает умение обучать и развивать подчиненных (М = 8,1).

В самооценках врачей не вошли в категорию развитых УК *способность управлять собой* и *знание современных управленческих подходов*, в то время как относительно исполняемой профессиональной роли эти компетенции составляют значимый компонент «профиля». Стремление к постоянному личному росту (компетенция IV; ранг 1,5), высоко оцениваемое врачами в совокупности личных способностей, оказывается слабо востребованным в непосредственной деятельности (ранг 7).

Полученные феноменологические конструкты управленческих компетенций позволяют определить по меньшей мере два важных аспекта в работе по развитию психологических компонентов менеджмента учреждений здраво-

охранения. Первый аспект можно назвать условно «мишенями развивающего воздействия». Речь идет о необходимости целенаправленного формирования у руководителей первого уровня (главные врачи, заместители главных врачей) способности управлять собой и знания современных управленческих подходов. Достижение субъектом управленческой деятельности необходимого уровня владения этими компетенциями может рассматриваться в числе ресурсов повышения эффективности труда врача-руководителя.

Второй аспект относится к компетенциям, имеющим высокий уровень сформированности у врачей, но слабо востребованным в реальной деятельности. Учредителям лечебных учреждений имеет смысл определить степень значимости выраженного стремления врача к постоянному личному росту и рассматривать это качество как основу для постановки творческих, инновационных задач в управленческой деятельности.

Выводы

Анализ полученных эмпирических данных позволил с позиций компетентностного подхода увидеть конфигурацию идеального и реального Образа Я врача-руководителя, подтверждающего наше предположение о его особенностях, а также о наличии специфических личностных качеств субъекта менеджмента в медицине, отраженных моделью личности врача-клинициста [14]. Содержательным выражением идеального Я мы рассматриваем образ субъекта управленческого труда, сформированный в самосознании врача-руководителя как отражение профессиональных (должностных) задач, решаемых в процессе управленческого труда. Реальный Образ Я — это сложившийся в самооценках врача-руководителя образ собственной управленческой компетентности, который имеет своеобразные точки совпадения и расхождения с идеальным образом.

Полученные данные могут быть использованы для проектирования траекторий развития управленческих способностей, достижения врачом-руководителем уровней высокого (мастер) и высшего (мастер-наставник) уровней УК.

Результаты проведенного исследования дают основание для содержательного дополнения концепции психологического сопровождения последипломного профессионального образования врача-руководителя.

Библиографический список

1. Вундкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер. М.: Дело, 1991.
2. Дитер Г., Розенштиль фон Л. Организационная психология. Человек и организация. Харьков: Гуманитарный центр, 2006.
3. Занковский А. Н. Организационная психология: учеб. пособие. М.: Флинта; МПСИ, 2002.

4. *Зимняя И. А.* Ключевые компетенции — новая парадигма результата современного образования. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>
5. *Климов Е. А.* Пути в профессионализм (психологический взгляд): учеб. пособие. М.: МСПИ; Флинта, 2003.
6. *Магура М., Курбатова М.* Оценка работы персонала: практическое пособие для руководителей // Управление персоналом. 2008. № 13.
7. *Менкес Д.* Управленческий интеллект — отличительная способность успешного руководителя. М.: Эксмо, 2008.
8. *Миронова Е. Р.* Психологические детерминанты профессионально-личностного самоопределения врача-руководителя: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.
9. *Морозова Г. Б.* Психологическое сопровождение организации и персонала. СПб.: Речь, 2006.
10. Управление персоналом: энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998.
11. *Храпник В. А.* Стратегия достижения профессионализма: на материалах изучения руководителей лечебно-профилактических учреждений: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
12. *Хуторской А. В.* Технология проектирования ключевых и предметных компетенций // Эйдос: интернет-журнал. 2006. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>.
13. *Швальбе Б., Швальбе Х.* Личность, карьера, успех. Психология бизнеса. М.: Прогресс, 1993.
14. *Ясько Б. А.* Психология личности и труда врача: курс лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2005.
15. *Born M. Ph., Jansen P. G. W.* Organizational Turnaround // International Handbook of Selection and Assessment. Vol. 2. New-York: Wiley & Sons, 1997.
16. *Boyatzis R.* The Competent Manager. New-York: Wiley & Sons, 1982.

Bibliography

1. *Woodcock M., Francis D.* Raskreposhhennyy menedzher. M.: Delo, 1991.
2. *Dieter G., Rosenspiel von L.* Organizacionnaja psihologija. Chelovek i organizacija. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2006.
3. *Zankovskij A. N.* Organizacionnaja psihologija: ucheb. posobie. M.: Flinta; MPSI, 2002.
4. *Zimnjaja I. A.* Kljuchevye kompetencii — novaja paradigma rezul'tata sovremennogo obrazovaniya. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>
5. *Klimov E. A.* Puti v professionalizm (psihologicheskij vzgljad): ucheb. posobie. M.: MSPI; Flinta, 2003.
6. *Magura M., Kurbatova M.* Ocenka raboty personala: prakticheskoe posobie dlja rukovoditelej // Upravlenie personalom. 2008. № 13.
7. *Menkes D.* Upravlencheskij intellekt — otlichitel'naja sposobnost' uspeshnogo rukovoditelja. M.: Jeksmo, 2008.
8. *Mironova E. R.* Psihologicheskie determinanty professional'no-lichnostnogo samoopredelenija vracha-rukovoditelja: dis. ... kand. psihol. nauk. Krasnodar, 2005.

9. *Morozova G.B.* Psihologicheskoe soprovozhdenie organizacii i personala. SPb.: Rech', 2006.
10. Upravlenie personalom: jenciklopedicheskij slovar'. M.: INFRA-M, 1998.
11. *Khrapik V.A.* Strategija dostizhenija professionalizma: na materialah izuchenija rukovoditelej lechebno-profilakticheskikh uchrezhdenij: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. M., 1997.
12. *Khutorskoy A.V.* Tehnologija proektirovanija ključevyh i predmetnyh kompetencij // Jejdos: internet-zhurnal. 2006. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2005/1212.htm>.
13. *Schwalbe B., Schwalbe H.* Lichnost', kar'era, uspeh. Psihologija biznesa. M.: Progress, 1993.
14. *Yasko B.A.* Psihologija lichnosti i truda vracha: kurs lekcij. Rostov n/D: Feniks, 2005.
15. *Born M.Ph., Jansen P.G. W.* Organizational Turnaround // International Handbook of Selection and Assessment. Vol. 2. New-York: Wiley & Sons, 1997.
16. *Boyatzis R.* The Competent Manager. New-York: Wiley & Sons, 1982.

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. БОДАЛЕВА

On A. A. Bodalev's 90th anniversary

В октябре 2013 г. исполняется 90 лет со дня рождения Алексея Александровича Бодалева, выдающегося российского психолога, известного своими работами в области методологии психологии, психологии общения, личности, акмеологии.

Окончив в 1950 г. с отличием психологическое отделение философского факультета Ленинградского государственного университета, А.А. Бодалев в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1965 г. — докторскую диссертацию на тему «Восприятие и понимание человека человеком». С 1969 по 1976 г. заведовал кафедрой общей психологии и с 1972 по 1976 г. был деканом факультета психологии ЛГУ.

С 1971 г. А.А. Бодалев — член-корреспондент Академии педагогических наук СССР. В 1976 г. избран на должность академика-секретаря отделения психологии и возрастной физиологии АПН. Алексей Александрович работал в Президиуме АПН и одновременно в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР, где организовал и возглавил первую в стране лабораторию по изучению социальной перцепции. С 1979 по 1986 гг. А.А. Бодалев — декан и заведующий кафедрой общей психологии факультета психологии Московского государственного университета.

Еще некоторые важные вехи. С 1978 г. — действительный член АПН СССР. С 1986 по 1989 г. — вице-президент АПН СССР. С 1993 г. — действительный член Российской академии образования. В 2002 г. стал заслуженным деятелем науки РФ. В течение двух сроков (1980-1988) представлял отечественную психологию в Ассамблее международной ассоциации психологических наук. А.А. Бодалев — действительный член многих международных академий. Выполнял функции вице-президента Общества психологов СССР.

Алексей Александрович был членом редколлегии ведущих отечественных журналов: «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Мир психологии». С 1979 по 1986 г. — ответственный редактор журнала «Вестник МГУ» (серия 14 «Психология»). А.А. Бодалев — член редакционного совета журнала «Человек. Сообщество. Управление».

С 1989 по 1993 год А. А. Бодалев — заведующий лабораторией общения в Психологическом институте РАО. С 1993 г. — главный научный сотрудник ПИ РАО. С 1993 по 2004 г. — профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии факультета психологии МГУ. С 2000 по 2006 г. — профессор кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы при Президенте РФ. С 1968 по 1994 г. — член ВАКа, в котором с 1989 г. возглавлял экспертный совет по психологическим и педагогическим наукам.

Алексей Александрович Бодалев с 1960 г. первым в отечественной психологии начал последовательно изучать феноменологию, закономерности и механизмы познания людьми друг друга. А. А. Бодалев содействовал созданию и развитию научных центров исследования проблем психологии общения при университетах в Ленинграде (Санкт-Петербурге), Москве, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Гродно, Саранске. Он создал свою научную школу, характеризующуюся общим подходом к изучению психологии общения, социальной перцепции и взаимодействия. Под его руководством выполнены и успешно защищены 25 докторских и 128 кандидатских диссертаций. А. А. Бодалев опубликовал более 600 работ, значительная часть которых издана в странах ближнего и дальнего зарубежья. В 2011 г. по инициативе А. А. Бодалева и под его редакцией вышел энциклопедический словарь «Психология общения», который отражает результаты изучения этого феномена в отечественной и зарубежной науке.

А. А. Бодалев — один из основоположников акмеологии. Ряд его книг и статей посвящен определению содержания предмета акмеологии — научного направления, возникшего на стыке общественных, гуманитарных, естественных и технических дисциплин, предполагающего комплексное исследование развития человека на всем протяжении его жизненного пути, особенно на ступени его взрослости, условий и факторов достижения им при этом оптимума в ипостасях индивида, личности, субъекта, в которых каждый человек проявляет себя во всех сферах своего повседневного бытия.

Алексей Александрович Бодалев сыграл очень важную роль в становлении и развитии психологии на Кубани. Именно под его руководством в 1971 г. в КубГУ начались научные исследования по проблемам общения и межличностного познания. Была организована лаборатория по социальной перцепции, через три года реорганизованная в кафедру психологии, которую возглавил О. Г. Кукосян. В 1970-1980-е гг. активно велись диссертационные исследования, состоялся выпуск нескольких тематических межвузовских сборников научных статей, были проведены две всесоюзные конференции по теоретическим и прикладным проблемам психологии познания людьми друг друга (1975, 1979 гг.).

В продолжение идей, заложенных трудами Б. Г. Ананьева, А. А. Бодалева, Б. Ф. Ломова, С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинского, К. А. Абульхановой-Славской и других выдающихся отечественных психологов, в КубГУ сложил-

ся *субъектно-бытийный подход к личности* (З.И. Рябикина, Г.Ю. Фоменко, Л.Н. Ожигова и др.), реализованный в изучении различных аспектов общения как *со-бытия*.

Работа и общение с Алексеем Александровичем Бодалевым всегда преисполнены радости и удовольствия от совместного научного творчества. Его отличают высочайший профессионализм, истинная интеллигентность, деликатность, отзывчивость и доброжелательность, колоссальная работоспособность и самоотверженная преданность науке.

Редакция журнала «Человек. Сообщество. Управление», ученики и коллеги Алексея Александровича Бодалева сердечно поздравляют его с юбилеем, желают ему здоровья, счастья, долгих лет творчески активной жизни.

Редколлегия

СЕТЕВОЙ ПОДХОД В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: СОДЕРЖАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

.....

И. В. Мирошниченко¹

В статье рассматриваются теоретико-методологические особенности сетевого подхода в политической науке, характеризуются этапы и направления его эволюции, определяются возможности сетевой методологии к исследованию публичной политики, а также перспективные направления его развития.

Ключевые слова: сетевой подход, публичная политика, социальные сети, сетевое управление, «новый государственный менеджмент».

Miroshnichenko I. V. Network approach in political studies: content and trends

The article examines the theoretical, methodological features of the network approach in political science, characterized by the steps, and the direction of its evolution, identifies opportunities for network methodology to the study of public policy, as well as promising directions of its development.

Key words: network approach, public policy, social networks, network management, «new public management».

Сетевой подход в политической науке развивался в рамках общего для социальных наук тренда, в рамках которого происходил отказ от механистической картины мира с ее доминирующей идеей линейных причинно-следственных связей и акцентировалось внимание на проблемах горизонтального взаимодействия и координации в условиях полицентричного общества. В условиях современных трансформаций политики сетевая методология способна охватить сложность и текучесть современных социально-политических процессов, новый характер отношений между частной и публичной сферами, между государством и обществом.

¹ Мирошниченко Инна Валерьевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: mirinna78@mail.ru

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 11-03-00519 «Конструктивный потенциал социальных сетей в сфере публичной политики в условиях модернизации современного российского общества».

Теоретическая концептуализация понятия «сеть» и методологические возможности его применения обусловили эволюцию и векторы развития сетевого подхода в политических исследованиях. Можно выделить следующие концептуальные измерения сети, которые используются для различных аналитических целей: а) сеть как аналитическая рамка и эмпирический инструмент (сетевой анализ); б) сеть как структура; в) сеть как форма управления; г) сеть как переменная в производстве политики (сетевая теория политики) [46].

Сквозным аналитическим инструментом в сетевом подходе, с помощью которого формируются разнообразные по уровню и универсальности теоретические конструкты, служит сетевой анализ. *Сетевой анализ как эмпирический инструмент* стал одной из наиболее важных инноваций в социальных науках в начале 1970-х гг.², что было обусловлено несколькими причинами. Во-первых, концепты основывались скорее на отношениях, чем на атрибутах, что «заставило исследователей социума мыслить в терминах ограничений и опций, присущих способам организации общественных отношений, концентрируя внимание на связях между общественными организмами, а не на качествах, которыми эти организмы обладают» [45]. По мнению М. Эмирбайера и Дж. Гудвина, сетевой анализ основан на «антикатегорическом императиве, отрицающем все попытки объяснить поведение человека или социальные процессы исключительно в терминах категорической атрибуции акторов, независимо от того, являются они индивидуальными или коллективными» [17]. В центре сетевого анализа находятся не атрибуты акторов (возраст, гендер, социальный статус, политическая принадлежность, религиозные верования, этничность, психологические предрасположенности), «но отношения между социальными объектами как средство объяснения поведения акторов и результатов реализации их политических действий» [17]. Сетевой анализ основывается на двух главных компонентах: наборах объектов, называемых узлами, позициями или акторами, и наборах отношений между данными объектами, называемых фронтами, связями или звеньями [32].

Во-вторых, сетевой анализ, будучи эмпирическим инструментом для объяснения социальной структуры на основе отношений между социальными субъектами [26], аналитически формален. Он задаёт систематические и воспроизводимые процедуры, требует строгих правил кодировки и обладает внутренней логикой и алгоритмом, что даёт дескриптивные и дедуктивные результаты [21]. Сила методологии сетевого анализа основана на хорошо отработанных процедурах сбора данных, которые доступны для анализа и измерения свойств целых структур (их централизации, иерархизированности, плотности

² Первоначально сетевой анализ, основанный на математической теории графов, стал активно применяться в социологической традиции такими исследователями как Р. Соломонофф, А. Раппопорт, П. Эрдос, А. Ренье, Н. Лин, Б. Веллман, Дж. Коулман и др. В конце 1970-х гг. была основана специализированная ассоциация по прикладным исследованиям социальных сетей – Международная сеть анализа социальных сетей (INSNA).

и т.п.) и социального положения отдельных социальных субъектов в этих системах (центрированность, членство в кликах, престиж, структурная эквивалентность и т.д.) [8]. На основе социологического инструментария сетевая методология «преобразила простое метафорическое понимание встроенности акторов в сеть социальных отношений, в более точный и практичный инструмент политического анализа» [17]. Исследователи на основе методологических принципов сетевого анализа могут операционализировать и измерять свойства отношений качества социальных и политических структур/систем и окружающих их субъектов при помощи сбора и анализа эмпирических данных.

Помимо формализованного количественного подхода в сетевом анализе получил свое развитие качественный подход, возникший в ходе дискуссий о представительстве интересов [54; 7], координации в секторах промышленности [25], а также о планировании и реализации политики [52; 39]. Качественный подход основан на детальном изучении конкретных объектов, в которых описываются характеристики сетевой структуры, действующей в политическом пространстве. В этом контексте *сеть используется в качестве структурной основы* политического анализа, направляющей исследования на процесс выработки политики [33], т.е. речь идет о концептуализации в рамках сетевого подхода понятия «политическая сеть», которое широко стало использоваться в исследованиях публичной политики и государственного управления в период 1990-2000-х гг.

В сетевых теориях первого поколения в начале 1990-х гг., отталкиваясь от методологических посылок корпоративистского и плюралистического подходов, политические сети рассматривались как разнообразные формы отношений между государством и группами интересов, формирующихся на основе неравновесных, открытых и добровольных взаимодействий множества равноправных акторов (как агрегированных групп, так и индивидуальных акторов), связанных с общими интересами и ресурсами. По словам Р. Родеса и Д. Марша, развиваясь как теория среднего уровня (преимущественно в рамках англосаксонской школы [14]), концепция политических сетей включает в себя как микроуровень анализа, с помощью которого определяется роль различных групп интересов и государства к конкретным политическим решениям, так и макроуровень, позволяющий исследовать вопросы распределения власти в современном полицентричном обществе [47].

Теоретические разработки концепции политических сетей как формы взаимодействия государства и групп интересов связаны с ее интеграцией с неинституциональным подходом, с помощью которого разрешается проблема «структура versus агент» [14] на основе анализа: а) сетевых связей акторов в виде отдельных групп интересов и государственных структур [57]; б) сетевых компонентов деятельности индивидуальных акторов, в которых агенты выступ-

пают лидерами отдельных групп интересов [9]; в) позиций акторов и сетевых отношений между данными позициями [32]; процессуальных характеристик по обмену ресурсами акторов и структурных характеристик данного взаимодействия [37].

Одним из важных научных результатов эволюции теоретических положений сетевого подхода, связанного с концептуализацией понятия «политическая сеть», является создание различных типологий политических сетей на основе их структурных и функциональных характеристик. Сохраняющееся разнообразие концепций политической сети и динамическая конкуренция между ними внутри сетевой методологии свидетельствуют об эмпирическом многообразии политических сетей, требующих в каждом конкретном случае специфического определения, которое представляет вариацию их основных параметров [57]. Обобщив конвенциональные определения, можно выделить следующие параметры политических сетей:

- акторы политических сетей (индивидуальные, коллективные/организационные) характеризуются свойствами, потребностями, способностями, интересами и ресурсами субъектов, что образует основу для сетевого взаимодействия;
- в политических сетях реализуются определенные функции участвующих акторов (обмен ресурсами; доступ к каналам политического представительства; обсуждение и координация действий, в остальных случаях не зависящих друг от друга; переговоры; сотрудничество в развитии, реализации, а при определенных условиях и в оправдании действий);
- структуры в политических сетях образуются благодаря регулярности в отношениях между акторами сетей на основе таких структурных переменных, как: численность акторов, интенсивность и обоюдность отношений; закрытость/открытость по отношению к внешнему миру; интенсивность и прочность взаимодействия; характер взаимодействия (конфликтные, соревновательные, кооперативные или формальные/неформальные) или координации политических сетей (вертикальные, горизонтальные);
- процедурные правила, определяющие взаимодействия внутри политических сетей и образующие сложные внутренние культуры, ориентированные на общественные или частные интересы;
- власть в политических сетях зависит от наличествующих ресурсов, услуг, возможностей отказа или заключения коалиций;
- акторы могут развивать стратегии по отношению к политическим сетям и внутри них.

Таким образом, несмотря на существующую дифференциацию терминологического аппарата и критериев типологизации политических сетей, благодаря сетевым теориям первого поколения на рубеже 1990-2000-х гг. поли-

тическая сеть стала рассматриваться как «комплекс политических акторов, находящихся внутри и вне политико-управленческой системы, которые вовлечены в процесс разработки публичной политики (или имеют интерес к этому) и отношения между ними» [10]. Речь идет о переориентации сетевой теории на сферу государственного управления и публичной политики, так как исследователи стали обращать внимание на то, что функционально схожие политические сети приводят к довольно разным формам управления и их результатам в рамках одной политической сферы.

Второе поколение сетевых теорий в политической науке основано на европейско-континентальной традиции и связано с обоснованием политических сетей как инновационной формы организации государственного управления и перехода системы публичного управления в новое качество постмодернистской организационной структуры. Сторонники сетевого управления исходили из того, что в условиях усложнения, дифференциации и ускоряющейся динамики современного общества управление ими не может осуществляться лишь силами государства [35; 34; 43; 44; 24]. Теоретическим истокам *сетевого управления* стала концепция руководства (governance) как результата критического осмысления «нового государственного менеджмента» [5], делающего ставку на повышение эффективности государства, на применение рыночных регуляторов и методов корпоративного управления.

Сетевое измерение концепции «руководство» предполагает вовлечение в процесс управления на принципах равноправного сотрудничества широкого круга институционально автономных государственных, общественных и частных акторов, которые не способны справиться с публичными проблемами, но для их разрешения принимают участие в управленческих структурах, характеризующихся ресурсной зависимостью и коммуникационными взаимодействиями по взаиморазделяемым целям [28]. Концепция руководства наполняет государственное управление принципиально иным содержанием, которое непосредственно связано с общественным влиянием, где выработка политического решения происходит совместно со структурами гражданского общества. Она дает возможность уйти от различия между государством и гражданским обществом, так как государство становится совокупностью межорганизационных сетей государственных и социетальных акторов без доминирующего актора, способного ими управлять и их регулировать. Как отмечают К. Хенф и Л. Отул, «современное управление характеризуется системами принятия решений, в которых территориальные и функциональные дифференциации преобразуют эффективную организацию разрешения проблем в набор субсистемных акторов со специальными задачами и ограниченной компетенцией и ресурсами» [23]. В данном случае политические сети обладают способностью сочетать в себе индивидуальную автономность рынков со способностью иерархичных систем осознанно преследовать определённые цели и действовать в соответ-

ствии с ожидаемыми результатами [38], а сетевой менеджмент в перспективе может превратиться в эффективный инструмент публичного управления и развития демократии, способствующий увеличению легитимности властно-управленческой подсистемы [43].

В то же время перед разработчиками теории сетевого управления встал вопрос о том, какая связь существует между политическими сетями и сетевым управлением и как она влияет на процесс выработки политики. Необходимым предварительным условием для изучения данной исследовательской проблемы Б. Дамхаарт считает принятие того факта, что политические сети могут осуществлять свою деятельность по разработке публичной политики и без существования сетевого управления. «Можно с уверенностью ожидать — и исследования, приведённые в качестве примеров, подтверждают это, — что роль локальной политической сети может быть различной, независимо от того, применяется ли сетевое управление или какое-либо другое» [13].

Согласно сетевой теории политики *сеть является переменной в производстве политики*, политика же рассматривается как модель интерактивных политических процессов, характеризующихся взаимодействием между многими акторами и сложностью целей и стратегий, которые являются результатами такого взаимодействия. Важной составляющей сетевой теории политики является институциональный контекст, в котором происходят сложные сетевые взаимодействия. Содержательно сетевая теория политики основывается на ряде положений сетевого подхода.

1. Взаимозависимые акторы не могут достигнуть своих целей без использования ресурсов, которыми обладают другие акторы [51; 4; 48]. Паттерны взаимодействия между акторами возникают вокруг политических проблем и зон сосредоточения ресурсов; они приобретают устойчивый характер ввиду ограниченности и исключительности ряда ресурсов, что способствует появлению, закреплению и изменению правил, регулирующих поведение акторов, распределению ресурсов в сети, взаимодействию внутри сетей [19]. Созданные политические сети образуют институциональный контекст, в рамках которого акторы действуют стратегически и в котором стратегические действия одного актора сталкиваются со стратегическими действиями других.

2. Внутри сетей возможны различные взаимодействия, связанные с политикой и другими сферами жизнедеятельности. Данные взаимодействия интерпретируются как сетевые игры [11; 49; 53], суть которых заключается в том, что акторы сети, ограниченные установленными сетью механизмами распределения ресурсов и закрепления правил, действуют стратегически для достижения собственных целей [29; 36]. Политические процессы рассматриваются как набор игр между сетевыми акторами, в которых каждый из акторов по-своему видит природу проблемы, пути её решения и действия других сетевых акторов,

что обуславливает выбор политической стратегии. Результаты игры — следствие взаимодействия стратегий различных игроков внутри игры.

3. В контексте сетевых игр политические процессы протекают в обстановке напряжённости в силу зависимости и разнообразия целей и интересов, несмотря на то, сетевая напряжённость определенным способом контролируется правилами и механизмами распределения ресурсов в сети. Ключевыми в сетевых играх выступают формирование согласованных действий и сотрудничество, которые необходимы для преодоления напряженности в сети и достижения удовлетворительных результатов реализации политических стратегий, удовлетворяющих потребности локальной политической сети [40].

4. В сетевом подходе объяснения успешности и нерезультативности политического процесса основываются на том, насколько продвинутым было сотрудничество. Для сотрудничества необходимо достижение высокого уровня доверия в сети, существование правил разрешения конфликтов с набором позитивных санкций и механизмов координации. Сотрудничество не может быть достигнуто, если отношения между акторами инертны, блокируются или приводят к нежелательным и непредвиденным последствиям, или взаимодействие происходит под влиянием институциональных характеристик более широких паттернов [29; 41]. Объяснения, попадающие в последнюю категорию, основываются на предпосылке, что правила ограничивают поведение акторов даже тогда, когда сами акторы сознательно или неосознанно их нарушают. В связи с этим объяснения развития процессов взаимодействия в сетях можно найти как в институциональных характеристиках — ресурсах и правилах, так и в характеристиках конкретных ситуаций — игроках, их роли и стратегиях [53; 16; 6].

6. Согласованные действия и сотрудничество акторов в достижении общих целей обеспечиваются таким управленческим механизмом, как сетевое управление. Сетевое управление может осуществляться как государственными, так и негосударственными институтами двумя типами стратегий — управлением процессами и управлением сетью [31; 28]. Управление процессами нацелено на улучшение взаимодействия акторов политических играх посредством разработки стратегии сотрудничества на основе отбора и активации акторов; улучшение взаимопонимания по поводу определённых вопросов или решений; создание временных организационных договорённостей между организациями; укрепление взаимодействий и наблюдение за ними с помощью управления конфликтами и процессами. Важно, что системообразующей основой для реализации стратегии управления процессами служит принятие существующих структур и состава сети, т.е. правила (формальные или неформальные), механизмы распределения ресурсов и существующие акторы считаются начальной точкой отсчёта для формулирования и имплементации управленческих стратегий. Управление сетью сосредоточено на стратегии трансформации (устрой-

ства) сети посредством институциональных изменений, способствующих ориентации сетевых акторов во взаимодействии на сотрудничество. Стратегии управления сетью могут быть сосредоточены на изменении: положения акторов (или введении новых акторов); формальных и неформальных правил, влияющих на паттерны взаимодействия; структуры (фундаментальное изменение идей о функционировании сети и её проблемах) [13].

7. Актуализация сетевого управления как набора механизмов, координирующих и направляющих выработку политических решений множества политических акторов с конкурирующими интересами, объединенных между собой посредством горизонтальных взаимодействий, не исключает особый статус государства. Особый статус обусловлен двойственной природой. С одной стороны, органы государственной власти имеют в своем распоряжении уникальные ресурсы (большие бюджеты; огромная численность персонала с широким спектром спецификации в профессиональной деятельности; особая власть, связанная с монополией на применение силы и демократической легитимизацией; неограниченный доступ к СМИ). С другой стороны, уникальность статуса государства определяется ограничительными опциями [27; 28]:

- задачи государства во многом определяют его взаимозависимость с другими акторами и часто требуют от него взаимодействия с определёнными общественными и административными партнёрами, которых оно не может свободно выбирать;

- при выполнении своих обязанностей государство зачастую ограничено в выборе целей и в возможности выполнять задачи через переговоры;

- неправительственные акторы действуют, руководствуясь стратегической изобретательностью, ожидая от государства аналогичного поведения; в свою очередь, государственные институты связаны нормами и правилами (принципы надлежащего управления, планирование с учётом меньшинств и противников, рекомендации по демократическому регулированию и т.д.), которые они хотят навязать негосударственным акторам;

- особый статус государства в представлениях других акторов обуславливает особые ожидания в отношении результатов стратегического взаимодействия и особое внимание со стороны СМИ, подвергающих их детальному рассмотрению;

- деятельность государства должна быть не только эффективна, но и легитимна (поддерживаться политическими лидерами и политическими партиями, а также быть принята обществом).

Таким образом, рассмотренные теоретические положения сетевого подхода демонстрируют переработку и наложение разнообразных теоретико-методологических конструктов, на основе которых формируется теоретическая структура политики [30; 10; 20]. Она выступает серьезным противовесом та-

Таблица 1. Теоретические основания сетевого анализа политики

Политические сети	Процесс разработки политики	Сетевой результат выбора политики	Сетевое управление
Состав акторов политических сетей: государственные органы, партии, группы давления, гражданские ассоциации, лоббистские структуры и т.д.	Определение различий интересов и уровня взаимозависимости акторов; снижение напряжения между различием и единством в сетях	Политическая стратегия	Управление актуальными и потенциальными конфликтами, возникающими по поводу затрат и выгод
Взаимная зависимость акторов сетевого взаимодействия: устойчивая система отношений, узлы отношений	Выработка совместных установок на сферу политики, политических проблем и политических решений	Сетевой этос	Управление сотрудничеством, распределение рисков, связанных с кооперацией
Власть акторов в сетях, определяемая их ресурсами и сетевыми позициями, право вето	Определение акторами собственных политических стратегий	Сетевые институты	Регулирование состава сетей и их характера: поддержка устойчивости сетей; координация
Характер распределения ресурсов, ресурсный обмен	Взаимодействие акторов по поводу разработки единой стратегии	Сетевые практики взаимодействия	Координация взаимодействия с внешней средой
Институционализация взаимодействий в сетях: формальные и неформальные правила	Единая стратегия и ее оформление в решениях	Устойчивые коммуникационные потоки	Обеспечение взаимных потоков коммуникаций
Типы и особенности сетей: закрытые и открытые	Определение взаимной ответственности за избранную стратегию	Сетевая ответственность	Обеспечение взаимной ответственности в сетях

ким критическим замечаниям относительно сетевой методологии в политических исследованиях, как: отсутствие твердой теоретической базы; размытость категориального аппарата [7]; ограниченность объяснительной способности, связанной с метафоричностью и описательностью сетевого подхода [16; 6; 50]. Данная структура сетевой теории политики раскрывает, по утверждению Э. Клияна и Дж. Копеньяна, содержание ключевых концептов и «может удовлетворить необходимость в их прояснении» [30]. В сетевой теории концептуально объединены и связаны характеристики политических сетей, сетевые компоненты политического процесса, рассматриваемого как процесс разработки политики и характеристики сетевого управления, что способствует более четкому формулированию объяснительных механизмов (табл. 1).

Однако развитие сетевого подхода как продуманного и легко идентифицированного в политической науке теоретико-методологического комплекса, с помощью которого можно описывать, эмпирически анализировать и интерпретировать политические процессы, не исключает существование методологических сложностей и теоретических лакун, что ставит перед политической наукой ряд новых исследовательских задач и дискуссионных вопросов.

Большинство эмпирических исследований носит статический характер, т. е. политические сети считаются стабильными и их структурные характеристики описываются в рамках определённого периода либо используются краткие характеристики для нескольких периодов. При этом предполагается, что сетевые структуры, т. е. акторы и их взаимоотношения, должны иметь определённую стабильность. Однако в силу того, что все социальные структуры, включая политические сети, являются не чем иным, как повторяющимися паттернами социальных взаимодействий [18], которые изменяются с каждой последующей интерацией, возникает теоретическая и методологическая проблема исследования трансформационных конфигураций сетевых структур, их постоянных и переменных характеристик, влияющих на выработку политических стратегий. Вместе с тем в качестве неразрешённой теоретической проблемы выступает вопрос о том, влияет ли последовательность структурных конфигураций сети в контексте непрерывного процесса разработки политики на последующие результаты.

Существует лишь небольшое количество исследований, где сеть используется в качестве независимой переменной, т. е. продукты или результаты политики объясняются определёнными структурными особенностями самого процесса разработки политической стратегии. При этом в сетевом подходе остается открытым вопрос о критериях эффективности, возможности их операционализации и использования для оценивания публичной политики. Объяснение данного обстоятельства состоит в том, что «сетевики» предполагали (зачастую неявно), что политические сети разрабатывают более успешные политические решения и, следовательно, являются более эффективной формой выработки политических стратегий в сравнении с традиционными формами. Соответственно качества политических продуктов или результатов, особенно демократические качества политических решений, разработанных политическими сетями, редко подвергаются сомнению [22; 55]. В этой связи актуализируется вопрос об отличительных характеристиках и дифференцирующих критериях публичных и латентных, формальных и неформальных практик взаимодействия сетевых акторов и их влияния на политические результаты.

Существенным потенциалом для развития сетевой теории в политической науке обладают исследования новых сетевых акторов и структур (дискурсивных сетей, новых социальных движений и т.д.) [15; 12; 42; 56], которые встраиваются в процесс разработки публичной политики с новой сетевой логикой

политического действия, основанной на использовании информационно-коммуникационных технологий. В данном контексте принципиальное значение приобретают когнитивные и идентификационные характеристики акторов, способствующие модификации сети (от дискурсивных сетей до формально-организационных форм) и ее мобилизации (в различных структурных формах) к выработке и реализации политической стратегии.

Подчеркивая несомненную связь сетевого подхода с современными публичной политикой и государственным управлением, можно говорить о перспективах развития предписывающих теорий. Прежде всего, сетевой подход должен основываться на теоретической концептуализации и эмпирических исследованиях. Кроме того, важно в дальнейшем развивать, проверять и оценивать содержание, условия и выводы сетевого подхода как предписывающей теории публичного управления. В данном случае речь идет о применении идей сетевого подхода на практике и их эмпирической проверке, что позволит разрабатывать стратегии сетевого управления на уровне конкретных методик и вспомогательных инструментов.

Результаты эволюции сетевого подхода и перспективные направления его развития обусловили необходимость определения научного статуса сетевой теории не только в политической науке, но и в контексте общеполитического дискурса. Р. Хойслинг, обобщая научные дискуссии об эпистемологических возможностях сетевого подхода, характеризует сетевую теорию как теорию нового типа, имеющую два уровня измерения: парадигмальный и уровень конкретных исследований. В парадигмальном измерении сетевую теорию можно представить как метатеорию, поскольку «она концептуально разрешает то, что содержательно описывает», и при этом «может сопрягаться со множеством других теорий... служащих своего рода модулями, между которыми возникает или существует сеть теоретических сопряжений» [2]. Р. Хойслинг обосновывает возникновение сетевой метатеории появлением сложных, неустойчивых, неопределенных процессов, которые невозможно объяснить частными теориями, они требуют адекватного методологического фундамента. Такое состояние научного знания Д. Дзола объясняет сложностью и многосоставностью социально-политических процессов, которые сводятся к следующим характеристикам когнитивных ситуаций, применимых к сетевому подходу:

— чем шире масштаб возможных вариантов выбора и чем больше переменных, которые приходится учитывать субъектам в своих попытках разрешения проблем знания, адаптации и организации, тем сложнее становится окружающая их среда;

— чем сложнее становится среда, тем сильнее взаимозависимость переменных; изменение значения одной переменной неизбежно сказывается на других переменных, что усложняет задачу познания и/или действия;

— нестабильность и турбулентность среды по быстрым и непредсказуемым траекториям носят динамичный характер, этот аспект тем более важен, что он связан с процессами, которые приводят к переходу от порядка к беспорядку [1].

В данном случае метатеоретические характеристики сетевого подхода определяются двумя формальными составляющими: а) если предметом исследования становится некая сеть или сетевая структура; при этом понятие «сеть» интерпретируется двумя способами: как сложная и динамическая ячеистая структура и как обозначение «новой логики осмысления предельно сложных явления и процессов, происходящих в современном мире» [3]; б) если сетевая теория обосновывается по принципу сетевого взаимодействия, когда ряд концепций и теорий синхронизируются для построения нового теоретического знания. В первом случае речь идет об адекватном отражении политической теорией сетевой логики развития нового формата социальности, которая все более интенсивно проникает в сферу производства, экономики, культуры и политики. В политической сфере возникают определенные сетевые явления и процессы, которые не могут быть изучены и интерпретированы за пределами сетевого подхода.

Во втором случае можно говорить о сетевой логике генезиса сетевой теории. В генезисе сетевого подхода применительно к сфере политических исследований можно выделить несколько этапов, которые характеризуют его специфические черты. На первом этапе — в 1970-1980-х гг. — наблюдалось проникновение в политическую науку сетевых принципов анализа, сформулированных и нашедших свое применение в эмпирических исследованиях социальных наук. Сеть используется в качестве аналитически формального инструмента с широким диапазоном методов и процедур сбора и анализа данных о различных социальных и политических объектах, как структур, так и отдельных акторов. На основе качественных и количественных подходов к сетевому анализу политических структур в 1990-х гг. формируется представление о сети как структурной базе политического анализа, с помощью которого возможны исследования процесса выработки политики. На втором этапе развития сетевого подхода (1990-е гг.) происходит концептуализация понятия «политическая сеть» как формы взаимодействия государства и групп интересов. Концепт «политическая сеть», интегрируясь с теориями неинституционализма, позволил выявить сетевые основания структурных и функциональных характеристик процесса выработки публичной политики. Актуализация проблемы результативности политических сетей в публичной политике дала толчок переориентации сетевого подхода на сферу государственного управления и развитию нового направления — исследования сетевого управления как синтеза сетевой теории и теории нового государственного менеджмента. На третьем этапе развития сетевого подхода — 2000-е гг. — концепция сетевого управления (governance) аккумулировала в себе новые тенденции сетевизации публичного управления,

что нашло отражение в новом содержании государственного управления, его организационной и технологической составляющей, связанной с общественным влиянием и гражданским участием в принятии публичных решений. Сегодня сетевой подход находится на четвертом этапе своего развития, в рамках которого формируется сетевая теория политики. Интегрировав теории и концепции, возникшие в предшествующие периоды, сетевая теория политики рассматривает сеть как переменную в производстве политики, используя категориальный аппарат сетевого подхода к исследованию и оценке структурно-функциональных, процессуальных, результативных и управленческих компонентов публичной политики. Несмотря на весьма условные хронологические рамки в дифференциации выделенных этапов, можно говорить об отчетливом структурировании теоретического поля сетевого подхода. В то же время эволюционирование сетевой теории от аналитических принципов сетевого политического анализа на основе эмпирических методов исследования к концептуализации сетевой теории политики происходило методом наслоения концепций, представленных различными теоретическими направлениями сетевого подхода. Его развитие основывалось на интеграции собственно сетевых концепций с разнообразными по научной спецификации, уровням, теориями, к числу которых принадлежат школы социального структурного анализа межорганизационной теории, неинституционализма, академической теории администрирования бизнеса, теории общественного выбора и неоменеджеризма стран Западной Европы и Северной Америки. Благодаря связке с сетевой теорией другие теории, с одной стороны, получали новую интерпретацию, а с другой — методологически обогащали ее, наполняя междисциплинарными аналитическими принципами. Такого рода сетевые процессы научной конвергенции приводят к синергетическому эффекту в производстве нового эквивалентного теоретического знания.

Однако, предлагая абстрактные модели, свою спецификацию сетевая теория обретает только на уровне приложения сетевого подхода к конкретным исследованиям, сопряженным с различными предметными областями политической науки, такими как компаративистика, коммуникативистика, регионалистика, публичная политика и менеджмент и т.д. Конкретные исследования в рамках сетевой проблематики способствуют созданию операциональных моделей, с помощью которых возможно эмпирическое описание и интерпретация феноменов и процессов в определенных сегментах политической сферы, а также их прогностическое осмысление.

Библиографический список

1. Дзола Д. Демократия и сложность: реалистический подход/пер. с англ. А. А. Калинина. М.: Высшая школа экономики, 2010.

2. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории: пер. с нем. М.: Логос-Альтера, 2003.
3. Шенцева Е. А. Сетевой подход в контексте философского дискурса // Философия и общество. 2012. № 8.
4. Benson J.K. A Framework for Policy Analysis/D.L. Rogers and D.A. Whetten (eds) Interorganisational Co-ordination: Theory, Research, and Implementation. Ames: Iowa State University Press, 1982.
5. Bevir M., Rhodes R.A. W., Weller P. Traditions of Governance: Interpreting the Changing Role of the Public Sector// Public Administration. 2003. Vol. 81, № 1.
6. Blom-Hansen J. A New Institutional Perspective on Policy Network // Public Administration. 1997. Vol. 75.
7. Borzel T.A. Organising Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998. Vol. 76.
8. Brandes U., Kenis P., Raab J., Schneider V., Wagner D. Explorations in to the Visualization of Policy Networks // Journal of Theoretical Politics. 1999. Vol. 11.
9. Comparing Government — Industry Relations: Western Europe, the United States, and Japan/S. Wilks, M. Wright (eds.). Oxford, 1987.
10. Compston H. Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
11. Crozier M., Friedberg E. Actors and Systems; The Politics of Collective Action. Chicago; London: University of Chicago Press, 1980.
12. Dahlberg L. Computer-mediated communication and the public sphere: A critical analysis // Journal of Computer-Mediated Communication. Vol. 7, № 1. URL: <http://jcmc.indiana.edu/vol7/issue1/dahlberg.html>.
13. Damgaard B. Do Policy Networks lead to Network Governing? // Welfare Systems and Policies Working Paper. 2005. Vol. 3.
14. Daugbjer C. Policy Networks under Pressure: Pollution Control, Policy Reform and Power of Farmers. Ashgate, 1998.
15. Davis R. The Web of politics: The Internet's impact on the American political system. Oxford: Oxford University Press, 1999.
16. Dowding K. Model or Metaphor? A Critical Review of the Policy Network Approach. Political Studies, 1995. Vol. XLIII.
17. Emirbayer M., Goodwin J. Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // American Journal of Sociology. 1994. Vol. 99.
18. Giddens A. Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1979.
19. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. London; Berkeley, CA/Los Angeles, CA: Macmillan, 1984.
20. Governance Networks in Public Administration and Public Policy/ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia. Boca Raton, London; New York: CRC Press, 2011.
21. Graffin L.J., Linden M. van der Introduction // New Methods for Social History. Cambridge: University of Cambridge Press, 1998.
22. Guehenno J.-M. Das Ende der Demokratie. Munchen: Artemis und Winkler, 1994.

23. *Hanf K., O'Toole L.* Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the Management of Inter-Organizational Relations // *European Journal of Political Research*. Special Issue. 1992. Vol. 21, № 12.
24. *Hirst P.* Democracy and Governance // *Debating Governance*, Oxford: Oxford University Press, 2000.
25. *Hollingsworth J.R., Schmitter P.C., Streek W.* Governing Capitalist Economies: Performance and Control of Economic Sectors. Oxford: Oxford University Press, 1989.
26. *Kenis P., Schneider V.* Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // *Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations*. Boulder/Colorado; Frankfurt: Campus Verlag; Westview Press, 1991.
27. *Kickert W.J. M.* Public Management and Administrative Reform in Western Europe, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1997.
28. *Kickert W.J. M., Klijn E., Koppenjan J.F. M.* Managing Complex Networks. Strategies for the Public Sector. London: Sage Publications, 1997.
29. *Klijn E. H.* Analysing and Managing Policy Processes in Complex Networks: A Theoretical Examination of the Concept Policy Network and its Problems // *Administration and Society*. 1996. Vol. 28:1.
30. *Klijn E.-H., Koppenjan J.F. M.* Public management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance // *Public Management*. 2000. Vol. 2, № 2.
31. *Klijn E. J., Koppenjan J., Termeer K.* Managing Networks in the Public Sector: A Theoretical Study of Management Strategies in Policy Networks // *Public Administration*. 1995. Vol. 73:3.
32. *Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge University Press, 1990.
33. *Knoke D., Marsch D.* Policy networks and GM groups issue: Assessing the utility of a dialectical model of policy networks // *Public Administration*. 2003. Vol. 81.
34. *Kooiman J.* Governing as Governance. London: Sage Publications, 2003.
35. *Kooiman J.* Social-Political Governance: Introduction // *Modern Governance. New Government — Society Interactions*. London: Sage, 1993.
36. *March J. G., Olsen, J. P.* Rediscovering Institutions: The Organisational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989.
37. *Marsh D., Smith M.* Understanding Policy Networks: towards a Dialectical Approach // *Political Studies*. 2000. Vol. 48.
38. *Mayntz R.* Modernization and the Logic of Interorganizational Networks // *Knowledge & Policy*. 1993. Vol. 6. P. 1.
39. *Mayntz R.* Politische Steuerung: Aufstieg, Niedergang und Transformation einer Theorie // *Politische Theorien in der Ara der Transformation*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.
40. *O'Toole L. J.* Strategies for Intergovernmental Management: Implementing Programs Interorganisational Networks // *Journal of Public Administration*. 1988. Vol. 25:1.
41. *Ostrom E., Gardner R., Walker J.* Rules, Games and Common Pool Resources. MI: University of Michigan Press. 1994.
42. *Philip E. A.* Real-Time Politics: The Internet and the Political Process // *The Information Society*. 2002. № 18 (5).

43. *Pierre J.* Debating Governance. Oxford: Oxford University Press, 2000.
44. *Pierre J., Peters B.* Guy Governance, Politics and the State. London: Macmillan Press, 2000.
45. *Poucke W. van.* Network Constraints on Social Action: Preliminaries for a Network Theory // Social Networks. 1979. Vol. 2.
46. *Raab J., Kenis P.* Taking Stock of Policy Networks: Do They Matter? // Handbook of Public Policy Analysis: Theory, Politics, and Methods/eds. F. Fischer, G. Miller, M. Sidney. London; New York, 2007.
47. *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford, 1992. P.1.
48. *Rhodes R. A. W.* Beyond Westminster and Whitehall: The Subsectoral Governments of Britain, London: Unwin Hyman, 1988.
49. *Rhodes R. A. W.* Control and Power in Central-Local Government Relations, Farnborough: Gower, 1981.
50. *Salancik G. R.* Wanted: A Good Network Theory of Organization // Administration Science Quarterly. Vol. 40.
51. *Scharpf F. W., Reissert B., Schabel F.* Policy Effectiveness and Conflict Avoidance in Intergovernmental Policy Formation // K. Hanf and F. W. Scharpf (eds) Interorganisational Policy Making. London: Sage, 1978.
52. *Scharpf F. G.* Games in Hierarchies and Networks. Analytical and Empirical Approaches to the Study of Governance Institutions. Frankfurt a/M: Campus Verlag and Westview Press, 1993;
53. *Scharpf F. W.* Games Real Actors Play: Actor Centred Institutionalism in Policy Research, Boulder, CO: Westview Press, 1997.
54. *Schmitter P., Lehmbruch G.* Trends Towards Corporatist Intermediation. London: Sage Publications, 1977.
55. *Sneider V., Kenis P.* Verteilte Kontrolle: Institutionelle Steuerung in modernen Gesellschaften // Organization und Netzwerk. Institutionelle Steuerung in Wirtschaft und Politik. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1997.
56. *Vergeer M., Hermans L., Sams S.* Online social networks and micro-blogging in political campaigning: The exploration of a new campaign tool and a new campaign style. URL: <http://ppq.sagepub.com/content/early/2011/06/16/1354068811407580>
57. *Waarden F.* Dimensions and types of policy networks // European Journal of Political Research. 1992. Vol. 21.

Bibliography

1. *Zola G.* Demokratija i slozhnost': realisticheskij podhod/per. s angl. A. A. Kalinina. M.: Vysshaja shkola ekonomiki, 2010.
2. *Häußling R.* Social'nye processy kak setevye igry. Sociologicheskie esse po osnovnym aspektam setevoy teorii: per. s nem. M.: Logos-Al'tera, 2003.
3. *Shentseva E. A.* Setevoy podhod v kontekste filosofskogo diskursa // Filosofija i obschestvo. 2012. № 8.

4. *Benson J.K.* A Framework for Policy Analysis/D.L. Rogers and D.A. Whetten (eds) Interorganisational Co-ordination: Theory, Research, and Implementation. Ames: Iowa State University Press, 1982.
5. *Bevir M., Rhodes R.A. W., Weller P.* Traditions of Governance: Interpreting the Changing Role of the Public Sector// *Public Administration*. 2003. Vol. 81, № 1.
6. *Blom-Hansen J.* A New Institutional Perspective on Policy Network // *Public Administration*. 1997. Vol. 75.
7. *Borzel T.A.* Organising Babylon — on the Different Conceptions of Policy Networks // *Public Administration*. 1998. Vol. 76.
8. *Brandes U., Kenis P., Raab J., Schneider V., Wagner D.* Explorations in to the Visualization of Policy Networks // *Journal of Theoretical Politics*. 1999. Vol. 11.
9. *Comparing Government — Industry Relations: Western Europe, the United States, and Japan/S. Wilks, M. Wright (eds.).* Oxford, 1987.
10. *Compston H.* Policy Networks and Policy Change. Putting Policy Network Theory to the Test. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
11. *Crozier M., Friedberg E.* Actors and Systems; The Politics of Collective Action. Chicago; London: University of Chicago Press, 1980.
12. *Dahlberg L.* Computer-mediated communication and the public sphere: A critical analysis // *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 7, № 1.
13. *Damgaard B.* Do Policy Networks lead to Network Governing? // *Welfare Systems and Policies Working Paper*. 2005. Vol. 3.
14. *Daugbjer C.* Policy Networks under Pressure: Pollution Control, Policy Reform and Power of Farmers. Ashgate, 1998.
15. *Davis R.* The Web of politics: The Internet's impact on the American political system. Oxford: Oxford University Press, 1999.
16. *Dowding K.* Model or Metaphor? A Critical Review of the Policy Network Approach. *Political Studies*, 1995. Vol. XLIII.
17. *Emirbayer M., Goodwin J.* Network Analysis, Culture and the Problem of Agency // *American Journal of Sociology*. 1994. Vol. 99.
18. *Giddens A.* Central problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. London: Macmillan, 1979.
19. *Giddens A.* The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. London; Berkeley, CA/Los Angeles, CA: Macmillan, 1984.
20. *Governance Networks in Public Administration and Public Policy/ed. by C. Koliba, J. Meek, A. Zia.* Boca Raton, London; New York: CRC Press, 2011.
21. *Graffin L.J., Linden M. van der.* Introduction // *New Methods for Social History*. Cambridge: University of Cambridge Press, 1998.
22. *Guehenno J.-M.* Das Endeder Demokratie. Munchen: Artemis und Winkler, 1994.
23. *Hanf K., O'Toole L.* Revisiting Old Friends: Networks, Implementation Structures and the Management of Inter-Organizational Relations// *European Journal of Political Research*. Special Issue. 1992. Vol. 21, № 12.
24. *Hirst P.* Democracy and Governance // *Debating Governance*, Oxford: Oxford University Press, 2000.

25. *Hollingsworth J.R., Schmitter P.C., Streek W.* Governing Capitalist Economies: Performance and Control of Economic Sectors. Oxford: Oxford University Press, 1989.
26. *Kenis P., Schneider V.* Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Considerations. Boulder/Colorado; Frankfurt: Campus Verlag; Westview Press, 1991.
27. *Kickert W.J. M.* Public Management and Administrative Reform in Western Europe, Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 1997.
28. *Kickert W.J. M., Klijn E., Koppenjan J. F. M.* Managing Complex Networks. Strategies for the Public Sector. London: Sage Publications, 1997.
29. *Klijn E. H.* Analysing and Managing Policy Processes in Complex Networks: A Theoretical Examination of the Concept Policy Network and its Problems // Administration and Society. 1996. Vol. 28:1.
30. *Klijn E.-H., Koppenjan J. F. M.* Public management and Policy Networks. Foundations of a Network Approach to Governance // Public Management. 2000. Vol. 2, № 2.
31. *Klijn E. J., Koppenjan J., Termeer K.* Managing Networks in the Public Sector: A Theoretical Study of Management Strategies in Policy Networks // Public Administration. 1995. Vol. 73:3.
32. *Knoke D.* Political Networks. The Structural Perspective. Cambridge University Press, 1990.
33. *Knoke D., Marsch D.* Policy networks and GM groups issue: Assessing the utility of a dialectical model of policy networks // Public Administration. 2003. Vol. 81.
34. *Kooiman J.* Governing as Governance. London: Sage Publications, 2003.
35. *Kooiman J.* Social-Political Governance: Introduction // Modern Governance. New Government — Society Interactions. London: Sage, 1993. P. 1-6.
36. *March J. G., Olsen, J. P.* Rediscovering Institutions: The Organisational Basis of Politics. New York: Free Press, 1989.
37. *Marsh D., Smith M.* Understanding Policy Networks: towards a Dialectical Approach // Political Studies. 2000. Vol. 48.
38. *Mayntz R.* Modernization and the Logic of Interorganizational Networks // Knowledge & Policy. 1993. Vol. 6.
39. *Mayntz R.* Politische Steuerung: Aufstieg, Niedergang und Transformation einer Theorie // Politische Theorien in der Ara der Transformation. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996.
40. *O'Toole L. J.* Strategies for Intergovernmental Management: Implementing Programs Interorganisational Networks // Journal of Public Administration. 1988. Vol. 25:1.
41. *Ostrom E., Gardner R., Walker J.* Rules, Games and Common Pool Resources. MI: University of Michigan Press. 1994.
42. *Philip E. A.* Real-Time Politics: The Internet and the Political Process // The Information Society. 2002. № 18 (5).
43. *Pierre J.* Debating Governance. Oxford: Oxford University Press, 2000.
44. *Pierre J., Peters B.* Guy Governance, Politics and the State. London: Macmillan Press, 2000.
45. *Poucke W. van.* Network Constraints on Social Action: Preliminaries for a Network Theory // Social Networks. 1979. Vol. 2.

46. *Raab J., Kenis P.* Taking Stock of Policy Networks: Do They Matter? // Handbook of Public Policy Analysis: Theory, Politics, and Methods/eds. F. Fischer, G. Miller, M. Sidney. London; New York, 2007.
47. *Rhodes R., Marsh D.* Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government. Oxford, 1992.
48. *Rhodes R. A. W.* Beyond Westminster and Whitehall: The Subsectoral Governments of Britain, London: Unwin Hyman, 1988.
49. *Rhodes R. A. W.* Control and Power in Central-Local Government Relations, Farnborough: Gower, 1981.
50. *Salancik G. R.* Wanted: A Good Network Theory of Organization // Administration Science Quarterly. Vol. 40.
51. *Scharpf F. W., Reissert B., Schnabel F.* Policy Effectiveness and Conflict Avoidance in Intergovernmental Policy Formation // K. Hanf and F. W. Scharpf (eds) Interorganisational Policy Making. London: Sage, 1978.
52. *Scharpf F. G.* Games in Hierarchies and Networks. Analytical and Empirical Approaches to the Study of Governance Institutions. Frankfurt a/M: Campus Verlag and Westview Press, 1993;
53. *Scharpf F. W.* Games Real Actors Play: Actor Centred Institutionalism in Policy Research, Boulder, CO: Westview Press, 1997.
54. *Schmitter P., Lehmbruch G.* Trends Towards Corporatist Intermediation. London: Sage Publications, 1977;
55. *Sneider V., Kenis P.* Verteilte Kontrolle: Institutionelle Steuerung in modernen Gesellschaften // Organization und Netzwerk. Institutionelle Steuerung in Wirtschaft und Politik. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 1997. S. 9-44.
56. *Vergeer M., Hermans L., Sams S.* Online social networks and micro-blogging in political campaigning: The exploration of a new campaign tool and a new campaign style. URL: <http://ppq.sagepub.com/content/early/2011/06/16/1354068811407580>
57. *Waarden F.* Dimensions and types of policy networks // European Journal of Political Research. 1992. Vol. 21.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УКРАИНЫ: РЕФОРМЫ В НАЧАЛЕ XXI В. И ИХ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ

.....

А. В. Баранов¹

Статья посвящена выявлению политических эффектов реформ избирательных систем России и Украины в начале XXI в. Проведен сравнительный анализ особенностей избирательных систем двух постсоциалистических государств. Определены интересы акторов электоральной политики, их выражение в общественном мнении.

Ключевые слова: избирательные системы, реформы, политические эффекты, Российская Федерация, Украина.

Baranov A. V. Election systems of the Russian Federation and the Ukraine: reforms of early 21st century and their political impacts

The article is devoted to revealing the political effects of electoral systems»reforms in Russia and Ukraine in the beginning of the XXI century. Compares peculiarities of the electoral systems of the two post-socialist states. Determined by the interests of the actors of electoral politics, their expression in public opinion.

Key words: electoral systems»reforms, the political effects, the Russian Federation, Ukraine.

Актуальность темы состоит в том, что избирательная система — феномен, обеспечивающий конвенциональное участие граждан в политике, подконтрольность и сменяемость государственной власти. Выбор избирательных систем постсоциалистических государств связан с диспозицией влиятельных акторов в политическом пространстве, с интересами правящих элит. Избирательные системы выступают важным индикатором типологии политического режима и уровня консолидации демократии. Институциональная неопределённость, характерная для начальных этапов постсоциалистической трансформации, сменилась закреплением «правил игры», выгодных правящим элитам. Вместе с тем 22-летний опыт трансформаций доказал альтернативность траекторий развития избирательных систем. Модернизация принципов и процедур из-

¹ Баранов Андрей Владимирович — доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: baranovandrew@mail.ru

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ №13-03-00252 «Оптимизация избирательной системы России: от санации к развитию».

бирательной системы выступает важным нормативным условием консолидации демократии. Это делает актуальным сравнительный кросс-национальный анализ реформ избирательных систем.

Выбор избирательных систем Российской Федерации и Украины для парного синхронного сравнения вызван тем, что это наиболее крупные по населению и экономическому потенциалу постсоветские государства, близкие по этнокультурным и религиозным традициям. Вместе с тем современные Россия и Украина демонстрируют контрастные траектории электоральных процессов и политико-институционального, конституционного развития в целом.

Степень разработанности проблемы в аспекте политической науки довольно высока. Теоретические основы классификации избирательных систем заложены Р. Таагеперой и М. Шугартом [24, с. 114-136]. Политические факторы выбора российской избирательной системы определены А. Е. Любаревым [12, с. 120-129] и А. В. Кыневым [9, с. 512-572]. Б. И. Макаренко [13] и И. А. Кинзерская [7, с. 137-150] установили взаимосвязь избирательной системы с параметрами политического режима. Тенденции развития избирательной системы в цикле 2011-2012 гг. осмысливаются В. Я. Гельманом [2]. На материалах Украины институциональные проявления реформ избирательной системы анализировали Ф. М. Рудич и М. И. Михальченко [18, с. 5-86], трансформации партийной системы Украины под влиянием электоральных реформ оценивали В. М. Якушик [28], М. С. Кармазина [17, с. 75-106], Г. И. Зеленко [5]. Сосредоточили внимание на сравнении электоральных трансформаций России и Украины В. И. Полохало [19, с. 7-15], В. О. Ковалевский [8, с. 200-254], В. В. Лапкин и В. И. Пантин [10, с. 96-107]. Анализ нарушений электорального законодательства на выборах Верховной Рады Украины предприняли А. Кочетков, О. Верник, С. Числов и др. [25].

Дискуссионными остаются такие аспекты, как влияние реформ избирательной системы на структуру политических возможностей партий и кандидатов на выборах; восприятие трансформаций избирательной системы в общественном мнении; потенциал и возможные технологии выхода из электорального авторитаризма. Эти аспекты определили выбор темы статьи.

Эмпирическую основу работы составляют: законодательные акты РФ и Украины; статистические итоги выборов Президента РФ и Президента Украины, Государственной Думы РФ и Верховной Рады Украины; опубликованные итоги анкетных опросов о восприятии реформ избирательной системы; экспертно-аналитические отчеты наблюдателей на выборах.

Цель статьи — выявить политические эффекты реформ избирательных систем России и Украины в начале XXI в. Для этого необходимо определить, как политические институты влияют на выбор граждан. Исследование темы перспективно для кросс-национальных исследований электоральных процессов в постсоциалистических странах.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2000 г. по настоящее время, что зависит от критерия трансформации политических режимов обеих стран и датировки реформ избирательного законодательства.

Ведущими нормативными проявлениями реформ стали Федеральный закон РФ «О политических партиях» (2001 г.), изменения и дополнения в законы о выборах Президента Российской Федерации и Государственной Думы РФ. Важный фактор развития избирательной системы — законодательство, на основе которого конструируются новые политические практики. Федеральный закон РФ «О политических партиях» 2001 г. вызвал тенденции монополизации политического рынка. Он унифицировал нормы деятельности партий, лишил региональные и местные политические объединения права участвовать в общероссийских и региональных выборах.

С июля 2003 г. вступила в силу новелла о введении смешанной системы на выборах законодательных органов субъектов РФ. Иницирующая роль в формировании партий перешла к федеральным элитам, что создало качественно иную расстановку сил. Такая система обслуживает интересы федеральной исполнительной власти, обеспечивает контроль над СМИ. Автономные от власти партии снижают свой статус от системной оппозиции к формальной, а радикальная их часть теряет право участия в выборах.

Сходный эффект вызвали изменения в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» от 24 июля 2002 г. Не менее 50% депутатов Законодательного Собрания должны избираться пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов, выдвинутые избирательными объединениями и блоками. Изменения повысили статус общероссийских партий, облегчили создание партийных фракций в законодательных органах субъектов РФ.

Второй раунд реформ избирательной системы проведен в 2005-2007 гг. [9, с. 543-572]. Среди политически значимых новелл: повышение минимальной численности членов партии с 10 до 50 тыс. чел. по РФ (с 2006 г.), в 50% региональных отделений — до 500, а в остальных — до 250 членов; ликвидация права избирательных блоков участвовать в федеральных и региональных выборах (с лета 2005 г.); отмена права депутатов покидать свою партию, а партиям — включать в списки представителей других сил (с лета 2006 г.); новые правила бесплатного доступа к государственным СМИ; снижение порога явки граждан на региональные выборы до 20%; повышение заградительных барьеров на парламентских выборах; унификация сроков региональных выборов; запрет на агитацию «против всех» кандидатов и отмена графы «против всех» в бюллетенях (с 2007 г.).

Выборы Государственной Думы 2007 г. впервые полностью проводились по пропорциональной системе. На них барьер для партий, проходящих в

Государственную Думу по партийным спискам, повышен с 5 до 7%. Кроме того, убран нижний порог явки и исключена возможность голосовать «против всех», отменена мажоритарная система по одномандатным округам, членам одной партии запрещено проходить по спискам другой, а партиям — объединяться в предвыборные блоки. Эффективное число парламентских партий как индикатор степени плюрализма за 1999-2007 гг. снизилось с 6,4 до 1,9 [23, с. 193].

Динамика поддержки партий на протяжении 2011 г. свидетельствует о том, что административные механизмы управления настроениями и установками избирателей действовали на пределе возможностей. Об этом говорит тот факт, что, в отличие от всех предшествующих избирательных кампаний, электоральный период 2011 г. (август-ноябрь) не сопровождался подъемом общественных надежд на улучшение жизни, повышение жизненного уровня, ростом общего оптимизма, которые были характерны для прежних электоральных циклов, когда действовали механизмы мобилизации населения на поддержку власти [11].

Сильнее всего дискредитация выборов ударила именно по «Единой России», которая претендует на монопольное представительство национальных интересов населения и вольно или невольно вынуждена отвечать за состояние дел в стране. Положение ее в любом случае оставалось двусмысленным: и отказ от участия в дебатах, и слабость выступлений одинаковым образом били по ее имиджу и престижу.

В парламентских выборах 2011 г. приняли участие лишь 7 партий. 4 партии, получившие места в Думе, набрали 93,42% голосов. Согласно изменениям в законодательстве партии, набравшие от 5 до 6%, имели возможность получить по 1 мандату в Госдуме, а набравшие от 6 до 7% — по 2 мандата. Но никто из аутсайдеров не смог воспользоваться новшеством (лучший результат партии «Яблоко» — 3,43%) [16]. То есть большинство граждан сохранили предпочтение, отдавая голоса партиям, имеющим реальные шансы преодолеть барьер.

Наблюдатели, социологические центры и некоммерческие организации заявляли о весомых нарушениях порядка проведения выборов и подсчета голосов на парламентских выборах 2011 г. По мнению директора «Аналитического центра Юрия Левады» Л. Гудкова, «уровень фальсификаций был обычным — в пределах 5-8%» по стране, но повышенным — в крупных городах и республиках с подконтрольным электоратом [11]. Не стоит преувеличивать изменения мотиваций голосования на выборах в Государственную Думу 2007 и 2011 г. Значительная часть граждан мало доверяет партиям в целом и пропорциональной избирательной системе.

Спад оппозиционных выступлений с весны 2012 г. создал благоприятные условия для ужесточения электорального авторитаризма. Но готовится «перегрузка» партийной системы. Для нее могут быть использованы «Народный фронт за Россию» и новые умеренно-оппозиционные партии. С этим связана и

осторожная либерализация избирательной системы в 2012 — первой половине 2013 г.: снижение минимальной численности членов партии для регистрации с 50 тыс. до 500 чел., возврат к смешанной системе выборов Государственной Думы РФ, предоставление законодательным собраниям регионов права самим избирать вид наделения губернатора полномочиями — посредством прямых или косвенных выборов.

Институциональные черты украинской политической системы — высокая степень фрагментации элит, коалиционный тип партий, тяга регионов к изоляции препятствуют консолидации режима по моноцентрическому сценарию. Правящий режим использует в основном стратегии балансирования между регионами и корпоративным бизнесом — «вето-игроками», применяя временные коалиции. Украина остается республикой со смешанной, дисперсной многопартийной системой, хотя число эффективных партий снижается [3, с. 114]. Обратим внимание на статью Ю. Мациевского, который доказывает циклический характер трансформаций украинской политики в постсоветский период по осям «низкое — высокое политическое участие»; «высокая — низкая конкуренция»; «демократия — авторитаризм». Зигзагообразная траектория трансформаций ведет к переходному, слабо институционализированному политическому режиму, не способному создать устойчивые партии [14, с. 35-37].

Украина колеблется не только в выборе формы правления, такова ситуация и с избирательной системой. В Украине до недавнего времени, в том числе на парламентских выборах, для подсчета голосов применялась мажоритарная система абсолютного большинства. Ныне эта система сохранена только на выборах Президента Украины. С 2002 по 2006 г. она подверглась изменению: произошел переход от мажоритарно-пропорциональной модели формирования парламента к пропорциональной. 17 ноября 2011 г. Верховная Рада приняла закон о выборах народных депутатов. Закон предлагает установить на парламентских выборах пятипроцентный проходной барьер и смешанную (пропорционально-мажоритарную) систему [15].

Сейчас вопрос об избирательной системе Украины открыт. Эксперты, политические деятели высказывают различные мнения на эту тему. Есть сторонники пропорциональной избирательной системы. Так, советник президента и член Венецианской комиссии М. Ставнийчук пишет: «Некоторое время пропорциональная система, хотя и с закрытыми списками, играла свою положительную роль, для Украины является необходимостью новая система, но лучший вариант — это пропорциональная система с открытыми списками» [21].

За мажоритарную систему выступает народный депутат Украины, член парламентской фракции Партии регионов Н. Шуфрич: «Я всегда был сторонником пропорциональной системы выборов, но последние события наводят на мысль, что отдельные партии еще не достигли того уровня культуры, который позволил бы им отвечать за собственные действия в высшем законодательном

органе, поэтому будет целесообразно вернуться к 100-процентной мажоритарной системе» [22].

До конца 2013 г. Администрация Президента Украины В.Ф. Януковича планирует провести референдум относительно нового закона о выборах в Верховную Раду по мажоритарной системе [27]. Возвращение Украины к избирательной системе с мажоритарной составляющей провоцирует субъектов электорального процесса к применению нечестных методов ведения кампании в одномандатных округах.

По подсчетам журнала «Украинский тыждень» (Киев), в 2011 г. только 49,8% отечественной продукции реализовано на рынках без ограничения конкуренции [4, с. 16-19]. С 2010 г. процессы монополизации, сращивания государственной власти и корпоративного бизнеса активизировались. Накануне выборов в Верховную Раду Украины (октябрь 2012 г.) крупный бизнес контролировал основную часть кандидатов в регионах, характерным явлением стали политики, легко меняющие ориентацию, именуемые на жаргоне «тушками».

Органам государственной власти Украины не удастся обеспечить беспристрастное отношение ко всем субъектам электорального процесса. Используя неурегулированность избирательного законодательства, которое четко не разграничивает агитационную деятельность и выполнение служебных полномочий, должностные лица систематически используют доступные государственные ресурсы и полномочия в агитационных целях. Наиболее распространенным проявлением таких злоупотреблений стал бюджетный административный ресурс [1, с. 203].

Косвенный подкуп избирателей, который осуществляется кандидатами в формате благотворительной деятельности, оказался основной технологией их влияния на волеизъявление граждан. Благотворительные фонды кандидатов выступают дополнительным инструментом финансирования предвыборной агитации, что прямо противоречит нормам закона об исключительном финансирования агитационной деятельности субъектов электорального процесса из средств официальных избирательных фондов. Проблема непрозрачности финансирования предвыборной деятельности еще более обострилась в условиях современных электоральных процессов на президентских выборах. Массовым и системным явлением стал косвенный подкуп, который осуществлялся кандидатами через товары, услуги, работы, материальные блага, которые незаконно предоставляются избирателям с агитационной целью.

В процессе подсчета голосов и передачи протоколов в окружные избирательные комиссии наблюдатели по-прежнему фиксируют нарушения процедуры, вынос печатей с участков, что запрещено законом, затягивание подписания протоколов подсчета на уровне УИК, частое возвращение протоколов окружными избирательными комиссиями участковым для уточнения данных [26].

Выборы в Украине можно назвать не соответствующими базовым демократическим стандартам из-за отсутствия равных условий проведения кампании кандидатами, большого количества «технических» субъектов электорального процесса, несбалансированности состава избирательных комиссий и несбалансированности подачи СМИ информации о кандидатах.

Очередные выборы народных депутатов Украины осенью 2012 г. состоялись по возобновленной смешанной избирательной системе. Ее изменение в значительной мере отвечало ожиданиям граждан, которые желали иметь более тесную связь с депутатами и показывали низкий уровень доверия к политическим партиям как выразителям своих интересов.

Возобновление одномандатных избирательных округов позволило обеспечить [20]:

- расширение для граждан возможности влиять на персональный состав парламента, более тесную связь депутатов с избирателями и высшую степень политической ответственности народных избранников;
- более эффективное представительство интересов территорий;
- возобновление права граждан Украины на баллотирование в народные депутаты Украины путем самовыдвижения;
- стимулирование политических партий к более качественному отбору своих партийных кадров, а также к развитию организационной структуры на местах.

Общественная сеть «ОПОРА» в итоговом отчете о наблюдении за парламентскими выборами 2012 г. отметила преобладание среди нарушений избирательного законодательства таких форм, как административный ресурс, подкуп граждан, нечестная агитация. Вместе с тем пересчет аналитиками «ОПОРА» результатов голосования по партийным спискам показал максимальную погрешность 1,52%, что кардинально не меняет распределение мест в Верховной Раде [6]. Баланс сил в парламенте, скорее, определяется предпринятой реформой процедур голосования (возвратом мажоритарной части списков) и неудовлетворенным запросом избирателей на новые идеологии и политические силы.

В заключении сделаем основные выводы. Реформы избирательной системы России за 2000-2013 гг. дали преимущества «партии власти». В этом направлении действуют: повышение заградительного барьера, переход от мажоритарной к пропорциональной системе на выборах Государственной Думы РФ и к смешанной системе на выборах региональных собраний, отмена графы «против всех» и нижнего порога явки на выборы, косвенный порядок выборов глав регионов. Принятыми законами введены ограничения на проведение общероссийского референдума, ужесточены требования к созданию политических партий; в декабре 2004 г. отменены прямые выборы глав субъектов

Федерации, в 2005 г. — избирательные блоки; затруднено независимое общественное наблюдение на выборах, повышен заградительный барьер на выборах в Государственную Думу. Используется административный ресурс, с помощью которого осуществляется информационное доминирование кандидатов и партий, поддерживаемых исполнительной властью.

Маловостребованным остается демократический принцип сменяемости власти, что способствует росту отчуждения граждан от формирования органов власти, от процедур их подконтрольности и отчетности, сменяемости состава. Форма политической коммуникации власти и общества имеет в РФ усиливающийся монологический характер.

Выявлены политические последствия электоральной реформы: доминирование картельных партий, преобладание государственно-корпоративного типа партогенеза. Преодолена автономия и плюральность избирательных и партийных систем регионов, сложилась вертикально интегрированная система с доминированием партии «Единая Россия». С этими тенденциями связан кризис оппозиционных партий.

Перспективы развития избирательной системы России зависят от влияния макрополитических факторов: социально-экономической динамики, степени консолидации правящих элит, издержек критики на международной арене. Преобладающим типом партий будет оставаться картельный. Но успех «Единой России» зависит от экономической конъюнктуры и внутриэлитных договоренностей. Протестное голосование в пользу умеренной оппозиции («Справедливой России», ЛДПР, «Правого дела» и пр.) будет проявляться в силу объективного состояния общества. Возможности электоральной инженерии в рамках демократии близки к пределу.

Итоги выборов 2008-2012 гг. подтверждают, что российский электорат и в условиях унификации избирательной системы склонен к плюральному голосованию в ряде местностей, где диверсифицирована экономическая структура, легитимирован полицентризм элит, укоренились элементы гражданской политической культуры.

Действующая избирательная система Украины сохранила недостатки предыдущей системы и приводит к возникновению новых. Критику вызывает система голосования по закрытым общенациональным избирательным спискам — в условиях слабости процедур внутрипартийной демократии возникает угроза их непрозрачного формирования руководителями политических партий.

Запрещение участия избирательных блоков и повышение проходного барьера способствовали консолидации избирателей в соответствии с политическими симпатиями и обеспечили прохождение в Верховную Раду Украины более крупных политических партий, чем в 1990-2000-х гг.

Высокая цена избирательных кампаний в РФ и Украине ставит партии и кандидатов в зависимость от крупного бизнеса, негативно сказываясь на внутрипартийной демократии, отборе кандидатов в депутаты, способствует росту политической коррупции и лоббизма. Неудивительно, что в общественном сознании партии продолжают восприниматься как представители интересов олигархических групп. Это обусловлено несопоставимостью ресурсов, применением административных методов влияния на ход и результаты выборов, ограниченной ролью выборных процедур в процессе реального формирования власти.

Современная избирательная система Украины характеризуется: низкой регламентацией процедур голосования и мягкими санкциями за их нарушение; смешанной и пропорциональной системами с относительно низкими проходными барьерами; более значимым влиянием гражданских институтов в сравнении с государственными; доминирующей ролью элитных акторов; ограниченно-плюральным типом избирательных кампаний, ограниченно конкурентным и малопредсказуемым ходом выборов.

Если в Российской Федерации сформировался устойчивый сверхпрезидентский режим при доминировании «партии власти», то Украина остается республикой со смешанной, неустойчивой многопартийной системой. Российская Федерация приняла сверхпрезидентскую форму правления после недолгого этапа неустойчивости, а Украина колеблется между парламентской и смешанной республикой. При смене политических лидеров в Украине меняется и модель разделения властей: от президентской к парламентской модели в 2004-2005 гг. и обратно — с февраля 2010 г.

Если вектор развития элит и партийной системы России с 1999 г. устойчиво связан с концентрацией влияния, уменьшением эффективного числа партий, повышением партийной дисциплины, то украинские субъекты политики движутся в противоположном направлении. Президент В. Ф. Янукович с 2010 г. пытается выстроить вертикаль власти, но сталкивается с сильными ограничениями: общественным мнением, расколом элит и политико-культурного пространства страны, неприемлемостью лобового авторитаризма для евроатлантической ориентации Украины.

Итак, различия российской и украинской избирательных систем определяются параметрами политического режима: степенью его демократизма и полицентризма центров влияния на государственную власть. Обе страны испытывают затяжные эффекты элитаризма, олигархизации политики. Но российская система тяготеет к монополии, а украинская — к олигополии принятия решений.

Позитивные ориентиры развития избирательных систем России и Украины включают в себя обеспечение реальной конкурентности предвыборных кампаний, политическое просвещение граждан в духе демократии, свободное ин-

формирование избирателей о партиях и кандидатах, создание гарантий транспарентности действий органов государственной власти, партий и избирательных комиссий.

Библиографический список

1. *Борищева А. С.* Электоральный клиентелизм в постсоветской Украине // Теория и практика общественного развития. 2011. №5.
2. *Гельман В. Я.* Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013.
3. *Гилёв А. В.* Политические трансформации на постсоветском пространстве: имеют ли значение «цветные революции»? // Полития. 2010. №2 (57).
4. *Заславська М.* Рай для олігархів: В Україні панують ідеальні можливості для розвитку та процвітання монополій // Український тиждень. 2012. №32 (249). 10-16 серпня.
5. *Зеленько Г. І.* Політична «матриця» громадянського суспільства (досвід країн Вишеградської групи та України). Київ: Знання України, 2007.
6. Итоговый отчет по результатам общенационального наблюдения за парламентскими выборами 2012. URL: <http://vibori.co.ua/articles/1/1129/itogovy-otchet-po-rezultatam-obshchenatsionalnogo-nablyudeniya-za-parlamentskimi-vyborami-2012/7/>
7. *Кинзерская И. Л.* Избирательная система как инструмент формирования общественного выбора: теоретические подходы и российская практика // Политэкс. 2008. №2.
8. *Ковалевський В. О.* Особливості соціально-політичних трансформацій в Україні та Росії // Проблеми української політики: аналітичні доповіді Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І. Ф. Кураса НАН України. Київ: Ін-т політ. і етнонац. дослідж. ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2010.
9. *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволюция. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
10. *Лапкин В. В., Пантин В. И.* Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе // Полис. 2009. №2.
11. Лев Гудков о разочарованных в «Единой России». URL: <http://www.levada.ru/09-12-2011/lev-gudkov-o-razocharovannykh-v-edinoi-rossii>
12. *Любарев А. Е.* Избирательные системы и российское электоральное законодательство // Полис. 2003. №4.
13. *Макаренко Б. И.* Российская избирательная система в контексте эволюции политического режима. URL: http://apn-nn.ru/diskurs_s/799.html
14. *Мацневский Ю.* Политический режим Украины после «оранжевой революции» // Политэкс. 2008. Т. 4, №4.
15. Обозреватель: Рада приняла закон «О выборах народных депутатов»: бютовцы тоже голосовали. URL: <http://obozrevatel.com/politics/rada-prinyala-zakon-o-vyiborah-narodny-ih-deputatov-byutovtsy-tozhe-golosovali.htm>
16. Официальный сайт Центризбиркома РФ. URL: <http://www.cikrf.ru>

17. Парти́йна система сучасної України: еволюція, тенденції та перспективи розвитку. Київ: Ін-т політ. і етнонац. дослідж. ім. І. Ф. Кураса НАН України, 2012.
18. Політична система та інститути громадянського суспільства в сучасній Україні. Київ: Либідь, 2008.
19. Полохало В. И. Политология посткоммунизма на Украине и в России (К методологии политического анализа) // Полис. 1998. №3.
20. Президент предлагает интенсифицировать работу над созданием Избирательного кодекса. URL: <http://rus.newsru.ua/ukraine/06jun2013/kodeksa.html>
21. РБК. Украина: Ставнийчук: Лучший вариант для Украины — это пропорциональная избирательная система с открытыми списками. URL: <http://www.rbc.ua/rus/news/politics/stavniychuk-luchshiy-variant-dlya-ukrainy-eto-proportsionalnaya-23082011211600>
22. Сегодня.ua: Нестор Шуфрич: В этих условиях целесообразно вернуться к 100-процентной мажоритарной системе. URL: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/Nestor-SHufrich-V-etih-usloviyah-celesoobrazno-vernutsya-k-100-procentnoy-mazhoritarnoy-sisteme.html>
23. Сморгунов А. В. «Новые партии», управляемость и потребности инновационной политики в России // Политическая наука. 2010. №4.
24. Таагенера Р., Шугарт М. Описание избирательных систем // Полис. 1997. №3.
25. Украина 2012: как выбирали народных депутатов. Украинские выборы глазами международных наблюдателей. М.: Книжный мир, 2012.
26. Украина: Нарушения на выборах-2012. URL: <http://www.rbc.ua/rus/news/politics/narusheniya-na-vyborah-2012-glav-naya-prichina-malogo-kolichestva-29102012030000>
27. Украинская реформа избирательной системы — совсем не то, чего ожидал Брюссель. URL: <http://ubr.ua/ukraine-and-world/power/krainskaia-reforma-izbiratelnoi-sistemy-sovsem-ne-to-che-go-ojidal-russel-226587>
28. Якушик В. М. Есть ли кризис партийной системы в Украине? URL: <http://www.elections-ices.org/russian/publications/tex tid:5433/>

Bibliography

1. Borshheva A. S. Jeletoral'nyj klientelizm v postsovetsoj Ukraine // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2011. №5.
2. Gel'man V. Ja. Iz ognja da v polymja: rossijskaja politika posle SSSR. SPb.: BHV-Peterburg, 2013.
3. Giljov A. V. Politicheskie transformacii na postsovetском prostranstve: imejut li znachenie "cvetnye revoljucii"? // Politija. 2010. №2 (57).
4. Zaslav'ska M. Raj dlja olyharhiv: V Ukraini panujut» ideal'ni mozhlyvosti dlja rozvytku ta procvitannja monopolij // Ukrains'kyj tyzhden'. 2012. №32 (249). 10-16 serpnja.
5. Zelen'ko G. I. Politychna "matrycja" gromadjans'kogo suspil'stva (dosvid krai'n Vyshegrads'koi' grupy ta Ukrai'ny). Kyi'v: Znannja Ukrai'ny, 2007.

6. Itogovyj otchet po rezul'tatam obshhenacional'nogo nabljudeniya za parlamentskimi vyborami 2012. URL: <http://vibori.co.ua/articles/1/1129/itogovy-otchet-po-rezultatam-obshch-enatsionalnogo-nablyudeniya-za-parlamentskimi-vyborami-2012/7/>
7. *Kinzerskaja I. L.* Izbiratel'naja sistema kak instrument formirovaniya obshhestvennogo vybora: teoreticheskie podhody i rossijskaja praktika // Politjeks. 2008. №2.
8. *Kovalevs'kyj V. O.* Osoblyvosti social'no-politychnyh transformacij v Ukrai'ni ta Rosii' // Problemy ukrai'ns'koi' polityky: analitychni dopovidi Instytutu politychnyh i etnonacional'nyh doslidzhen' im. I. F. Kurasa NAN Ukrai'ny. Kyi'v: In-t polit. i etnonac. doslidzh. im. I. F. Kurasa NAN Ukrai'ny, 2010.
9. *Kynev A. V., Ljubarev A. E.* Partii i vybory v sovremennoj Rossii: Jevoljucija i devoljucija. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
10. *Lapkin V. V., Pantin V. I.* Rossija i Ukraina: faktory social'no-politicheskoy poljarizacii v sravnitel'noj perspektive // Polis. 2009. №2.
11. Lev Gudkov o razocharovannyh v "Edinoj Rossii". URL: <http://www.levada.ru/09-12-2011/lev-gudkov-o-razocharovannykh-v-edinoi-rossii>
12. *Ljubarev A. E.* Izbiratel'nye sistemy i rossijskoe jelektoral'noe zakonodatel'stvo // Polis. 2003. №4.
13. *Makarenko B. I.* Rossijskaja izbiratel'naja sistema v kontekste jevoljucii politicheskogo rezhima. URL: http://apn-nn.ru/diskurs_s/799.html
14. *Macieskij Ju.* Politicheskij rezhim Ukrainy posle "oranzhevoj revoljucii" // Politjeks. 2008. T. 4, №4.
15. Obozrevatel': Rada prinjala zakon "O vyborah narodnyh deputatov": bjutovcy tozhe golosovali. URL: <http://obozrevatel.com/politics/rada-prinyala-zakon-o-vyiborah-narodny-ih-deputatov-byutovtsyi-tozhe-golosovali.htm>
16. Oficial'nyj sajt Centrzbirkoma RF. URL: <http://www.cikrf.ru>
17. Partyjna systema suchasnoi' Ukrai'ny: evoljucija, tendencii' ta perspektyvy rozvytku. Kyi'v: In-t polit. i etnonac. doslidzh. im. I. F. Kurasa NAN Ukrai'ny, 2012.
18. Politychna systema ta instytuty hromadjans'koho suspil'stva v suchasnij Ukrai'ni. Kyi'v: Lybid', 2008.
19. *Polohalo V. I.* Politologija postkommunizma na Ukraine i v Rossii (K metodologii politicheskogo analiza) // Polis. 1998. №3.
20. Prezident predlagaet intensivirovat' rabotu nad sozdaniem Izbiratel'nogo kodeksa. URL: <http://rus.newsru.ua/ukraine/06jun2013/kodeksa.html>
21. RBC. Ukraina: Stavniychuk: Luchshij variant dlja Ukrainy — jeto proporcional'naja izbiratel'naja sistema s otkrytymi spiskami. URL: <http://www.rbc.ua/rus/news/politics/stavniychuk-luchshiy-variant-dlya-ukrainy-eto-proporcionalnaya-23082011211600>
22. Segodnja.ua: Nestor Shufrich: V jetih uslovijah celesoobrazno vernut'sja k 100-procentnoj mazhoritarnoj sisteme. URL: <http://www.segodnya.ua/politics/pnews/Nestor-SHufrich-V-etih-uslovijah-celesoobrazno-vernutsya-k-100-procentnoy-mazhoritarnoy-sisteme.html>
23. *Smorgunov L. V.* "Novye partii", upravljaemost' i potrebnosti innovacionnoj politiki v Rossii // Politicheskaja nauka. 2010. №4.
24. *Taagepera R., Shughart M.* Opisanie izbiratel'nyh sistem // Polis. 1997. №3.

25. Ukraina 2012: kak vybiralі narodnyh deputatov. Ukrainskie vybory glazami mezhdunarodnyh nabljudatelej. M.: Knizhnyj mir, 2012.
26. Ukraina: Narusheniya na vyborah-2012. URL: <http://www.rbc.ua/rus/news/politics/narusheniya-na-vyborah-2012-glavnaya-prichina-malogo-kolichestva-29102012030000>
27. Ukrainskaja reforma izbiratel'noj sistemy — sovsem ne to, chego ozhidal Brjussel'. URL: <http://ubr.ua/ukraine-and-world/power/kraiskaia-reforma-izbiratelnoi-sistemy-sovsem-ne-to-che-go-ojidal-russel-226587>
28. *Jakushik V.M.* Jest' li krizis partijnoj sistemy v Ukraine? URL: <http://www.elections-ices.org/russian/publications/tex tid:5433/>

ОПЫТ БИЗНЕСА В ПОЛИТИКЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

С. В. Расторгуев¹

В данной статье автор исследует влияние опыта ведения бизнеса, а также влияние владения активами губернаторами и руководителями правительств российских регионов на успешность экономической политики.

Ключевые слова: губернатор, областное правительство, бизнес, социальная мобильность, руководящие должности в компаниях, активы.

Rastorguyev S. V. A Business experience in politics: myth or reality?

In this article the author examines the impact of business experience, as well as the effect of asset ownership governors and heads of government of the Russian regions on the success of economic policy.

Key words: the governor, the provincial government, business, social mobility, management positions in companies, assets.

Губернатор и его администрация, будучи главными политическими акторами регионального политического пространства субъектов Российской Федерации, оказывают непосредственное и опосредованное воздействие на органы местного самоуправления, областные парламенты, судебную систему, через них транслируются политические установки федерального центра, привлекаются крупные федеральные и иностранные инвесторы. Областная администрация выступает собственником предприятий, посредством инвестиционной, налоговой, бюджетной политики оказывает существенное воздействие на экономические процессы региона. Региональное бизнес-сообщество при выстраивании формальных и неформальных отношений с губернатором, администрацией области должно учитывать особенности личных и профессиональных характеристик руководителей исполнительной власти. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать наличие у губернаторов и руководителей областных правительств опыта ведения хозяйственной деятельности, а также собственности в компаниях в виде акций или доли в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью.

¹ Расторгуев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель центра маркетинга и PR Института делового администрирования и бизнеса Финансового университета при Правительстве РФ. Эл. почта: fomalgaut71@mail.ru

Изучив биографии губернаторов, членов областных правительств, установив на основе информации системы «СПАРК-Интерфакс» наличие руководящего опыта в компаниях, а также активов, можно проанализировать состав губернаторского корпуса, областного правительства по критерию «опыт работы в бизнес-структурах» и «владение активами». Гипотетически можно предположить следующее: чем больший опыт в хозяйственной деятельности имеют представители исполнительной власти, тем им проще находить взаимопонимание с бизнесом. И, наоборот, чем меньше опыта и активов в собственности руководителей областной администрации, тем труднее им разговаривать с бизнесом на одном языке. Вслед за Н. Луманом можно сказать, что экономическая и политическая системы используют в коммуникации свои собственные коды [2, с. 231-232]. Кодом государственных органов выступает власть как право, возможность и способность осуществлять свою волю. Кодом бизнеса является прибыль.

Цель данного исследования заключается в ранжировании областных правительств ЦФО по опыту участия в руководстве бизнесом, истории вовлеченности чиновников в руководство крупнейшими предприятиями региона. Полученные данные наряду с данными по представительству бизнеса в законодательных органах власти всех уровней показывают интенсивность участия бизнесменов во власти и профессиональных политиков в бизнесе.

Источниковой базой исследования служит информация, размещенная на сайтах губернаторов и областных правительств следующих областей Центрального федерального округа: Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской. Москва как отдельный субъект Федерации в данной статье не рассматривается в силу наличия значительных отличий от остальных регионов. Вторым источником информации выступает информационная система «СПАРК-Интерфакс», содержащая данные о занятии руководящей должности в компании, наличии активов (акций и долей).

Информационная система «СПАРК-Интерфакс» содержит статистические данные о компаниях Российской Федерации, включающие финансовую статистику, отчеты о прибылях и убытках, сведения о собственниках и руководителях, данные об участии компаний в закупках для государственных нужд, об инвестиционной активности, налогах и др. Аналитики системы рассчитывают некоторые финансовые коэффициенты, позволяющие сравнить эффективность работы компании со среднероссийскими и средними по области показателями. Информационная система также позволяет проследить историю владения активами (пакетами акций, долями в фирме), занятия руководящих постов в фирмах (генеральный директор, член совета директоров) гражданами РФ.

В качестве объектов анализа взяты губернаторы и члены областных правительств указанных областей ЦФО периода 2009-2011 гг. Поскольку в Тверской и Тульской областях в 2011 г. произошла смена губернаторов и членов правительства, то для целей анализа были выбраны команды губернаторов Д. В. Зеленина и В. С. Груздева.

Члены правительства и губернаторы классифицировались на категории в зависимости от наличия или отсутствия опыта руководящей работы на предприятиях как в советское, так и в постсоветское время. Эмпирическим путем были выделены следующие классификационные категории: руководители колхозов и совхозов; руководители государственных промышленных предприятий, банков, компаний; руководители частных промышленных, аграрных, финансовых компаний и банков. Учитывался опыт работы в топ-менеджменте на должности не ниже заместителя директора. Наряду с данными категориями также выделены партийно-советские работники, чиновники постсоветского времени; военнослужащие; силовики. Поскольку предметом исследования стали взаимоотношения власти и бизнеса, то вне рамок анализа оказался социально-культурный блок правительства, где представлены чиновники от образования, здравоохранения, социальной сферы.

По данным системы «СПАРК-Интерфакс» установлены факты занятия руководящих должностей в компаниях в период 1999-2011 гг. и владение активами в тот же период. Следует отметить, что большинство членов правительства в момент нахождения на государственной службе уже не занимали руководящих должностей.

В табл. 1 дана классификация губернаторов и членов областных правительств по категориям, в основе выделения которых лежит принцип выявления основного канала вертикальной социальной мобильности — определение институтов, из которых вышли руководители области. Отдельно представлены губернаторы с указанием канала вертикальной мобильности и наличия/отсутствия опыта в руководстве предприятиями. В столбце «члены правительства» указана категория, которая характерна для самой многочисленной категории членов правительства, в столбце «опыт руководства предприятиями» указано количество членов правительства, занимавших позиции топ-менеджмента в компаниях советского и постсоветского времени.

Большинство губернаторов (13 из 17) имели опыт руководства предприятиями, из них двое — крупные собственники. Наиболее популярным социальным лифтом является коммунистическая партия (8 губернаторов), которая также предоставляла опыт руководства предприятиями (прежде всего колхозами и совхозами). В качестве «чистых» представителей бизнеса идентифицированы губернаторы Тверской и Тульской областей. Среди членов правительства наибольшее представительство имеют бывшие номенклатурные работники КПСС и чиновники новейшего времени — профессиональные управленцы

Таблица 1

Классификация губернаторов и членов областных правительств семнадцати областей ЦФО периода 2009-2011 гг. по категориям каналов социальной мобильности и опыту руководства предприятиями¹

Область	Губернатор	Член правительства	Опыт руководства предприятиями
Белгородская	КПСС (генеральный директор)	КПСС	4
Брянская	Агропромышленный комплекс (директор совхоза, генеральный директор ОАО)	КПСС	7
Владимирская	КПСС (заместитель директора АО)	КПСС	3
Воронежская	Агропромышленный комплекс (генеральный директор ОАО)	Чиновники	6
Ивановская	Администрация Московской области, Москвы	Чиновники	5
Калужская	КПСС (директор совхоза)	КПСС/ Чиновники	7
Костромская	МВД, федеральные министерства (заместитель председателя правления банка)	Силовики	2
Курская	КПСС	Чиновники	–
Липецкая	КПСС (председатель колхоза)	КПСС	5
Московская	Вооруженные силы	Вооруженные силы	5
Орловская	Федеральное министерство, аппарат Правительства РФ (вице-президент ОАО)	Чиновники	5
Рязанская	Государственное предприятие, муниципалитет Московской области (директор строительного треста)	КПСС	10
Смоленская	КПСС	Нет доминирующей категории	5
Тамбовская	КПСС (генеральный директор ОАО)	КПСС	3
Тверская	Бизнес (собственник, топ-менеджер)	Бизнесмены	7
Тульская	Служба внешней разведки, бизнес (собственник)	Чиновники-бизнесмены	6
Ярославская	КПСС (генеральный директор ОАО)	КПСС	7

¹ Рассчитано по данным сайтов областных правительств, информационной системы «СПАРК-Интерфакс».

Таблица 2

Крупнейшие региональные предприятия в ЦФО, в составе руководства которых присутствовали члены областных правительств¹

Область	Предприятия из списка пятидесяти	Количество предприятий/ количество членов правительства на данных предприятиях
Белгородская	ОАО «Эфирное Эфко» ООО «Эфко пищевые ингредиенты»	2/1
Брянская	ОАО «Снежжа» ТВ «Красный Октябрь» ОАО «Брянский арсенал» ОАО «БрянскСпиртПром»	4/4
Владимирская	–	–
Воронежская	ОАО «ВАСО» ОАО «Воронежкаучук»	2/2
Ивановская	ОАО «Ивановооблгаз» ОАО «Яковлевский льнокомбинат»	2/2
Калужская	ОАО «Стройполимеркерамика» ОАО «Калугаоблгаз»	2/2
Костромская	ООО «Кронолеспром»	1/1
Курская	–	–
Липецкая	–	–
Московская	–	–
Орловская	–	–
Рязанская	–	–
Смоленская	ОАО «Смоленский авиационный завод» ОАО «НК Роснефть-Смоленскнефтепродукт»	2/2
Тамбовская	ОАО «Тамбовская энергосбытовая компания»	1/2
Тверская	ОАО «ТВЗ»	1/1
Тульская	–	–
Ярославская	ОАО НПО «Сатурн» ОАО «Русские краски» ОАО «Ростовский оптико-механический завод»	3/2

¹ Рассчитано по данным системы «СПАРК-Интерфакс».

советского и постсоветского времени. Классификация наглядно демонстрирует корреляцию между категорией губернатора и основной категорией членов правительства. Особенно ярко это проявляется в Костромской, Московской, Тверской, Тульской областях, в которых губернаторы представляют категории бизнеса и силовых ведомств.

Сравнение абсолютных показателей членов правительства с опытом руководства фирмами показывает, что ниже медианы (значение медианы — 5) на два и более пунктов стоят Курская, Костромская, Владимирская, Тамбовская области, а выше медианы на два и более пункта — Рязанская, Брянская, Калужская, Тверская, Ярославская области. Соответственно в первой группе регионов меньшее количество членов губернаторской команды имело бизнес-опыт, а во второй группе большее количество членов губернаторской команды имело опыт руководства предприятиями.

Представляется интересным наличие у членов областного правительства опыта руководства крупнейшими региональными компаниями. Можно предположить, что подобный опыт полезен не только самим членам правительства, но и компаниям, которые получают в лице чиновников исполнительной власти лояльных политиков. Для целей исследования по данным системы «СПАРК-Интерфакс» была осуществлена выборка пятидесяти крупнейших компаний в каждом из семнадцати регионов по трем критериям: активы компании, капитал компании, выручка компании за 2010 г.

В табл. 2 представлены предприятия, попавшие по указанным критериям в список пятидесяти крупнейших региональных компаний, которые в разное время возглавлялись членами областных правительств и губернаторами в 2009-2011 гг. Учитывались также предприятия — совладельцы предприятий из списка пятидесяти, что позволяет проследить цепочку совладельцев вплоть до последнего звена.

Можно сделать вывод, что наибольшее количество потенциально лояльных к крупным компаниям чиновников находится в правительстве Брянской области, в котором помимо четырех руководителей также работают два сотрудника среднего звена компании ОАО «Снежка», а в семи областях никаких прямых связей не обнаруживается.

По данным системы «СПАРК-Интерфакс» установлено наличие опыта руководства фирмами и владение активами членами областных правительств. Учитывались компании до 2012 г., в случае невозможности точной идентификации руководителя/собственника компании они не входили в расчет (табл. 3).

Как видно из приведенных расчетов, лидерами по владению активами (выше средней арифметической) являются Московская, Брянская, Смоленская, Тульская, Тверская области. Нет активов у членов правительства во Владимирской, Курской, Рязанской, Ярославской областях. Лидерами

Таблица 3

Количество компаний, в которых члены областных правительств занимали руководящие должности и владели активами¹

Область	Количество членов правительства, владевших активами/количество фирм с долей членов правительства	Количество членов правительства, руководивших компаниями/количество фирм, руководимых членами правительства
Белгородская	1/1	2/3
Брянская	3/3	6/14
Владимирская	–	1/1
Воронежская	2/2	5/9
Ивановская	1/1	2/4
Калужская	2/2	4/6
Костромская	1/1	1/1
Курская	–	–
Липецкая	1/1	1/3
Московская	6/11	4/11
Орловская	1/1	3/6
Рязанская	–	7/17
Смоленская	3/4	4/7
Тамбовская	2/2	4/5
Тверская	2/4	4/11
Тульская	1/6	1/3
Ярославская	–	6/15
Среднее значение	1,5/2,3	3,2/6,8

по количеству фирм, возглавляемых членами правительства, оказались Брянская, Воронежская, Московская, Рязанская, Тверская, Ярославская области. Наименьшее количество фирм с руководителями из областных чиновников 2009-2011 гг. в Курской, Владимирской, Костромской, Липецкой, Тульской областях.

Чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о взаимосвязи наличия бизнес-опыта/активов у руководителей областной администрации с коммуникацией в отношении бизнеса, необходимо определить критерий, отражающий реакцию бизнеса на код власти. В качестве данного критерия автор выбрал среднеарифметический за три года (2009-2011 гг.) показатель инвестиций в основной капитал на душу населения по данным Росстата с учетом доли государ-

¹ Рассчитано по данным системы «СПАРК-Интерфакс».

Таблица 4

Ранжирование областей ЦФО по инвестиционной активности и доле государственных инвестиций¹

Область	Место области по инвестициям на душу населения за 2009 – 2011 гг.	Место области по доле государственных и муниципальных инвестиций
Белгородская	4	13
Брянская	15	2
Владимирская	13	11
Воронежская	7	1
Ивановская	16	14
Калужская	3	15
Костромская	17	3
Курская	11	8
Липецкая	1	17
Московская	6	12
Орловская	14	16
Рязанская	12	7
Смоленская	9	10
Тамбовская	8	4
Тверская	5	6
Тульская	10	5
Ярославская	2	9

ственных инвестиций. Инвестиции частных инвесторов отражают доверие бизнеса политическому режиму на федеральном и региональном уровнях.

В табл. 4 представлены расчеты автора по ранжированию регионов по среднестатистическим инвестициям на душу населения за 2009-2011 гг., доле государственных и муниципальных инвестиций для семнадцати областей ЦФО, которые показывают значение государства как инвестора.

Можно предположить, что наиболее благоприятны для частных инвесторов регионы с наивысшими местами по инвестициям на душу населения и с низшими местами по доле государства в инвестициях в основные фонды. По данным показателям наилучшие позиции занимают Липецкая, Белгородская, Калужская области, наихудшие — Брянская и Костромская области. Сравнивая полученные результаты с данными по наличию опыта ведения бизнеса и владению активами губернаторами и членами правительств, можно констатировать отсутствие прямой зависимости между первой и второй переменными

¹ Рассчитано по [1].

для большинства указанных регионов. Это позволяет сделать вывод о том, что найти общий язык/код коммуникации с бизнесом могут администрации с различными биографиями и опытом ведения хозяйственной деятельности.

Библиографический список

1. Регионы России. Социально-экономические показатели 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm
2. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

Bibliography

1. Regiony Rossii. Social'no-ekonomicheskie pokazateli 2012. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/Main.htm
2. *Ritzer G.* Sovremennye sociologicheskie teorii. SPb.: Piter, 2002.

ГРАЖДАНСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

.....

Л. В. Баева¹

В статье исследуется уровень развития гражданского самосознания молодежи в современной России. На основе данных социологического исследования показано, что степень доверия молодежи к органам государственной власти является критически низкой. Это порождает такие опасные тенденции как антипатриотизм, асоциальность, способствует формированию протестных движений и объединений.

Ключевые слова: гражданское самосознание, доверие государству, молодежь, патриотизм, национализм, культурная безопасность.

Baeva L. V. Youth civil self-consciousness in the modern russia and cultural security problem

The article investigates the level of development of civil consciousness of youth in modern Russia. According to data of sociological research the author shows that the degree of youth's confidence government authority is critically low and makes a significant problem in modern Russia. Mistrust to the state generates such dangerous tendencies as antipatriotism, asociality, as well as shapes protest movements and associations.

Key words: civil consciousness, confidence to the state, youth, patriotism, nationalism, a cultural security.

Гражданское самосознание — важнейшая часть культуры человека, связывающая его с государством, в котором он родился и живет, а главное с народом, для которого он готов пожертвовать своим частным интересом. Гражданское самосознание не означает служение государственной системе, власти, пренебрежение к себе ради безликого социума, оно предполагает ощущение и осмысление собственной идентичности с другими гражданами и готовность к выполнению дела ради общего блага. В современной России, уже 20 лет жи-

¹ Баева Людмила Владимировна — доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций, заведующая кафедрой философии Астраханского государственного университета. Эл. почта: baevaludmila@mail.ru

Работа выполнена при поддержке программы Формирование государственных заданий высшим учебным заведениям на 2012 год и плановый период 2013 и 2014 гг. в части проведения научно-исследовательских работ. 6.2147.2011 «Проблемы сохранения культурной безопасности Прикаспия».

вущей без коммунистической цели и установок на безответную самоотдачу интересам страны, выросло и сформировалось новое поколение молодежи, в центре внимания которого находится собственный мир, микросоциум. Это оказалось результатом кризиса макросоциума, размывания духовного, идейного ядра государства и способствовало потере важнейшей связи с собственными корнями, родиной, домом, как в гражданском, так и в экзистенциальном смысле. Ослабление этой связи усилило стремление к постоянной перемене мест работы, жизнедеятельности, проживания, повлияло на распад семейных отношений (и отношений между поколениями), что дало человеку небывалую до этого свободу и безграничное одиночество. Человек эпохи свободы оказался не скован идейными цепями, гражданским долгом, семейными узами, ответственностью перед обществом (за исключением своего работодателя). Профессиональная деятельность, потребление накопленных высокотехнологичным обществом благ и межличностная коммуникация (зачастую виртуальная и также ни к чему не обязывающая) заполнили индивидуальное бытие человека. Осталось ли место в этом мире личности для интересов общества, гражданских чувств, долга или современный молодой человек оказался полностью лишенным своей истории, корней, традиций, трансформировавшимся в простого потребителя, готового жить там, где больше зарплата, невзирая на флаг и окружающих его людей? Чтобы разобраться в этих вопросах, порой имеющих далеко не однозначные ответы, обратимся к результатам масштабного социологического исследования «Интересы и ценности современной российской молодежи», проведенного в 2008-2010 гг.²

Важнейшим вопросом, от которого зависит гражданское самосознание, чувство сопричастности с народом своей страны, государством, является отношение к самому государству, в данном случае к России. На вопрос «Что для Вас представляет собой современная Россия?» большинство респондентов (28,5%) ответили, что это лишь «страна, в которой я родился и живу». 26% респондентов полагают, что Россия — «мощное государство, которое в данный момент истории испытывает временные трудности». 20,7% респондентов демонстрируют наиболее патриотичную позицию: Россия — «это моя родина, которой я горжусь». 13,4% считают ее страной больших возможностей, тем самым показывая, что связывают с ней свое будущее и надежды. 5,5% респондентов называют ее «безнадежно отсталой страной», 4,2% — «сырьевым придатком Запада» (см. рис. 1).

Как видно, основная часть молодежи позитивно оценивает значимость России, однако не демонстрирует высокого патриотического настроения.

² Исследование было проведено Институтом молодежной политики и социальных технологий (ИМПСиТ) МАТИ – Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского в 10 регионах РФ. Выборка составила 2100 респондентов следующих категорий: работающая молодежь, студенчество и старшеклассники (куратор – Л.А. Гегель). Материалы исследования были включены в Ежегодный доклад Правительства РФ 2010 г.

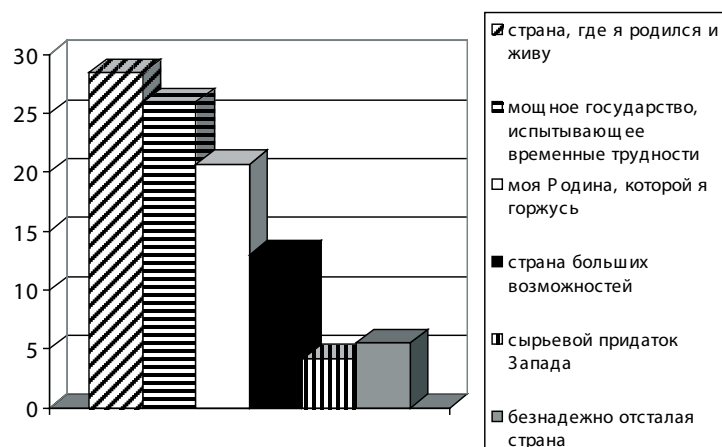

Рис. 1. Что для Вас представляет собой современная Россия?

Ощущение неустроенности жизни вызвано неудовлетворенностью современным положением страны. Большинство, указавшее на первый вариант ответа, свидетельствует, что Россия не более чем место, куда они «определены» судьбой, но не более того, страна не играет сколько-нибудь существенной роли, вызывающей гордость, сожаление, недовольство, т.е. определенные отношения, свидетельствующие об их равнодушии. Можно отметить, что практически треть опрошенной молодежи, судя по данному опросу, в значительной степени аполитична, безразлична в своем отношении к России, что не может не вызывать беспокойство.

Под гражданственностью 50% респондентов понимают «сознательное и активное выполнение человеком своих гражданских обязанностей и гражданского долга, разумное использование своих гражданских прав и свобод», 21% — «принадлежность к своей стране». Более 16% полагают, что это «патриотизм, гордость за свою страну, наличие чувства национального достоинства». Как показывает опрос, представители молодежи в целом демонстрируют понимание сущности гражданственности, осознают ее значимость. Что же формирует высокую гражданскую ответственность, самосознание? Важнейшим фактором, влияющим на ее развитие, выступает доверие личности государству и его институтам, на основе которого складывается мотивация уважения к закону, представителям общества, правам и обязанностям человека, а также установка на собственную активность в направлении общего блага.

На вопрос «Доверяете ли Вы Президенту России?» большинство респондентов ответили положительно (в среднем 63%), 28% — отрицательно, 9% затруднились с выбором ответа (см. рис. 2).

Однако в ответе на данный вопрос имел место заметный разброс мнений в зависимости от региона проживания (различие в предыдущих ответах

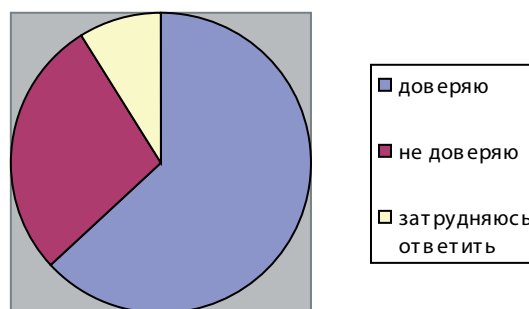

Рис. 2. Доверяете ли вы Президенту РФ?

было незначительным). Так, в Москве Президенту РФ доверяют только 48,7% представителей молодежи, в Омске — 77, в Нальчике — 54,7, в Элисте — 80, в Екатеринбурге — 69. В столице недоверие Президенту высказали 24,2% респондентов, только в Омске — 6,5, в Нальчике — 28,1, в Элисте — 8,1, в Екатеринбурге — 7,1.

Уровень доверия Президенту оказался выше в удаленных от столицы регионах, что связано с более значительным патернализмом, имеющим там место, а также (как покажут последующие ответы) с убежденностью, что все беды исходят не от руководителя страны, а от исполнителей верховной и местной власти. Что касается москвичей, ближе воспринимающих Президента, то степень доверия здесь находится на среднем показателе, что свидетельствует о более критичном отношении к его деятельности и личности, возможно, связанном с большей информационной свободой.

При этом очень характерным для России продолжает оставаться недоверие к представителям власти на государственном и местном уровнях. Так, 55% молодежи Владивостока, 50% москвичей, 40% респондентов Нальчика не доверяют Правительству РФ; в среднем по стране эта цифра составляет 30,9%. Уровень доверия в среднем достигает 38,2%

Государственной Думе не доверяют 56,1% респондентов из Москвы, 57,8% из Нальчика; в среднем по России — 39,8% опрошенных, в то время как доверие в среднем по России высказали лишь 19,8% респондентов. Как видно, значительная часть молодежи связывает несовершенство жизни в государстве с представителями власти, что формирует негативный имидж государственной системы. Это во многом приводит к тому, что гражданскую позицию молодые люди проявляют не только в содействии государственным институтам, правящей партии, но и в оппозиционной деятельности. Гражданское самосознание в этом случае оказывается связанным с изменением сложившейся вертикали власти, ее деятельностью, а также с принимаемыми законами (поскольку недоверие высказывается и к законотворцам, и к исполнительной власти).

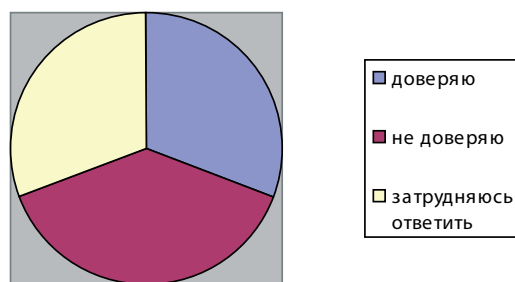

Рис. 3. Доверяете ли Вы Правительству РФ?

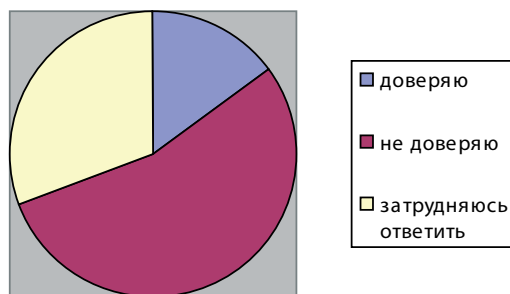

Рис. 4. Доверяете ли Вы главе своего региона?

Еще меньшим доверием пользуются политические лидеры в регионах. Так, в Москве главе региона доверяют только 6,1% респондентов (не доверяют 63,6%), в Нальчике — 6,6 (не доверяют 77,1%), в Екатеринбурге 3,6% (не доверяют 57,1%). Наиболее благополучная ситуация на этом фоне в Калмыкии: в Элисте главе региона доверяют 33,9% опрошенных (не доверяют, однако, 45,2%). В среднем по России 54,3% не доверяют главам регионов, 14,9% оказывают доверие. Эти данные свидетельствуют о кризисе доверия региональной власти (см. рис. 4).

Тревогу вызывает и то, что недоверием у современной молодежи пользуются армия и полиция. Армии в среднем доверяют 38% респондентов, не доверяют 33%; полиции доверяют лишь 14%, не доверяют 60,8%, остальные респонденты не имеют собственной четкой позиции. Как видно, к полиции молодые граждане испытывают наибольшее недовольство и недоверие, что способствует подрыву имиджа и государства, и правоохранительных органов (см. рис. 5).

Неуважительное отношение к силовым органам формирует и пренебрежение к самому законодательству, системе права, что крайне негативно сказывается на формировании гражданской ответственности, правосознания, правовой культуры молодых людей.

На вопрос «Доверяете ли Вы муниципальным чиновникам?» были даны еще более радикальные ответы. Респонденты Москвы ответили только отри-

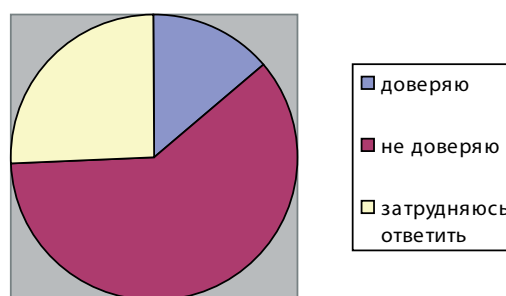

Рис. 5. Доверяете ли Вы полиции?

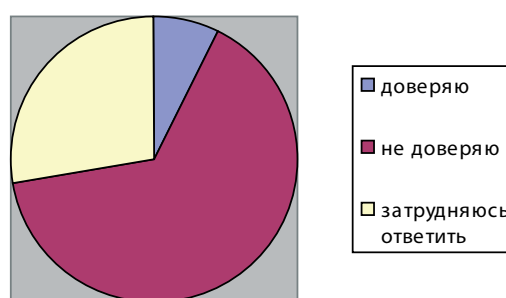

Рис. 6. Доверяете ли Вы муниципальным чиновникам?

цательно: «доверяю» — 0%, «не доверяю» — 60,6%, затрудняюсь ответить — 39,4%; в среднем по стране не доверяют муниципальным чиновникам 64,6%, доверяют только 7,6%, затрудняются с ответом 27,8% (см. рис. 6). Недоверие к представителям муниципальной власти связано и с экономическими причинами, поскольку этот фактор тормозит развитие мелкого и среднего бизнеса, во многом зависящего от региональной системы управления. Так, оценивая причины неудач реформ в современной России, Дж. Стиглиц отмечает прежде всего недостаток доверия государству и разрушение на этой почве социального капитала [2].

Большую роль в развитии демократического общества и гражданственности, как известно, играют СМИ. Какова степень доверия молодых людей этим источникам? Доверяют СМИ в Москве лишь 9,2% респондентов (не доверяют 55,4%), в Нальчике — 15,6 (не доверяют 64,1%), в Элисте — 39 (не доверяют 37,3%), в Екатеринбурге — 3,6% (не доверяют 54,5%). В среднем по России доверие СМИ высказывают 20% респондентов, 47,6%, напротив, им не доверяют (см. рис. 7). Недоверие СМИ — один из признаков так называемого «общества спектакля» (понятие Г. Дебора), в котором доминируют ложь, лицемерие, неверие в идеалы и авторитеты, игра всех со всеми. Еще в 1967 гг. Дебор отмечал, что СМИ вторглись в жизнь как простое оборудование для мгновенной коммуникации, как очередное удобство, однако это новшество обернулось на-

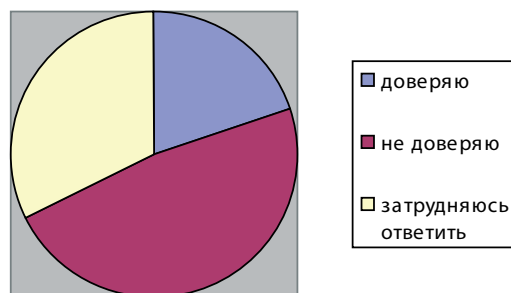

Рис. 7. Доверяете ли Вы СМИ?

стоящим троянским конём, со своими эгоистическими целями и помыслами о саморазвитии [1]. Молодое поколение россиян в полной мере осознает отчужденность СМИ от зрителя (читателя), утрату ими стремления к правде, достоверности, морали.

Молодежные объединения являются одной из ключевых форм участия молодежи в политической жизни страны. На вопрос о том, доверяет ли молодежь молодежным объединениям в современной России, были получены такие ответы: в среднем по стране 34,5% доверяют, 26,7% не доверяют, 38,8% не имеют своей позиции. Наибольшая степень доверия (51%) в г. Йошкар-Оле, наименьшая (9,7%) — в Омске. Эти показатели свидетельствуют о низком уровне политической активности молодежи, информированности в этом вопросе, с одной стороны, и отсутствии авторитета МОО в обществе — с другой.

Уровень гражданского самосознания молодежи напрямую зависит от чувства патриотизма. Однако содержание понятия «патриотизм» может быть по-разному наполненным, что связано с политическими и конкретно-историческими факторами. На вопрос «Что означает, по Вашему мнению, быть патриотом?» большинство респондентов ответили: «Любить Родину, быть готовым служить ей, укреплять и защищать её» (56,7% в среднем по России). При этом лишь 14,2% понимают под патриотичностью готовность жертвовать своими интересами ради интересов страны. Для 22% это означает «любить национальную культуру, следовать традициям своей страны», для 5,9% — «подчеркивать превосходство своей нации перед другими, признавать ее исключительность». Такие ответы показывают, что в целом современная молодежь патриотизм понимает позитивно, относит к разряду ценностей.

Однако важно при этом и самопозиционирование респондентов: относят ли они себя к патриотам? «Да» ответили 32,7%, «скорее да, чем нет» — 49,5%, «скорее нет, чем да» — 13, ответили отрицательно 4,8%. Таким образом, молодежь считает себя патриотичной частью общества и готова укреплять и защищать ее, а также следовать ее традициям.

Рис. 8. Как Вы оцениваете современную общественно-политическую ситуацию в России?

Означает ли патриотизм при этом готовность к тому, чтобы пожертвовать своими интересами во имя страны? Положительно на этот вопрос ответили 11,7% респондентов, «скорее да, чем нет» — 42,3%, «скорее нет, чем да» — 33,6 и «не готов» — 12,3%. Как видно из двух близких по значению вопросов, из 82% респондентов, считающих себя патриотами, готовность доказать это имеют лишь 54%. Небольшой процент ответивших отрицательно характерен для любой страны и эпохи (он носит скорее психологический характер), но вызывает беспокойство высокий процент тех, кто склоняется к отрицательному ответу — третья часть респондентов. Эта группа испытывающих сомнения требует пристального внимания со стороны акторов в сфере молодежной политики, учебно-воспитательных учреждений.

Важным для данного исследования был вопрос «Как Вы оцениваете современную общественно-политическую ситуацию в России?», поскольку ответ на него позволял увидеть скрытые причины доверия или недоверия к власти и государственной системе в целом. Только 8,6% респондентов ответили, что они считают ситуацию в России «стабильно благополучной, позитивной». Большинство опрошенных (44,6%) полагают, что ситуация сегодня «недостаточно стабильная, но скорее позитивная». 28,1% респондентов оценили ситуацию как «нестабильную и скорее негативную», 5,8% — «критической, взрывоопасной» и 12% затруднились дать ответ по этому вопросу (см. рис. 8).

Эти ответы показывают, что среди молодежи преобладают позитивные оценки политической ситуации в стране, что в свою очередь призвано еще более стабилизировать общество. Однако тот факт, что третья часть опрошенной молодежи видит ситуацию критически и негативно окрашенной, может вызвать деструктивное отношение к существующей политической системе (так как респонденты представляют собой часть электората), а также вызвать стремление покинуть страну, поскольку молодежь является самой мобильной

социальной группой. В этом случае данный процент окажется уже достаточно опасным и имеющим существенное значение.

Ответ на следующий вопрос «По Вашему мнению, должны ли быть продолжены социально-экономические реформы в России?» показывает, насколько молодежь поддерживает курс развития государства. «Да, должны, причем максимально быстрыми темпами, даже при возникновении возможных негативных последствий для отдельных категорий людей» — так ответили 19,2% респондентов. Большинство опрошенных (64,2%) считают, что «должны проводиться, но постепенно и сбалансировано, с учетом интересов всех граждан». И 16,7% ответили: «Нет, общество устало от реформ, необходимо решить накопившиеся проблемы и начать жить спокойно, в стабильных условиях». Как видно, молодежь, будучи наиболее готовой к переменам, одобрительно высказывается о проводимых в стране реформах. При этом важно молодые люди замечают, что реформы учитывают интересы далеко не всех граждан и требуют корректировки. Государство, ведущее реформы в интересах всех граждан, возможно только в идеале, на практике же демократические системы должны стремиться к тому, чтобы были учтены интересы большего числа граждан.

На вопрос «Имеете ли Вы свою позицию по отношению к происходящим событиям общественно-политической жизни России?» ответы респондентов распределились следующим образом: «всегда имею свою точку зрения и отстаиваю ее по мере возможности» — 28,7%, «имею свою точку зрения, но предпочитаю ее высказывать, не борясь за нее» — 17,7, «имею свое мнение, но не высказываю его, потому что это может мне навредить» — 9,0, «имею свое мнение, но не высказываю его, поскольку не верю, что могу хоть как-нибудь влиять на события» — 31,7%, остальные респонденты либо придерживаются официальной позиции, либо не имеют своего мнения. Из этих данных видно, что опрошенная молодежь не верит в то, что ее мнение имеет существенное значение в обществе и может повлиять на ситуацию в стране. В определенной степени это объясняет низкую политическую активность большинства молодежи, не вовлеченной в политическую жизнь и не проявляющей социальной активности в целом. В то же время третья часть молодежи, принявшей участие в опросе, имеет собственную точку зрения и уверена, что может отстоять ее. Этот процент свидетельствует о развитии за последние десятилетия чувства свободного выбора, волеизъявления, о значительном потенциале для развития гражданского самосознания.

И в заключение рассмотрим еще один значимый вопрос из многих, затронутых в данном исследовании: «Как, по Вашему мнению, государство относится к молодежи?». Ответы именно на этот вопрос в значительной степени показывают отношение молодежи к проводимой существующей властью молодежной политике. Так, 29,7% респондентов считают, что государство относится к молодежи «заинтересованно», 18,6 — «безразлично», 47,7 — «использует

в своих интересах», 4,1% опрошенных выбрали «другое». Как видно, молодые люди отдают себе отчет в том, что их потенциал и активность используются как инструмент для решения тех или иных задач.

Этот ответ еще раз демонстрирует ситуацию «спектакля», при которой система власти создает видимость направленных усилий для обеспечения интересов граждан (в данном случае молодежи), в то время как сами граждане не видят этих усилий на практике и перестают доверять обещаниям. В свою очередь это недоверие сказывается и на самосознании самой молодежи, которая, не веря в собственные силы, проявляет аполитичность.

При этой оценке не стоит забывать о том, что молодежи в целом присущ протестный дух, дух перемен, новаторства, радикальные методы самовыражения. Поэтому важно осознавать, что не проявлявшая себя гражданская активность на фоне общего недоверия к государству и его представителям может оказаться мощным потенциалом, использованным теми или иными политическими силами как в конструктивных, так и в деструктивных целях.

События на Манежной площади в декабре 2010 г., выступления оппозиции в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани в декабре 2011 г., в марте и мае 2012 г. показали, что стремление к гражданскому самосознанию и самовыражению становятся все более присущими современной молодежи, хотя при этом имеет место и манипулирование активностью молодежи со стороны различных политических сил. Наиболее радикальными факторами, способными вызвать импульсы политической активности молодежи, являются не только национализм и религиозный шовинизм, но и факторы экономического кризиса (начиная с 2010 г.), в том числе рост безработицы среди молодежи и недовольство существующей однополярной политической системой, торможение демократических процессов. Полагаем, что игнорирование и замалчивание этих процессов в сочетании с имеющим место недоверием молодежи к органам государственной власти могут стать серьезным фактором, угрожающим культурной безопасности России.

Библиографический список

1. Дебор Г.-Э. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.
2. Стиглиц Дж. Quis custodiet ipsos custodies? Неудачи корпоративного управления при переходе к рынку // Экономическая наука современной России. 2001. № 4.

Bibliography

1. Debort G.-E. Obshhestvo spektaklja. M.: Logos, 2000.
2. Stiglitz J. Quis custodiet ipsos custodies? Neudachi korporativnogo upravljenja pri perehode k rynku // Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii. 2001. № 4.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТУДЕНТА, ОБУЧАЮЩЕГОСЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

А. М. Ждановский, С. Д. Некрасов¹

Приведены результаты срезовых исследований личностных ориентиров студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление». Построена модель личностных ориентиров бытия студента, составлен социально-личностный портрет студента, обучающегося по специальности «Государственное и муниципальное управление».

Ключевые слова: личностные ориентиры бытия студента, ценности бытия, цели студента.

Zhdanovsky A. M., Nekrasov S. D. Personal cues of a student studying Public And Municipal administration major

In the article you could find the results of research about personal landmarks of public administration student. The model of personal landmarks being the student, compiled socio-personal portrait of public administration student.

Key words: personal landmarks being the student, values of life, the goal of the student.

Одной из престижных в последние годы для выпускника российской школы является специальность (направление) получения высшего образования «Государственное и муниципальное управление», о чем свидетельствует конкурс на это направление в КубГУ в 2009-2012 гг. стабильно очень высокий (не менее 20 чел. на бюджетное место).

Возникают вопросы, насколько осознанно студенты выбирают направление обучения «Государственное и муниципальное управление», какие социальные факторы стали ведущими для выбора ими этого направления обучения, какие личностные ориентиры самосознания студентов — будущих менеджеров

¹ Ждановский Александр Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, декан факультета управления и психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: zhdanovsky@manag.kubsu.ru

Некрасов Сергей Дмитриевич – кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: n.s.d@kubsu.ru

являются ведущими, осознают ли они высокую конкуренцию поступления на специальность, бюджетных мест на которую в десятки раз меньше, чем число поданных заявлений, и др.

Поиск ответов на эти вопросы целесообразно начать с построения социально-личностного портрета студента, избравшего специальность «Государственное и муниципальное управление», выявления личностных ориентиров его бытия.

Социальная актуальность исследования личностных ориентиров студента, обусловленная изменениями, происходящими в общественной жизни, определена Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». Законом установлены нормы и направления изменения отечественной системы образования, основными из которых являются общие цели в области обучения в рамках компетентного подхода и в области воспитания — развитие социально-личностных качеств обучающихся.

Обсуждение проблем развития личности студентов стало в последние годы актуальным в фундаментальных и практико-ориентированных психологических исследованиях, о чем свидетельствуют материалы конференций «Личность и бытие: субъектный подход» (2005, 2007, 2009, 2012 гг., г. Краснодар, г. Москва), «Личность курсанта: психологические особенности бытия» (2007, 2011, 2012 гг., г. Краснодар). Особое внимание ученых привлекает развитие самосознания, становление позиции личности будущего профессионала, изменение личностных ориентиров бытия студентов.

Как показывают исследования, у многих студентов выбор специальности обусловлен ориентацией «на авось», а не на собственные результаты ЕГЭ, скорее всего у них слабо развиты способности осознанного самоопределения. Некоторые студенты не придают значения информации о числе поданных заявлений на выбранную ими специальность либо не могут найти в информационных источниках этой информации. Следовательно, разработчикам сайтов вузов необходимо учитывать конкретность запросов выпускников школ и их родителей [5, с. 22-31]. «Огромный информационный поток зачастую не только помогает старшекласснику при выборе профессии, но приводит его в состояние растерянности, неопределенности» [3, с. 471]. И наконец, у части будущих студентов есть уверенность в том, что если они «не поступят на бесплатное обучение», то будут учиться по договору, т.е. имеют место иждивенческие настроения.

Поиск личностных ориентиров, влияющих на поведение выпускника школы, осуществим с позиций субъектно-бытийного подхода к исследованиям личности (А. В. Брушлинский, В. В. Знаков, З. Р. Рябикина, Е. А. Сергиенко и др.), согласно которому критерии субъекта рассматриваются в динамическом плане, в процессе проявления человеком активности.

Рис. 1. Модель личностных ориентиров бытия студента

Первым критерием является положение о том, что становление субъекта происходит непрерывно, но носит стадийный характер, т.е. временной контекст. Вторым критерий — способность субъекта «выделять себя из окружающего мира» [7, с. 348], т.е. пространственно-бытийный контекст. Третьим «критерием субъекта следует считать сформированность у человека способности осознавать совершаемые им поступки как свободные нравственные деяния, за которые он несет ответственность перед собой и обществом» [2, с. 23]. Четвертый критерий — ведущие для возраста ориентиры бытия. «Ведущими осмысленными ориентирами для многих молодых людей являются ориентиры на становление профессиональной субъектности и обретение семейной идентичности» [4, с. 31].

Итак, на самоопределение студента вуза влияет, во-первых, осознание времени: обретенные ценности бытия в прошлом, учеба и социальные отношения в настоящем, осознание себя в будущем. Во-вторых, осознание им места собственного бытия, а также осознание ценности своей будущей профессии. В-третьих, осознание им ответственности за осуществленный выбор. И наконец, в самосознании студента ведущими являются личностные ориентиры бытия, связанные с будущей профессией и собственной семьей.

Таким образом, моделирование личностных ориентиров бытия студента вуза состоит из системной организации разных элементов, в том числе степени осознания студентом ценностей бытия, ответственности за выбор направления обучения, времени реализации и содержания личных целей. Можно предположить, что модель личностных ориентиров бытия студента вуза является вектором, началом которого служат личностные ценности бытия студента, а концом вектора — его личные актуальные цели бытия (рис. 1).

Скорее всего, в начале обучения в вузе, в том числе по специальности «Государственное и муниципальное управление», личностные ориентиры студентов основаны на частично структурированной системе ценностей личности и направлены на достижение целей, которые обладают общим мало структурированным содержанием, различаются временными границами, имеют как стабильные, так и изменяющиеся цели и ценности.

Для проверки предположения воспользуемся результатами наших срезовых исследований, проведенных в 2008 (N = 32), 2009 (N = 49), 2010 (N = 69), 2011 (N = 97), 2012 (N = 99) гг. Разное количество студентов первого курса объясняется разным количеством бюджетных мест, выделяемых КубГУ в разные годы. Напомним, что в 2011 и 2012 гг. изменились условия приема, набор осу-

ществлялся на бакалавриат (четыре года обучения), а предыдущие годы — на специальность (пять лет обучения).

Респондентами были студенты первого курса, обучающиеся по специальности (направлению) «Государственное и муниципальное управление» (далее — ГМУ). Всего 346 респондентов. Отметим, что не учитывались различия между студентами в источниках оплаты за обучение (бюджет или договор), так как это принципиальная позиция факультета. Отсюда формирование на первом же курсе смешанных групп, единство требований.

Методики исследования: разработанная для настоящего исследования методика незаконченных предложений «Ценности квалификации менеджер ГМУ» и опросник «Мотивация поступления в вуз» Н. Ш. Валеевой и Н. П. Гончарук [1]. Биографические данные содержались в Анкете студента ГМУ.

По методике «Ценности квалификации менеджер ГМУ» респондентам предлагалось как можно подробнее завершить предложение: «Я выбрал (выбрала) направление обучения «Государственное и муниципальное управление» потому, что ...».

По опроснику «Мотивация поступления в вуз» респондентам предлагалось оценить по пятибалльной шкале двенадцать утверждений, в том числе о сложностях выбора вуза и влиянии значимых Других, о стремлениях в настоящем и целях профессионального образования.

Анализ содержания данных, полученных с помощью методики «Ценности квалификации менеджер ГМУ», позволил составить список основных ценностей, выделенных респондентами и разбить эти ценности на четыре группы.

К первой группе отнесены ценности бытия сотрудника системы управления: «Хочу работать чиновником», «Квалификация позволяет добиться успеха», «Для меня важно сделать карьеру, а специальность ГМУ дает хорошие возможности», «Важно иметь большой выбор для работы, а специальность ГМУ востребована» и др. Рабочее наименование этой группы ценностей — «ценности бытия будущего управленца».

Во вторую группу вошли ценности, относящиеся к ценностям бытия студента, студенческой жизни: «Важно учиться на престижной специальности», «Важно обучаться интересной мне специальности ГМУ», «На ГМУ многому хочу и смогу научиться», «Важно развить свои способности управлять людьми», «Могу и хочу быть лидером, а на ГМУ этому учат», «Хочу научиться работать с людьми», «Важны знания психологии управления» и др. Рабочее наименование этой группы ценностей — «ценности студенческого бытия».

В третью группу включены ценности, относящиеся к ориентирам на личное участие в развитии общества, нормативным юношеским стремлениям изменить мир: «Важно изменить что-то в жизни людей», «Хочу участвовать в государственных делах», «Хочу участвовать в развитии города» и др. Рабочее

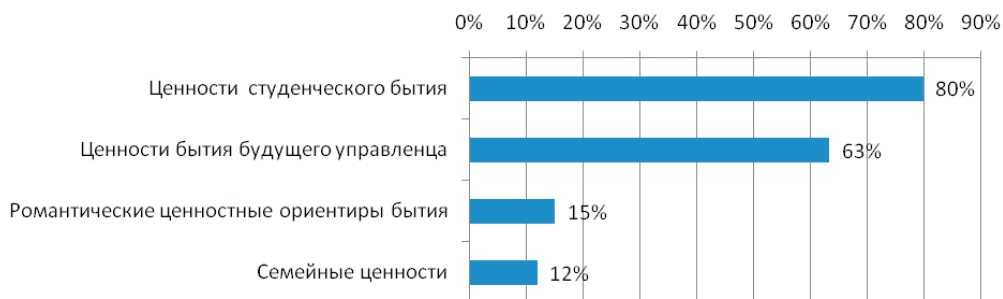

Рис. 2. Группы личностных ценностей студентов ГМУ

наименование этой группы ценностей — «романтические ценностные ориентиры бытия».

Четвертую группу составили ценности, относящиеся к ценностям отношений с родителями: «Важно следовать советам родителей», «Важно учитывать мнения родственников», «Важно продолжать семейные традиции» и др. Рабочее наименование этой группы ценностей — «семейные ценности» (рис. 2).

Высокий процент «ценностей студенческого бытия» и «ценности бытия будущего управленца» свидетельствует скорее всего о том, что главная конструкция в системе ценностей большинства студентов ГМУ — «Важна учеба и будущая работа по направлению ГМУ». Многими студентами руководит ожидание того, что квалификация «менеджер ГМУ» позволит работать в государственных или муниципальных органах управления.

В ответах одних респондентов присутствовали ценности только одной группы, а в ответах других — ценности нескольких групп.

В процессе дальнейшего анализа использовались оценки респондентов своих профессиональных целей, выставленные по опроснику «Мотивация поступления в вуз»: «Вы стремитесь получить в вузе хорошую подготовку и сделать карьеру» (цель — «получить хорошую для карьеры подготовку»); «Вы рассчитываете приобрести необходимую квалификацию в определённой области профессиональной деятельности» (цель — «приобрести необходимую квалификацию»). В результате выборка была классифицирована на три группы респондентов (рис. 3).

В первую группу вошли респонденты, личностные ценности которых выявлены только как «ценности бытия будущего управленца», а также те, у которых самые высокие самооценки целей «получить хорошую для карьеры подготовку» и «приобрести необходимую квалификацию». То есть личностные ориентиры студентов этой группы направлены на будущую профессию менеджера,

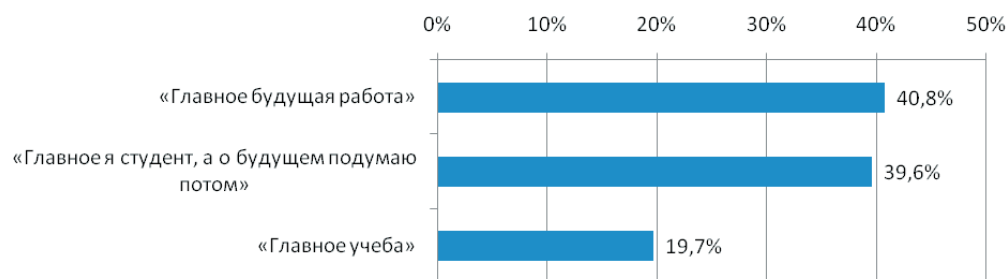

Рис. 3. Распределение студентов ГМУ по группам, различающимся личностными ориентирами бытия

государственного или муниципального чиновника. Рабочее наименование группы студентов, имеющих эти ориентиры, — «Главное — будущая работа».

Ко второй группе отнесены респонденты, личностные ценности которых выявлены только как «ценности студенческого бытия», а также те, у кого самые высокие самооценки целей «получить хорошую для карьеры подготовку» и «приобрести необходимую квалификацию». То есть личностные ориентиры студентов этой группы направлены на обучение управленческой профессии, на получение диплома по направлению ГМУ, на профессию «студент ГМУ». Рабочее наименование группы студентов, имеющих эти ориентиры, — «Главное — учеба».

В третью группу включены респонденты, которые не попали в первые две группы, а также те, у кого менее высокие, чем в других группах, самооценки целей «получить хорошую для карьеры подготовку» и «приобрести необходимую квалификацию». У этих студентов выявлены не только «ценности бытия будущего управленца», но и «ценности студенческого бытия», другие ценности. То есть личностные ориентиры студентов этой группы не имеют явно выраженной направленности. Рабочее наименование группы студентов, имеющих эти ориентиры, — «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом».

Процент студентов группы «Главное — будущая работа» свидетельствует скорее всего о том, что более 40% студентов, обучающихся по направлению ГМУ, четко представляют свое профессиональное будущее, осознанно осваивают азы профессии управленца. Для остальных студентов (почти две трети), вероятно, личностными ориентирами служат освоение профессии «студент», успехи в учебе, особенности студенческой жизни, а кем и где они будут работать после окончания вуза, для них сегодня не особенно значимо. Им более важны ценности обучения сегодня, чем возможности трудовой деятельности завтра.

Не интересовала поступивших и возможность работать сразу после школы как возможная альтернатива поступления в вуз. Два вопроса связаны с этой

альтернативой: «5. Таким путём Вы пытаетесь оттянуть принятие серьёзного решения, касающегося жизненного пути». «6. Вы не смогли найти подходящую работу». Причем такое отношение прослежено по всей выборке. Будущие специалисты (2008-2010 гг.) оценили 5-й вопрос на 0,65 балла, а будущие бакалавры (2011-2012 гг.) отнеслись к нему чуть серьёзней (средняя оценка — 1 балл). При оценке 6-го вопроса практически полное единодушие — 0,4-0,45 балла. Последний балл свидетельствует о том, что о поиске работы даже не думали.

Статистически значимыми ($p < 0,05$, ϕ -критерий Фишера) оказались показатели студентов, различающихся личностными ориентирами бытия и поставивших самые высокие оценки трем утверждениям опросника «Мотивация поступления в вуз».

Утверждение «Вы стремитесь к общению с умными, интересными людьми» получило высшие оценки 91% студентов группы «Главное — учеба», 84% студентов группы «Главное — будущая работа», 53% студентов группы «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом».

Утверждение «Вас привлекают заманчивая, необычная студенческая жизнь, интересный круг общения» высоко оценили 68% студентов группы «Главное — учеба», 55% студентов группы «Главное — будущая работа», 31% студентов группы «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом».

Любопытно, что средняя оценка первого утверждения по всей выборке составляет 4,7 балла, что ниже оценки других утверждений, характеризующих карьерные устремления опрошенных. Эта оценка коррелирует с оценкой второго из названных утверждений, где частью студенческой жизни назван «интересный круг общения» (3,8-4,0 балла). То есть широкое и разнообразное общение не входит в приоритет интересов опрошенных.

Утверждение «Высшее образование позволит добиться материального благополучия» получило самые высокие оценки у 78% студентов группы «Главное — учеб», у 68% студентов группы «Главное — будущая работа», у 58% студентов группы «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом», хотя средние значения по всей выборке не самые высокие — 4,5 балла.

Психологический портрет студентов, различающихся личностными ориентирами бытия, дополним статистически значимыми эмпирическими фактами.

Большинство студентов группы «Главное — учеба» отличают ожидания изучения азов профессии у компетентных преподавателей и высокооплачиваемой работы после получения квалификации, насыщенные и интересные контакты с социальным окружением в процессе обучения.

Большинству студентов группы «Главное — будущая работа» также свойственно ожидание изучения азов профессии у компетентных преподавателей и высокооплачиваемой работы после получения квалификации, чуть более по-

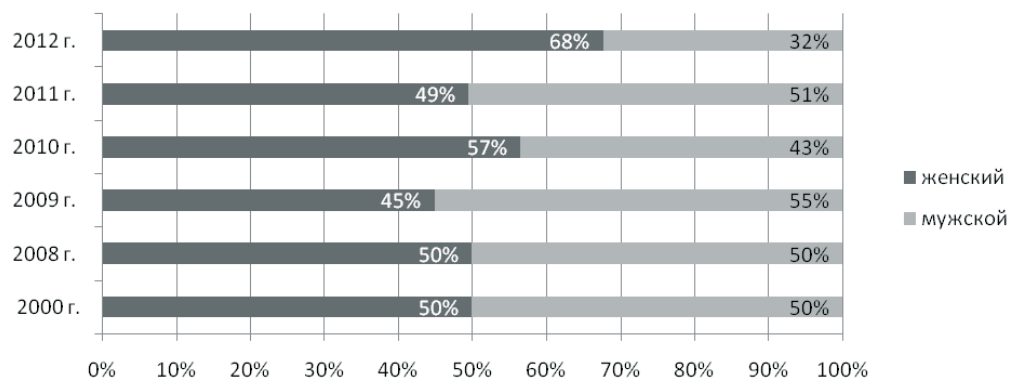

Рис. 4. Распределение студентов ГМУ по полу и году поступления

ловины из них считают значимыми насыщенными и интересными контактами с социальным окружением в процессе обучения.

Более половины студентов группы «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом» отличают ожидания изучения азов профессии у компетентных преподавателей и получения высокооплачиваемой работы после окончания вуза, для менее трети студентов важны насыщенные и интересные контакты с социальным окружением в процессе обучения. Вероятнее всего, одни студенты этой группы более прагматичны, а другие — более социально инфантильны, чем студенты других групп.

Рассмотрим индивидуальные изменения особенностей студентов ГМУ за последние пять лет и сравним отдельные показатели с портретом студента ГМУ, полученного в 2000 г. Для анализа используем результаты исследования «Портрет абитуриента факультета управления КубГУ», проведенного в 2000 г. [6, с. 144-157] (рис. 4).

Несмотря на то что в отдельные годы процент поступивших на обучение по направлению ГМУ имел половые отличия, в среднем число юношей и девушек, обучающихся этой специальности, приблизительно равное. То есть направление ГМУ относительно стабильно, одинаково престижно как для юношей, так и для девушек, хотя в 2012 г. отмечено увеличение представительниц женского пола.

Выделим определённые изменения в последние два года. В 2011 г. (первый набор бакалавров) 40% юношей и 48% девушек не знали, где они будут работать после окончания университета. В 2012 г. об этом не знали 3 и 6% соответственно. На государственную или муниципальную службу собирались в 2011 г. 48% юношей и 38% девушек, в 2012 г. — соответственно 94 и 73%. В бизнесе себя видели в 2011 г. 2% юношей и 12% девушек, в 2012 г. — 3 и 19% соответственно. Видимо, девушки этого поколения склонны к большему риску или самооценка ими собственных возможностей завышена.

Рассматривая данные о времени окончания школы, отметим, что в 2011 и 2012 гг. поступили на обучение по направлению ГМУ 100% абитуриентов, закончивших школу в год поступления, а в 2000 г. — только 51%. То есть в настоящее время более успешно выдерживают вузовский конкурс на ГМУ выпускники школ, закончивших школу в год поступления.

Согласно данным о месте жительства студентов ГМУ увеличился процент студентов, проживающих за пределами Краснодарского края и Республики Адыгея, поступивших в 2011 и 2012 гг. (около 12%) по сравнению с 2000 г. (около 2%); есть динамика и по числу субъектов Российской Федерации, представленных среди поступивших студентов (в 2008 г. субъектов было пять, в 2011-2012 гг. — 8 и 7 субъектов соответственно). Преобладает Северный Кавказ, но есть и далекие регионы — Сахалин и Хабаровский край.

В 2011 и 2012 гг. увеличился процент студентов (около 6%), проживающих в Республике Адыгея, по сравнению с поступившими в 2000 г. (около 4%). Уменьшилась доля студентов, проживающих в г. Краснодаре (в 2011 и 2012 гг. — около 33%, в 2000 г. — около 55%).

Резко расширилась география представительства Краснодарского края. Если в 2008-2010 гг. на ГМУ поступили студенты из 9-13 муниципальных образований края, причем в основном жители городов, то в 2011-2012 гг. — 23-26 муниципальных образований, в том числе небольших поселков и станиц.

Можно предположить, что растет популярность обучения по направлению ГМУ в КубГУ. Перечисленные изменения (гендерные особенности, выпускники школ, география поступивших), на наш взгляд связаны с введением ЕГЭ, совмещением испытаний «на выходе из школ» и «на входе в вуз». Шансы абитуриентов сблизились, возможности поступить на престижные специальности увеличились.

Рассматривая данные о родителях студентов, поступивших в вуз в 2011 и 2012 гг., отметим, что у 62% студентов хотя бы один из родителей занимает управленческую должность (директор, заведующий, заместитель руководителя, начальник отдела, индивидуальный предприниматель и др.). Скорее всего личностные ориентиры этих студентов обусловлены семейными традициями, образом жизни и ценностями трудовой деятельности родителей, хотя средняя оценка утверждения «Поступления в вуз от Вас ждали родители, родственники, друзья» не превышает 3,6 балла.

Итак, получено эмпирическое подтверждение того, что модель личностных ориентиров бытия студента вуза можно рассматривать как вектор, началом которого служат личностные ценности бытия студента, а концом вектора — его личные актуальные цели бытия.

Модель личностных ориентиров бытия студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление», позволила выделить

три группы студентов, различающихся ориентирами бытия, основанными на развивающейся системе профессиональных ценностей личности и направленными на достижение целей, различающихся временными границами. Построены социально-личностные портреты студентов, различающихся ориентирами бытия: «Главное — будущая работа», «Главное — учеба», «Главное — я студент, а о будущем подумаю потом».

Библиографический список

1. *Валеева Н.Ш., Гончарук Н.П.* Психология и культура умственного труда. М.: КНОРУС, 2004.
2. *Знаков В.В.* Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
3. *Истомина С.В.* Роль опыта осознанной саморегуляции активности в профессиональном самоопределении старшеклассников // Личность и бытие: субъектный подход. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
4. *Мальчинский Ф.В., Некрасов С.Д.* Внутренняя позиция личности курсанта военного авиационного училища. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т, 2012.
5. *Некрасов С.Д.* Личностные параметры образа будущего у выпускника современной школы // Человек. Сообщество. Управление. 2010. № 4.
6. *Некрасов С.Д., Босенко А.А., Ждановский А.М.* Портрет абитуриента 2000 г. факультета управления КубГУ // Человек. Сообщество. Управление. 2000. № 3-4.
7. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Bibliography

1. *Valeeva N. Sh., Goncharuk N. P.* Psihologija i kul'tura umstvennogo truda. M.: KNORUS, 2004.
2. *Znakov V. V.* Psihologija subjekta i psihologija chelovecheskogo bytija // Subjekt, lichnost' i psihologija chelovecheskogo bytija. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005.
3. *Istomina S. V.* Rol' opyta osoznannoj samoreguljacji aktivnosti v professional'nom samoopredelenii starsheklassnikov // Lichnost' i bytie: subjektnyj podhod. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2008.
4. *Mal'chinskij F. V., Nekrasov S. D.* Vnutrennjaja pozicija lichnosti kursanta voennogo aviacionnogo uchilishha. Krasnodar: VUNC VVS "VVA", Kubanskij gos. un-t, 2012.
5. *Nekrasov S. D.* Lichnostnye parametry obraza budushhego u vypusknika sovremennoj shkoly // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2010. № 4.
6. *Nekrasov S. D., Bosenko A. A., Zhdanovskij A. M.* Portret abiturienta 2000g. fakul'teta upravlenija KubGU // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. 2000. № 3-4.
7. *Sergienko E. A.* Ranee kognitivnoe razvitie: Novyj vzgljad. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2005.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Порядок приема и рецензирования рукописей. Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов). Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. Рукопись должна сопровождаться рецензией, написанной специалистом в той области научных исследований, которая затрагивается автором. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка.

Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 Библиографического списка.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный библиографический список. Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ – 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

Editorial Committee

The journal publishes works in the field of political science and political management, public and municipal administration, local economy, management and managerial consulting, managerial sociology, general psychology and personality psychology, social and economic psychology, psychology of development, labour psychology, methods of teaching and other.

How to send papers and be reviewed. Scientific papers, critical reviews and reviews are accepted up to 32 000 characters with spaces (up to 0.8 publication based sheet) in e-format of MS Word for Windows as an attachment at chsu1999@yandex.ru and journal@manag.kubsu.ru. Attn: Please send the works on both accounts! Highly original and not published earlier materials are considered. The manuscript must be accompanied by a review by an expert in the field touched by the manuscript's author.

The author is noticed in 5 days about his/her article acceptance and launching the review procedure. In the process of peer-reviewing and expertise both the members of the editorial committee and editorial council can be invited and the other highly qualified experts with deep knowledge in a specific scientific field, usually Drs. Sci. and Profs. Neither the author nor co-author can be a reviewer.

The author is answered in 30 workdays with the following motivated decisions: (1) the article is recommended for publication, (2) the article is recommended for publication after being revised, (3) the article is not recommended for publication.

Author's data. The manuscript must contain the author's data: full name/s, patronymic (if any), scientific degree, scientific title, place of work and position, telephone number, address and e-mail.

References. The author must give references to the sources from which he/she cites, takes statistical data and other information. *Bibliography* chapter must be presented at the end of the manuscript where all the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each item under its own number. Bibliographical description of a source must also have the place of issue and the name of publishers' (besides periodicals), and the year of publishing, Russian-language sources mentioned first followed by foreign ones.

In-text reference must be marked by square brackets and contain the number of the source and the page/s to which the reference is given, e.g. [3, p. 67] means that page 67 of source 3 of the Bibliography is referenced.

Summary. The manuscript must contain the article's summary in Russian and in English not more than 800 characters, containing description of the essence of the scientific message (main idea and goal, methods and results of the research), and keywords (not more than 10). A manuscript must be accompanied with the following information: title in English, the author's/rs' name/s in Latin characters and the reference/s also transliterated in Latin characters.

Publication is free including for post-graduate students.

The editor's office address: 149 Stavropolskaya St., Kuban State University, room 412N, Krasnodar 350040, Russia.

Distribution. The journal is distributed by subscription. Some of the issues are available at the library of the Dept. for Management and Psychology N building, 4th floor, room 414N, open on workdays from 10 am to 5 pm.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

«___» _____ 20__ г.

_____ Подпись, заверенная печатью

How the manuscripts are reviewed

The author is noticed in 5 days about his/her article acceptance and launching the review procedure. In the process of peer-reviewing and expertise both the members of the editorial committee and editorial council can be invited and the other highly qualified experts with deep knowledge in a specific scientific field, usually Drs. Sci. and Profs.

Post-graduate students presenting their articles in the journal must also send to the editor»s external peer-review with the peer-reviewer»s signature duly confirmed. Neither the author nor co-author can be a reviewer.

The author is answered in 30 workdays with the following motivated decisions: (1) the article is recommended for publication, (2) the article is recommended for publication after being revised, (3) the article is not recommended for publication.

Sample of a peer-review

Review

Of the article by

Name/s Patronymic (if any) Family name, Cand. Sci. (Scientia), Assist. Prof.,
Chair for Scientia, Aliqua University

Here the review text goes in which the peer-reviewer expresses his/her opinion on the following: 1) what is the scientific problem and how it is solved by the author, and if it is novel; 2) if the problem is topical; 3) if the article is theoretically and/or practically valuable; 4) do the sentences and conclusions by the author correspond with existing contemporary scientific concepts of the research field; 5) personal author»s contribution to the solution of the problem considered; 6) evaluation of the article from the point of view of language, logic and style of the narration, foundation and reliability of conclusions.

The reviewer provides recommendations on whether to publish or not the material.

Reviewer: Name/s Patronymic (if any) Family name, scientific title, position

Date

Signature

Seal